

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

4' 2022

Казань 2022

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – ГНБУ "Академия наук Республики Татарстан"

Основан в январе 1995 г.
Выходит четыре раза в год

Журнал ориентирован на публикацию научных статей
по следующим научным направлениям:
5.6 (исторические науки), 5.9 (филология), 5.4 (социология)

Главный редактор – академик АН РТ **М.Х. Салахов**
Заместитель главного редактора –
директор Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ,
академик АН РТ **И.А. Гилязов**

Редакционная коллегия:

Бальдауф Ингеборг, профессор (Берлин),
Вашари Иштван, профессор (Будапешт),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Загидуллина Д.Ф., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Ильдарханова Ф.А., доктор социологических наук, доцент (Казань),
Кирхнер Марк, профессор (Гиссен),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Ситдиков А.Г., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шайдуллин Р.В., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, профессор (Мэдисон)

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 238-35-82
E-mail: info-ite@mail.ru
(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 14.11.2022.
Формат 70x108 1/16.
Бумага офсетная.
Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательстве «Фэн»
Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
Тел.: (843) 292-49-14

Переводчик **И. Шакиров**
Компьютерная верстка **В. Левин**

© Коллектив авторов, 2022
© Академия наук РТ, 2022

ФИЛОЛОГИЯ

- 5 *Галимуллина А.Ф., Нургали К.Р.* Основные тенденции изучения современной русскоязычной литературы в контексте диалога литератур и культур через призму итогов VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур» (15–16 декабря 2021 г.)
- 16 *Бакиров Р.А., Бакирова К.С.* Николай Асеев и Чистополь: к взаимодействию культурных систем
- 20 *Жантогулова Г.У., Кулуспаева С.Б.* Кинематографическая интерпретация пьесы Александра Вампилова «Утиная охота»
- 27 *Уайсбаева А.Г.* «Мужской» и «женский» хронотоп в романе Л.Улицкой «Искренне Ваш Шурик»
- 30 *Канафина М.А., Акбергенова Д.К.* Тип бездомного удальца в ранней прозе В.Маканина
- 35 *Жумсакбаев А.Т.* Рецепция творчества А.П.Чехова в Казахстане
- 40 *Орешникова А.Д.* Французы и творчество А.П.Чехова
- 43 *Губочкина Л.Ю.* Диалог автора и переводчика в пространстве двух культур (на материале художественного перевода образов лингвоантропоморфизма)
- 47 *Большаков А.Н.* Взаимопроникновение различных языковых культур и роль перевода в этом процессе
- 52 *Галимзянов А.И.* О продолжении традиций переводческой школы Рафиля Бухараева: поэзия Рифата Салахова
- 57 *Галкин Л.Д.* Образ Казани в творчестве Н.Н.Беляева и Р.Р.Бухараева
- 62 *Зайнуллина Г.И.* Интертекстуальная стратегия А.И.Остудина в диалоге с А.С.Пушкиным
- 69 *Иванова О.И.* Образ ребенка в повести А.Борисовой «Записки для моих потомков»
- 74 *Го Сюеяо.* Религиозная лексика в современной детской литературе (на материале рассказа Б.Ганаго «Весна в душе»)
- 77 *Анисимова Е.В.* Тема семьи и дома в рассказах Евгения Славутского
- 80 *Артюшкина С.Х., Тарасова С.Н.* Жанр сказки в современной русскоязычной литературе для детей и подростков: традиции и новаторство
- 85 *Лозовская О.В.* Современная авторская сказка как основа детского мюзикла
- 90 *Ахунова Н.Г.* Роль лито (литературных объединений) на формирование творческой личности писателя (80-летию лито им. Марка Зарецкого и 25-летию лито им. Гарифа Ахунова посвящается...)
- 95 *Курбанова Н.К.* Изучение поэзии Р.Р.Бухараева в московской школе
- 98 *Салимова Ф.Б., Фазлиев Р.М.* Духовно я называю себя гражданином Казани
- 102 *Черняева Е.В.* О поэтической прозе Рафиля Бухараева (если видеть сердцем)
- 105 *Михеева Н.В.* Из воспоминаний о Рафиле Бухараеве: литературные встречи

PHILOLOGY

- 5 **Galimullina A.F., Nurgali K.R.** The main trends in the study of modern russian-speaking literature in the context of the dialogue of literature and cultures through the prism of the results of the VI international scientific and practical conference «Actual problems and prospects for the development of russian-sound literature in the context of national literature» (December 15–16, 2021)
- 16 **Bakirov R.A., Bakirova K.S.** Nikolai Aseev and Chistopol: toward the interaction of cultural systems
- 20 **Zhantogulova G.U., Kuluspaeva S.B.** Cinematic interpretation of Alexander Vampilov's «Duck hunting»
- 27 **Uaysbaeva A.G.** «Male» and «female» chronotope in L.Uliczkaya's novel «Sincerely yours Shurik»
- 30 **Kanafina M.A., Akbergenova D.K.** The type of homeless daredevil in V.Makanin's early prose
- 35 **Zhumsakbaev A.T.** The reception of Chekhov's work in Kazakhstan
- 40 **Oreshnikova A.D.** The French and the work of Anton Chekhov
- 43 **Gubochkina L.Yu.** Dialogue between author and translator in the space of two cultures (on the material of artistic translation of images of lingvoanthropomorphism)
- 47 **Bolshakov A.N.** The interpenetration of different linguistic cultures and the role of translation in this process
- 52 **Galimzyanov A.I.** On the continuation of the traditions of the Ravil Bukharaev school of translation: poetry by Rifat Salakhov
- 57 **Galkin L.D.** The image of Kazan in the works of N.N.Belyaev and R.R.Bukharaev
- 62 **Zainullina G.I.** Intertextual strategy of A.I.Ostudin in dialogue with A.S.Pushkin
- 69 **Ivanova O.I.** The image of the child in A.Borisova's story «Notes for my descendants»
- 74 **Guo Xueyao.** Religious vocabulary in modern children's literature (on the material of B.Ganago's story «Spring in the soul»)
- 77 **Anisimova E.V.** The theme of family and home in the stories of Evgeny Slavutsky
- 80 **Artyushkina S.H., Tarasova S.N.** The genre of the fairy tale in contemporary russian literature for children and adolescents: tradition and innovation
- 85 **Lozovskaya O.V.** A modern author's tale as the basis for a children's musical
- 90 **Akhunova N.G.** The role of lito (literary associations) on the formation of the writer's creative personality (dedicated to the 80th anniversary of the lito named after Mark Zaretsky and the 25th anniversary of the lito named after Garif Akhunov...)
- 95 **Kurbanova N.K.** Study of R.R.Bukharaev's poetry in a Moscow school
- 98 **Salimova F.B., Fazliev R.M.** Spiritually i call myself a citizen of Kazan
- 102 **Chernyaeva E.V.** On Ravil Bukharaev's poetic prose (if you see with your heart)
- 105 **Mikheeva N.V.** From memories of Ravil Bukharaev: literary meetings

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
ДИАЛОГА ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ИТОГОВ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР» (15–16 ДЕКАБРЯ 2021 Г.)**

**THE MAIN TRENDS IN THE STUDY OF MODERN RUSSIAN-
SPEAKING LITERATURE IN THE CONTEXT OF THE
DIALOGUE OF LITERATURE AND CULTURES THROUGH
THE PRISM OF THE RESULTS OF THE VI INTERNATIONAL
SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «ACTUAL
PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN-SOUND LITERATURE IN THE CONTEXT OF
NATIONAL LITERATURE» (DECEMBER 15–16, 2021)**

15–16 декабря 2021 г. в Институте филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета состоялась VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы русскоязычной литературы в контексте национальных литератур», памяти Рустема Кутуя и Равиля Бухараева. Конференция 2021 г. была посвящена 70-летию со дня рождения поэта, философа, переводчика Равиля Раисовича Бухараева (1951–2012).

На конференции ежегодно рассматривается широкий круг проблем, связанный с осмыслением основных тенденций развития современной русской литературы во взаимодействии с национальными литературами

народов России, ближнего и дальнего зарубежья. Литературоведы, культурологи, профессиональные переводчики, писатели, исследователи переводоведения, а также школьные учителя русской литературы и организаторы внешкольной деятельности учащихся Республики Татарстан и других регионов России в своих выступлениях раскрывают проблемы художественного перевода с использованием языков народов России, изучают проблемы национальной идентичности в литературах народов России и мировой литературе, а также большое внимание уделяют вопросам исследования региональной литературы и культуры, создания «городского» текста, осмыслению

вопросов, связанных с изучением «провинциального» и «столичного» текстов. Отличительной особенностью конференции 2021 г. является тесная взаимосвязь академического литературоведения и переводоведения с практикой преподавания русской литературы и гуманитарных дисциплин в школах и вузах, с профессиональной деятельностью переводчиков и писателей.

В этой связи закономерен международный состав организаторов конференции. Конференцию организует и проводит кафедра русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия) в тесном взаимодействии с кафедрой русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан). Конференция проводится в тесном сотрудничестве с Академией наук Республики Татарстан, Общероссийской общественной организацией «Союз переводчиков России», Союзом писателей Республики Татарстан, Татарстанским региональным отделением Петровской академии наук и искусств и домом-музеем В. П. Аксенова. В работе конференции ежегодно принимают активное участие зарубежные ученые. В пленарном заседании и в работе секций выступили с докладами доценты и профессора, магистранты, аспиранты, докторанты ЕНУ им. Л. Н. Гумилева (Казахстан), университетов Китая, США, Ирана, Великобритании.

С приветственными напутствиями к участникам конференции обратились заместитель директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета профессор И. Э. Ярмакеев (г. Казань, Россия), вице-президент Академии наук Республики Татарстан, руководитель Татарстанского регионального отделения Петровской академии наук и искусств, профессор В. В. Хоменко (г. Казань, Россия), президент Союза переводчиков России, доцент, кандидат культурологии О. Ю. Иванова (г. Москва, Россия), заведующая кафедрой русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, профессор К. Р. Нурғали (г. Астана, Казахстан). Вела пленарное заседание председатель оргкомитета конференции профессор ИФМК КФУ А. Ф. Галимуллина.

Научные доклады перемежались с творческими выступлениями. Так, например, Александр Карпенко – известный поэт и переводчик, член Союза писателей России (г. Москва, Россия), завершил свое приветствие чтением стихотворения, посвященного Казани:

*По Казани, по Казани, –
Дивный город показали;
Мы шагали день-деньской.
По Казани, по Казани –
Город слез и наказаний,
Город щедрости людской.*

*Мы – с кредитками в кармане,
Мы кочуем, как цыгане,
Любопытству платим дань.*

*Радость дружеских касаний...
Нет, не брали мы Казани –
Это нас брала Казань!*

*Смутно верится сказанью!
Породнился я с Казанью.
Не разлей теперь вода.
Я в Казани – Казанова,
Вот начнется Вита Нова,
Здесь останусь навсегда!*

*В этом пиршестве с Казанью
Место есть иносказанью.
Хорошо как, Боже мой!
И, плененные Казанью,
Мы откушаем лазанью,
Ну а, может быть, глазунью –
И отправимся домой.*

Как видим, поэты, участвующие в конференции, своим творчеством продолжают обогащать «казанский текст».

Пленарные доклады наметили перспективные направления для работы нашей конференции. Большой резонанс у участников конференции вызвал обстоятельный и дискуссионный пленарный доклад заведующего лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии «Казанского научного центра» РАН, профессора, доктора филологических наук А. А. Арзамова на тему «Русский язык как новая реальность национальной литературы: pro et contra». Исследователь обозначил круг теоретических вопросов, связанных с изучением феномена «русскоязычной литературы» или «русской литературой национальных республик», в том числе проблемы художественного

выражения национальной идентичности авторов, этнически принадлежащих к иным (нерусским) народам, правомерности вычленения из литературного процесса национально-регионального и обоснования статуса русскоязычной литературы, о роли русского языка в художественной структуре произведений русскоязычных писателей. Проблемы изучения феномена русскоязычной литературы, представленные в пленарном докладе профессора А. А. Арзамова, активно обсуждались на первой секции «Диалог культур в литературе: литературные взаимосвязи и взаимовлияния». Заметим, что в современном сравнительном и сопоставительном литературоведении остаются нерешенными вопросы изучения индивидуальных особенностей творчества и самоидентификации писателей-билингвов, русских («русскоязычных») писателей, выходцев из народов России и зарубежья, в творчестве которых наблюдается взаимодействие различных культур, а также общетеоретические вопросы, связанные с определением при помощи современных подходов и методов литературоведческого исследования содержания и границ теоретических понятий «национальная литература», «национальный писатель», «национальная идентичность» и др. В этом плане большой интерес вызвали доклады профессора ЕНУ им. Гумилева (г. Астана, Казахстан) Ж. С. Бейсеновой, докторанта Б. Жаныбековой «Русский текст автора тюркского происхождения», и. о. профессора ЕНУ им. Гумилева (г. Астана, Казахстан) Л. Г. Мукажа-

новой «Художественное воплощение философского смысла в современной казахской поэзии», докторанта ЕНУ им. Гумилева (г. Астана, Казахстан) М. Тернавской «Этнокультурная идентичность в прозе О. Бокеева: теоретический аспект» и докторанта ЕНУ им. Гумилева (г. Астана, Казахстан) М. Амангельды «Этнокультурное пространство в поэзии Б. Канапьянова».

Содержание и формулировка определения «национальная литература» напрямую связаны с понятием «национальная идентичность», изучению которой посвящены труды исследователей Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан М. И. Ибрагимова и И. А. Еникеева. Пленарный доклад старшего научного сотрудника ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, кандидата филологических наук И. А. Еникеева на тему «Национальный татарский дискурс в творчестве Р. Р. Бухараева» был посвящен осмыслению проблемы полилингвальности и поликультурности русскоязычных татарских писателей. В этом плане творчество Равиля Раисовича Бухараева вызывает особый интерес, потому что он хорошо владел русским и английским языками, затем выучил венгерский, а татарский язык слышал в детстве в доме бабушки и дедушки, и только к 60 годам, по собственному признанию, в полной мере овладел родным, татарским языком. Равиль Бухараев при этом был патриотом своего народа, перевел поэму Кул Гали «Кысса-и-Йусуф» и произведения

современных поэтов (в частности, Рената Хариса) на английский язык, стихотворения поэтов Золотой Орды и современных татарских поэтов на русский язык, писал эссе, рассказы, научно-популярные исследования, поэмы и стихи, посвященные истории и современности татарского народа. Тема судьбы татарского языка была лейтмотивной в его творчестве. Доклад И. А. Ерикеева и выступление на пленарном заседании вдовы Р. Р. Бухараева, известного поэта и эссеиста Л. Н. Григорьевой (Лондон, Великобритания) на тему «Равиль Бухараев – взгляд в будущее» были посвящены его 70-летию юбилею и наметили вектор обсуждения его творчества на заседании второй секции «Значимые имена литературы и литературоведения Республики Татарстан, посвящается 70-летию со дня рождения поэта, философа, переводчика Р. Р. Бухараева».

Лидия Григорьева рассказала об удивительной находке в домашнем московском архиве писем Р. Р. Бухараева, адресованных жене, в которых делится с ней своими впечатлениями о книгах и культурных мероприятиях, об общении с людьми, в письмах открывается удивительная творческая мастерская поэта и мыслителя, а также величайшая его любовь к жене, другу и единомышленнице.

На секции, посвященной Р. Р. Бухараеву, выступили с докладами заведующий кафедрой философии Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева, член Союза писателей Республики Татарстан,

доктор философских наук Н. М. Солдухо – «Равиль Бухараев: воспоминания школьного товарища», профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания ИФМК КФУ; доктор педагогических наук А. Ф. Галимуллина – «Образ повествователя в автобиографической прозе Равиля Бухараева»; учитель гимназии № 7 г. Казани, магистр филологии Л. Д. Галкин – «Образ Казани в творчестве Р. Р. Бухараева и Н. Беляева»; руководитель музея детской литературы Ф. Б. Салимова и директор Дома детского и юношеского туризма и экскурсий «Простор» Р. М. Фазлиев (г. Казань, Россия) – «Духовно я называю себя гражданином Казани...» (о Равиле Бухараеве)»; член Союза российских писателей Н. В. Михеева (г. Казань, Россия) – «Из воспоминаний о Равиле Бухараеве. Литературные встречи»; И. Г. Корнилова, учитель русского языка и литературы гимназии № 96 (г. Казань, Россия) – «Казань – «пространство бытия» Равиля Бухараева». В выступлениях в дискуссионной форме раскрывались личность и творчество Равиля Бухараева, осмысливалась его многогранная деятельность как поэта, прозаика, драматурга и переводчика. В воспоминаниях дополнялся творческий портрет писателя и раскрывалась незаурядная личность Равиля Бухараева.

Третьим традиционным направлением международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы русскоязычной литературы» является изучение проблемы переводов, вопросы ху-

дожественного перевода с использованием языков народов России. Зачастую русскоязычные писатели выступают в качестве переводчиков национальных писателей на русский язык. Отметим, что вопрос сохранения и развития языков народов России представляется одной из актуальнейших проблем современности, об этом свидетельствует и создание различных структур и проектов как на федеральном уровне (21 февраля 2019 г. указом Президента был учрежден Фонд сохранения и изучения языков народов Российской Федерации, в 2016 г. была принята «Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации»), так и на уровне Республики Татарстан – на протяжении последних десятилетий реализуется государственная программа по сохранению, изучению и развитию государственных и иных языков Республики Татарстан, поддерживаются творческие объединения, в том числе и Союз писателей нашей республики.

Пленарные доклады А. М. Поликарпова, руководителя Совета по переводу с использованием языков народов России (СПР), члена правления Союза переводчиков России, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой перевода и прикладной лингвистики, директора НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства» Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова на тему «Основные аспекты моделирования теории художественного перевода

с использованием языков народов России» и директора института иностранных языков Чанчуньского университета (г. Чанчунь, Китай), профессора, доктора филологических наук Вань Цзиньпин на тему «Древнекитайская поэзия эпохи Тан и практика ее перевода» раскрыли современные стратегии в области художественного перевода, в том числе и переводов художественной литературы с использованием языков народов России.

Проблема перевода представляет собой одну из самых трудных и по сути неразрешимых проблем литературоведения потому, что в принципе невозможно дать окончательный ответ на вопрос, что лучше: как можно более точная, адекватная передача семантической и лексико-семантической стороны оригинала или же такой же перевод, который как бы утрачивает признаки оригинального текста, написанного на иностранном языке, и начинает восприниматься как часть национальной культуры языка перевода. Предпочтительнее одновременное осуществление обоих вариантов. Художественный перевод позволяет осуществить диалог между народами духовными, культурными ценностями, научно-техническими достижениями, что обуславливает взаимопонимание между многочисленными разноязычными нациями и этносами. Среди издаваемых художественных книг на русском языке в России около 50% являются переводами произведений зарубежной литературы и литератур народов России.

Для Республики Татарстан, где русский и татарский языки законо-

дательно объявлены государственными, перевод имеет особую значимость. поскольку соответственно этому положению общественно-политическая, культурная, административно-хозяйственная жизнь и отчасти наука и образование осуществляются в основном на обоих языках, переводческая деятельность широко внедряется во все сферы общественной жизни республики.

В то же время отметим, что проблема перевода с использованием языков народов России выходит далеко за рамки художественного перевода, а, значит, литературоведения и лингвистики, она связана и с востребованностью и активным применением этих языков, связанных с различными формами социальной коммуникации, официально-деловой, международной деятельностью и даже бизнесом, поэтому вопрос о подготовке профессиональных переводчиков национальных языков России в области художественного и социально-значимого перевода является актуальным и востребованным современным обществом, следовательно, необходимы программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации профессиональных переводчиков.

Эти и другие проблемы были поставлены в секционных докладах, посвященных различным аспектам художественного перевода. На заседаниях секций конференции выступили: Л. В. Полубиченко, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных язы-

ков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия) – «Воссоздание образа автора в переводах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»; П. П. Дашинаева, профессор, доктор филологических наук (г. Улан-Удэ, Россия) – «К типологизации требований к переводу национальной художественной литературы на русский язык»; М. Кобжасарова, магистрант ЕНУ им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан) – «Этномаркеры и их передача в переводах произведений А. Кекильбаева»; В. П. Хамидуллина, поэт и переводчик, член Союза писателей Республики Татарстан, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (г. Набережные Челны, Россия) выступила с дискуссионным докладом на тему «Лжепереводчик и его негативное влияние на популяризацию национальной татарской поэзии (на примере переводов классиков и современников)»; Л. Ф. Кассерта, магистр русского языка, литературы и художественной культуры кафедры английского языка, литературы и мировых языков, старший преподаватель Государственного университета им. В. Ферриса (г. Мичиган, США) – «Владимир Набоков «Искусство перевода» как пример диалога культур в современной литературе»; А. Н. Большаков, старший преподаватель Казанского института предпринимательства и права – «Взаимопроникновение различных языковых культур и роль перевода в этом процессе».

Практическим подтверждением актуальности и востребованности

переводов с использованием языков народов России стала презентация сборника женской русской поэзии Республики Татарстан «Илһамлы кызлар жыры» (Рухият, 2021). На презентации выступил поэт, автор переводов Индус Фатиховича Сирматов, он рассказал о том, как зародилась идея такого сборника, принципов отбора произведений двенадцати поэтов: среди них стихотворения В. Арямновой, Н. Ахуновой, А. Абсалямовой, Е. Бурундуковской, Л. Григорьевой, Л. Газизовой, О. Журавлевой, О. Левадной, В. Хамидуллиной, А. Кашиной, А. Каримовой, Р. Кожевниковой. Все участники и гости презентации восхитились энергией и жизнелюбием 86-летнего И. Сирматова. На презентации прозвучали стихи на русском языке Лидии Григорьевой, хайку Наили Ахуновой в исполнении авторов, и их художественный перевод на татарский язык в исполнении переводчиков И. Сирматова и А. Галимуллиной.

В докладе А. Жумсакбаева, магистранта ЕНУ им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан), на тему «Рецепция творчества А. П. Чехова в Казахстане» история художественных переводов произведений классика русской литературы осмысливалась в контексте диалога русской и казахской литератур и культур.

В ряде докладов было рассмотрено творчество современных русских, татарских и казахских писателей. Этой проблеме были посвящены совместный доклад доцента кафедры русской филологии, кандидата филологических наук М. А. Кана-

фина и магистрантки Д. К. Акбергеновой (ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан) «Тип бездомного удалыца в ранней прозе В. Маканина», выступление докторанта ЕНУ им. Л. Н. Гумилева А. Г. Уайсбаева (г. Астана, Казахстан) на тему «Мужской» и «женский» хронотоп в романе Л. Улицкой «Искренне Ваш Шурик»».

Известные казанские писатели Рустем Кутуй и Равиль Бухараев, памяти которых посвящена наша конференция, большое внимание в своем творчестве уделяли созданию произведений для детей и подростков. Дети с удовольствием читают хорошо иллюстрированные книги стихов Р. А. Кутуя «Про забор и Африку крокодилю» (1965), «Дружные ребята. Утенок и гусята» (1966), альбом-раскраску «Я растила цветы» (1979), «Босиком по радуге» (1984), «Сова под зонтиком» (1997), «Петух-щеголь» (2001) и уже после смерти поэта продолжают издаваться его книги: «Сердитый трамвай» (2016). Равиль Бухараев писал стихи для детей и пьесы-сказки, создавал оригинальные интерпретации сказочных сюжетов и образов Г. Тукая. Так, например, в пьесе-сказке «Волшебные сны Апуша», посвященной столетию Габдуллы Тукая, действуют Водяная (Су-иясе), Шурале, инсценируются сцены из сказочных поэм «Водяная» (у Тукая «Су анасы») и «Шурале» Г. Тукая, а также сам поэт-классик предстает в образе маленького мальчика, названного детским прозвищем Г. Тукая – Апуш. В пьесе-сказке «Железная горошина» Р. Р. Бухараев изображает героев

поэмы «Шурале» через четыре года после встречи дровосека с Шурале.

Отдавая дань этой грани творчества Рустема Кутуя и Рафиля Бухараева, организаторы конференции ежегодно привлекают к участию в конференции детских писателей, библиотекарей, школьных учителей и ученых-филологов, которые рассматривают отечественную и зарубежную художественную литературу, адресованную детям, в широком социокультурном контексте. «Детскую» тему на пленарном заседании конференции начал доклад Е. Л. Райхлиной, ученого секретаря «Тульского музейного объединения», доктора педагогических наук, доцента (г. Тула, Россия) «Мир детства в русской литературе XIX века и его отражение в реалиях развития современного мира».

На секционных заседаниях были раскрыты художественные и национальные особенности детской литературы на примере творчества русских, якутских, татарских, зарубежных писателей в докладах О. И. Ивановой, заведующей кафедрой русской и зарубежной литературы Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова, кандидата филологических наук, доцента (г. Якутск, Россия) на тему «Образ ребенка в повести А. Борисовой «Записки для моих потомков»; Р. Х. Шаряфетдинова, доцента кафедры русской литературы XX – XXI веков Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия) – «Образы детей-сирот в национальной литературе второй половины

XX века»; ассистента ИФМК КФУ Го Сюеяо (г. Казань, Россия) – «Религиозная лексика в современной детской литературе» (на материале рассказа Б. Ганаго «Весна в душе»); аспиранта кафедры русской литературы и методики ее преподавания ИФМК КФУ, учителя русского языка и литературы лицея № 9 им. А. С. Пушкина Е. В. Анисимовой (г. Зеленодольск, Россия) на тему «Тема семьи и дома в рассказах Евгения Славутинского».

Ряд докладов был посвящен изучению самого востребованного жанра современной детской литературы – жанра авторской, литературной сказки. Современная литературная сказка рассматривается в совместном докладе доцентов кафедры русской литературы и методики ее преподавания ИФМК КФУ, кандидатов филологических наук Н. Г. Махиной и Л. Х. Насрутдиновой (г. Казань, Россия), на тему «Образ семьи в современной русской сказке», в докладах аспирантов кафедры русской литературы и методики ее преподавания ИФМК КФУ Махбобзадх Сара (Новый город Андишех, Тегеран, Иран) на тему «Образ детства в прозе Г. Газданова» и Д. И. Залялиевой «Мотив самопознания в сказках Т. Крюковой», в выступлении методиста Детской школы искусств им. М. А. Балакирева О. В. Лозовской «Современная авторская сказка как основа детского мюзикла» (г. Казань, Россия), учителя СОШ № 39 г. Саранска О. В. Михеевой «Духовно-нравственные ориентиры в рассказах Веры Брындиной», в совместном докладе учителей русского языка

и литературы новобурундуковской начальной школы – детского сада Дрожжановского района Республики Татарстан С. Н. Тарасовой (ст. Бурундуки, Россия) и С. Х. Артюшиной гимназии № 93 г. Казани на тему «Жанр сказки в современной русскоязычной литературе для детей и подростков: традиции и новаторство».

Ежегодно в рамках нашей конференции разрабатывается проблема литературных интерпретаций художественного пространства, локальных текстов в литературе и культуре России, в научных докладах и в выступлениях казанских поэтов и краеведов осмысливается многозначный, полилингвальный «казанский» текст. Методология исследований локальных текстов основывается на трудах Р. Барта, К. Леви-Стросса, Н. Анцыферова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, рассматривавших петербургский, московский, парижский и другие городские тексты через призму наиболее значимых для семиотики города понятий, таких как текст, миф, символ.

На пленарном заседании выступила одна из постоянных участниц нашей конференции, активный организатор культурных мероприятий Казани, известная поэтесса Н. Г. Ахунова, руководитель казанского ЛИТО им. Гарифа Ахунова, заслуженный работник культуры Республики Татарстан, член Союза писателей РТ, лауреат литературных премий М. Горького и С. Сулеймановой (г. Казань, Россия). Наиля Ахунова в докладе на тему «Роль литературных объединений

в формировании творческой личности писателя (к 80-летию ЛитО им. Марка Зарецкого и 25-летию ЛитО им. Гарифа Ахунова)» рассказала об истории создания старейших казанских литературных объединений, о членах литературных объединений, впоследствии достигших высоких творческих успехов, а также представила юбилейный сборник ЛитО им. Гарифа Ахунова «Из Казани с любовью». Многие члены ЛитО им. Гарифа Ахунова – Инесса Фа, Николай Тутышкин, Валентина Орлова, Александр Большаков и Елена Анисимова – выступили на секционных заседаниях конференции. Н. Г. Ахунова наметила перспективы развития казанских ЛитО, а также выразила надежду, что в Казани в скором времени появится улица Рауля Бухараева.

Творческие и эмоциональные выступления казанских писателей и переводчиков о творчестве современных казанских писателей вызвали большой интерес у слушателей, дополняя так называемый «казанский текст»: выступили с докладами консультант по русскоязычной литературе и художественному переводу Союза писателей РТ, кандидат искусствоведческих наук Г. И. Зайнуллина (г. Казань, Россия) – «Интертекстуальная стратегия Алексея Остудина в диалоге с А. С. Пушкиным»; доцент КФУ, кандидат филологических наук, член Союза писателей РТ А. Ш. Бик-Булатов (г. Казань, Россия) – «Значимые имена казанской поэзии (к 60-летию со дня рождения Тимура Алдошина)»; руководитель литературного кафе «Калитка» Цен-

тральной библиотеки Э. Р. Учаров (г. Казань, Россия) – «Роль Казанского литературного кафе «Калитка» Центральной библиотеки в формировании молодого поколения казанских авторов»; поэтесса, заведующая кафедрой дизайна Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова И. А. Фахрутдинова (г. Казань, Россия) – «Литературный фестиваль «Галактика любви имени Вероники Тушновой» как одно из направлений деятельности ЛИТО им. Гарифа Ахунова («Белая ворона»)»; старший преподаватель кафедры дизайна Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова Р. Б. Сафиуллина (г. Казань, Россия) – «Воплощение художественного образа детства в конструировании и иллюстрировании книг для детей (на примере книг по произведениям казанской поэтессы Инессы Фа)»; выступила руководитель ДДЮТиЭ «Простор» Л. В. Аюпова (Аюдаг) (г. Казань, Россия) с фотопрезентацией «Казанские поэты и писатели в портретах Лады Аюдаг».

Одной из отличительных особенностей нашей конференции является методическая секция «Художественное воплощение мира детства и образа ребенка / подростка в произведениях русскоязычных писателей России и зарубежья», в которой ведущие школьные учителя делились опытом преподавания гуманитарных дисциплин, предлагали методы, приемы и технологии в изучении детской литературы в школе: совместный доклад старшего преподавателя Д. Е. Толбаевой и студентки 4 курса ЕНУ им. Л. Н. Гумиле-

ва В. С. Gladkoy (г. Астана, Казахстан) на тему «Русскоязычная литература и литература народов России и зарубежья на уроках литературы и во внеклассной работе», доклад начальника отдела подготовки научно-педагогических кадров Института развития образования Республики Татарстан Л. К. Хисматовой (г. Казань, Россия) на тему «Цифровые инструменты современного учителя для эффективной онлайн- и оффлайн-работы при изучении родной литературы», доклад учителя СОШ № 1449 Т. В. Сафонова (г. Москва, Россия) «Бунин глазами современного школьника».

Участников VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы русскоязычной литературы» объединяет стремление к научно-исследовательской деятельности, желание соотнести свои научные исследования с общими тенденциями, связанными с углублением фундаментальных и прикладных филологических и научно-методических исследований, направленных на повышение уровня гуманитарного образования в современном обществе, совершенствования методов, приемов и технологий,

способствующих культурному, литературному и духовному развитию личности учащихся, изучению региональной национальной литературы, а также исследованию «локальных текстов» (таких, как «казанский», «елабужский», «альметьевский») и других региональных художественных текстов.

Галимуллина

Альфия Фоатовна,

профессор Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор педагогических наук (г. Казань, Россия)

Нургали Кадиша

Рустамбек кызы,

заведующая кафедрой русской филологии,

Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

НИКОЛАЙ АСЕЕВ И ЧИСТОПОЛЬ: К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

*Бакиров Р. А., кандидат филологических наук,
Бакирова К. С.*

NIKOLAI ASEEV AND CHISTOPOL: TOWARD THE INTERACTION OF CULTURAL SYSTEMS

Bakirov R. A., Bakirova K. S.

Николай Николаевич Асеев (1889–1963) большинством современных читателей позабыт. Последний значительный всплеск интереса к его творчеству был связан со 100-летним юбилеем в 1989 г., после чего – неуклонное угасание интереса и почти полное забвение. Книги Асеева практически не переиздаются, его стихи все реже попадают в подборки и хрестоматии. Если сейчас имя Асеева и мелькает в интернете или публикациях в СМИ, научных и научно-популярных изданиях, то преимущественно в связи с именами Владимира Маяковского, Бориса Пастернака, Марины Цветаевой. Причем в последнем случае – зачастую в негативном ключе.

Беспристрастная статистика – данные по запросам в поисковых интернет-системах – свидетельствует, что лишь в Курской области, на малой родине автора, к нему еще сохраняется интерес (по данным на конец 2021 г., региональная популярность по запросам с упоминанием поэта в процентном отношении

здесь, в среднем, на порядок выше, чем в других российских регионах). Между тем, творчество Асеева чистопольского периода заслуживает отдельного блока исследований.

Если в 1920-е гг. Николай Асеев, как и его друг Владимир Маяковский – один из самых заметных писателей страны, то к 1940-м гг. Асеев подходит уже несколько исписавшимся и «будничным». Он пишет стихи на злобу дня, по поводу открытия очередного завода, успехов советских рабочих и т. д.

В военный период Николай Асеев все же входит именно как писатель актуальный, «газетный поэт» – собственно, и первое его стихотворение о Великой Отечественной появляется в «Правде» уже на следующий день после начала войны. И в этом была своя трагедия писателя, с одной стороны, уже поставившего поэзию на конвейер актуальности, с другой – оторванного от нужд реального читателя на потребу заказчика в лице государства. Во многом поэтому Асееву было не суждено стать

частью того поэтического взрыва, охватившего русскую литературу в военный период.

Вскоре после начала войны, в июле, началась эвакуация из Москвы в Чистополь деятелей литературы и культуры, органов правления творческих союзов из Москвы, Ленинграда и других городов. Более двухсот писателей, литературных и театральных критиков, художников, артистов и около 2 тыс. членов их семей переезжали в Чистополь. И только 25 июня 1943 г. состоялся массовый отъезд большинства писателей из Чистополя обратно домой на пароходе «Михаил Шолохов».

Среди первых эвакуированных была и супруга Асеева Ксения Михайловна с сестрами. Асеев остался в Москве и продолжал работать, хотя очень скучал по супруге. Проходит полтора месяца, и тоска поэта только усиливается, он уже пытается добиться воссоединения с супругой и подключает для этого свои связи. Вскоре Асееву удается добиться отправки в Чистополь, во многом благодаря покровительству влиятельных знакомых¹.

В Чистополе Асеевы сначала жили в здании городской школы – их разместили в одном из классов. Но еще до наступления зимы они переехали на ул. Володарского, 69. Сестры Синяковы работали на колхозных полях и в артели по производству игрушек, а Асеев продолжал писать, притом весьма активно. Позже в письме ученикам школы № 1 Чистополя он рассказывал о своей работе тогда: «В памяти моей прочно остался Чистополь, с его плодород-

ной почвой, замечательной водой, свежим чистым ветром. В особенности он мне вспоминается зимой: с широкими улицами, обстроеными одноэтажными домиками, над крышами которых нависли белые снеговые наметы, сверкающие днем при солнце радужной искрой. А вечером огоньки, огоньки по окнам и тишина, мягкая, снежная, пуховая»².

Помимо коллег-писателей (а в Чистополе Асеев, например, вновь сблизился с Борисом Пастернаком), поэт быстро находит себе друзей среди местной интеллигенции. Асеев много времени проводит в доме врача Дмитрия Авдеева, сын которого Валерий позднее так вспоминал о посещениях своего дома писателем³. Впрочем, как отмечают в своих письмах и воспоминаниях все знакомые Асеева, тот находился во время эвакуации на определенном творческом подъеме. Здесь пригодилась его способность писать быстро на актуальную тему.

Асеев посылает свои тексты в московские и фронтовые издания. Появляются его публикации и в Казани, и в Чистополе. Это как отдельные стихотворения, так и части поэмы «Пламя победы». Одновременно у писателя более десятка выступлений на тематических вечерах в Доме учителя, на митингах, собраниях, школьных уроках. Асеев оказался одним из наиболее продуктивных членов писательской колонии в Чистополе.

Асеев пишет и поэмы, и стихотворения, и даже (возврат к истокам) агитационные стихи. Он не изменяет общим принципам своей поэзии того

периода. Она минимально лирична, но при этом метафорична и ритмически насыщена, предельно актуальна по своей тематике. Однако в глаза бросается, как и в других текстах Асеева военного периода, стремление сохранить футуристическую направленность стиха: желание поиграть с образами, языком, рифмой, уйти от обыденности.

При этом для поэта важно соответствие формы содержанию. Тема у него часто диктует и ритм, и рифму – описывая горы, он словно ведет читателя по перевалам, к вершинам гор, постепенно сужая строки:

*«Это – медленный рассказ,
тяжкий ход
туч.
Это Северный Кавказ –
мощный взмет
круч»⁴.*

А в стихотворении «Москва – Кама» ритмический рисунок меняется несколько раз – также в зависимости от темы и настроения. Спокойные волны подмосковных водоемов – «Мирно зеленеющий осот / водяную тишь да гладь сосет», – сменяются в пределах одного текста мощными камскими накатами: «Сколько шума, сколько гама / по тебе несется, Кама!».

Возможно, подобное внимание к поэтическим деталям и эксперименту, творческая последовательность и верность своей поэтике и привели к тому, что Асеев тех лет оказался не так популярен, как те «писатели-фронтовики», которые стремились к простоте и вживую ви-

дели своих читателей. Например, у Асеева есть стихотворение под названием «Будни войны», но и оно совсем не о военном быте:

*«Это невероятно:
камни дорог в крови,
в праечных ржавые пятна,
а люди – туда и обратно,
туда и обратно,
как ничего не случилось,
как муравьи!»⁵*

Асеев здесь пишет не про конкретных людей, а скорее про масштабное событие в целом. Однако это отнюдь не схематичность, а следование высокой поэтической традиции – традиции классицистической батальной оды: именно для одической оптики характерен такой взгляд на войну и историю, взгляд «сверху».

Особенно одические традиции заметны в поэмах Асеева, написанных в Чистополе: «Урал» и «Пламя победы». В этом случае характерно, что, публикуя вторую в 1945 г. в «Новом мире», поэт предпослал ей эпиграф из державинской оды «Бессмертие души», который из последующих редакций уже убрал, равно как и подзаголовок – «Из лирического дневника».

В итоге и рождается этот особенный, новый и для самого Асеева, и для русской поэзии голос войны. Асеев тех лет оказался не понят ни критиками, ни друзьями. Кажется, и сам поэт поддался мнению большинства – многое из написанного тогда он или сильно переделает в дальнейшем, или вовсе опубли-

кует уже только под конец жизни. В основном, это будут стихи лирического толка. Между тем, их ценность несомненна – они являются признаком взаимодействия разных культурных систем и их взаимовлияния друг на друга: столичной и провинциальной, классицистической и футуристической, мирной и военной, и многих других.

Сведения об авторах: Бакиров Ринат Альбертович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории ЦИЛиФ ИРЛИ РАН, старший преподаватель кафедры русской литературы и методики ее преподавания ИФиМК Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: r1nt@yandex.ru; Бакирова Карина Сергеевна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе детской музыкальной школы № 2 г. Казани, e-mail: bakirovaks@mail.ru.

Аннотация. В статье описывается период пребывания писателя Николая Асеева в Чистополе во время эвакуации в ходе Великой Отечественной войны. Приводится краткая характеристика творчества поэта этого периода, а также биографические данные. Постулируется необходимость создания отдельной музейной выставки, посвященной поэзии Асеева военных лет.

Ключевые слова: Н. Асеев, Великая Отечественная война, Чистополь, поэзия, эвакуация.

Abstract. The article describes the period of writer Nikolai Aseev's stay in Chistopol during the evacuation during the Great Patriotic War. A brief characteristic of the poet's work of this period is given, as well as biographical data. The necessity of creating a separate museum exhibition devoted to the poetry of Aseyev during the war years is postulate.

Key words: N. Aseev, Great Patriotic War, Chistopol, poetry, evacuation, museum.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Асеева К. М. Из воспоминаний // Воспоминания о Николае Асееве. – М.: Советский писатель, 1980. – С. 31.
- 2 Асеев Н. Н. Письмо учащимся чистопольской средней школы № 123 ноября 1950 г. // Русская литература. – 1965. – № 3. – С. 252.
- 3 Авдеев В. Д. Наш город в 1941 году // Чистопольские страницы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С. 134.
- 4 Асеев Н. Н. Избранные стихотворения и поэмы. – Казань: Изд-во «Заман», 2020. – С. 125.
- 5 Там же. – С. 53.

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЬЕСЫ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА «УТИНАЯ ОХОТА»

Жантогулова Г. У., Кулуспаева С. Б.

CINEMATIC INTERPRETATION OF ALEXANDER VAMPILOV'S «DUCK HUNTING»

Zhantogulova G. U., Kuluspaeva S. B.

Социальное явление, появившееся в годы «застоя», характеризуется расшатыванием нравственных ценностей: общество больше не озабочено выстраиванием светлого будущего. Пробушевала революция с разрушительной силой большевиков, миновали годы коллективизации, НЭПА, позади голод и холод Второй мировой войны, завершились первые пятилетки, разоблачен культ личности Сталина, целина освоена, космос покорен, СССР отстроен.

Влияние церкви на духовную жизнь человека утрачивается, а значит, вместе с храмами, пропадают и главные ценности, возвращенные некогда незыблемой верой в Бога: любовь к ближнему, ложь от дьявола и др. В результате – обесценивание родственных, дружеских отношений, утрата смысла жизни и своего собственного «я». Таковы драматические коллизии главного героя пьесы А. В. Вампилова «Утиная охота», ставшей «не только художественным открытием Вампилова, но и поворотным моментом развития русской драматургии».

Многие исследователи творчества крупнейшего драматурга второй половины XX в. отмечают единство жанра всех его пьес. Его произведения полифоничны, где главные герои обитают в повседневном быту, с обычными повседневными нуждами. Вместе с тем, с экзистенциальными проблемами, в сфере быта реализуется социальная картина времени. Так, пьесы, в центре которых оторванная от реального мира индивидуальность, «Прощание в июне» и «Утиная охота» диалогичны. Большинство критиков проводят параллель и отмечают внутреннюю связь А. Вампилова с А. Чеховым. «Пьесы А. Вампилова поражают необычностью жанровых сплавов: в них всегда присутствует фантазия, существующая в пределах определенного, порою густого сибирского быта, но эта фантазия, идущая от богатого и щедрого воображения художника, растворяется» в «мелочах», казусах и происшествиях, которыми, как у Чехова, чаще всего являются анекдоты, вызывающие печаль и разду-

мье читателей и зрителей», – пишет критик В. В. Фролов.

Вампилов пришел в литературу в конце 1960-х гг., его пьесы появились на фоне арбузовско-розовской драматургии, разрушавшей концепцию человека-винтика. В отличие от драматургов старшего поколения, которые видели источники конфликтов в прошлом, Вампилов показал негативные тенденции в современной ему жизни, открыл нарастающую бездуховность общества. Он писал о людях, испытываемых бытом, спокойной и сытой жизнью. Эти испытания оказались драматичными, наполненными глубокими конфликтами. Позже, уже в середине 1970-х гг., появилась «поствампиловская» драма, или драма «новой волны», которая расширила сферу быта в его воздействии на характер, показала бездны и провалы в жизни нового – маргинального, переходного героя. Но это был уже другой – не вампиловский герой. Драматурги «новой волны» и не пытались «спаять любовью» своих героев, как это было в пьесах Вампилова.

«Утиная охота» А. В. Вампилова – одна из самых безысходных пьес автора, написанная им в 1968 г. Здесь на первый план выдвигается нравственная проблематика, где общепhilosophический потенциал определяет постоянную актуальность этой и других пьес драматурга. На протяжении всей пьесы главные герои, помещенные в бытовые житейские ситуации, находятся в поиске собственного «я» и самоидентификации и осмысления жизни.

Известность к автору пришла уже после смерти. Серия пьес, написанных им в короткий срок, многими воспринимались как «странные». Сам Вампилов так оценивает реакцию на пьесу «Утиная охота»: «Пьесу осудили люди устаревшие, не понимающие и не знающие молодежь. А мы такие. Это я, понимаете? Зарубежные писатели пишут о потерянном поколении. А разве в нас не произошли потери?».

По сути, главный герой Виктор Зилов – индифферентен, но он понимает, что многое обесценилось и рефлексирует по этому поводу, чем и отличается от других героев пьесы. Его рефлексия выражается в стремлении к карнавальности, театральности, маскарадности. Зилов вобрал в себя все главные черты «лишнего человека». Желание главного героя преодолеть обыденность, укрыться от реальности – это то, что видят читатели, это их представление о Зилове, но не прямая авторская трактовка. В какой-то степени он инфантилен, поскольку живет мечтами, которые не спешит осуществлять. Пережитый им перелом в жизни становится причиной открытия нравственных основ жизни.

Главного героя называли «мертвой оболочкой исчезнувших намерений», «человеком, открывшимся для новой жизни» (К. Рудницкий) «героем нашего времени» (О. Ефремов), законченным экземпляром «рыцаря до лампочки» (М. Туровская). Так или иначе, но двойственность природы характера Зилова служит поводом для дискуссий и по сей день.

Герои «Утиной охоты» особенны тем, что они, молодые, тридцатилетние, утратили нравственные ориентиры; они живут сегодняшним днем, случайными удовольствиями. Мало у кого из них есть цель – оправданная, настоящая. Вампилов устами одной из своих героинь называет это общество «Аликами», учитывая и то, что они не брезгают алкоголем. Это общество безликих, утративших моральные ориентиры людей. Частью этой компании является и Зилов, но он и отличается от других тем, что это общество ему изрядно надоело, он знает все его уловки и его психологию; Зилов мечтает вырваться на охоту. Символ утиной охоты многогранен: с одной стороны, это чистое стремление заблудившейся души вырваться к свету, т.е. обрести истинную жизнь, свободу; с другой стороны, охота – это убийство, т.е. смерть. Такие кардинальные черты мы видим и в своем герое: он может быть изменником, а может превратить заурядные вещи в воспоминания о первом свидании, он может любить и восхищаться красотой, а может намеренно сводить свою подругу с богатым товарищем. Зилов отличается и тем, что для него вопрос смысла жизни перестал быть бытовым – очередным рассуждением в пьяном угаре, но стал бытийным – попыткой истинно осознать жизнь и понять, для чего он живет. Пьеса включает в себя несколько картин воспоминаний главного героя, в каждом из которых он видит себя сеятелем зла, разрушителем: лжет жене, на работе подписывает липовые документы, обещает влюбившейся

в него девушке несбыточное. Зилов осуждает себя («Я сам виноват, я знаю»), но не меняется: череда его «злодеяний» постоянно растет. Герой настолько дезориентирован в жизни, что не может отличить цинизма, лжи от восторженности, высокого порыва, настоящих человеческих чувств.

Подводят Зилова и его же идеалы: он хотел стать таким охотником, как официант Димка. Но Димка – алкоголик и циник, наглый и бездушный – по определению не может быть образцом для подражания. В финале пьесы Зилов принимает приглашение официанта поохотиться, подтверждая тем самым свою моральную деградацию и обезличивание: «Плакал он или смеялся – по его лицу мы так и не поймем». Зилов подтверждает выводы своего создателя: зачастую интеллигенты на поверку оказываются типичными обывателями без смысла жизни и без цели. Вампилов утверждает, что во многом именно от человека зависит атмосфера вокруг него. Перед глазами читателя – городская квартира главного действующего лица, Зилова.

На протяжении пьесы воспоминания героя рисуют нам отдельные эпизоды его жизни. Зилову «около тридцати лет», как отмечает в ремарке автор. Несмотря на молодой возраст героя, ощутим его духовный упадок, отсутствие нравственных и сердечных сил. Вампилов указывает, что «и в походке, и в жестах, и в разговоре у него сквозят некие неуверенность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда». По ходу пьесы

читатель узнает, что внешнее благополучие и физическое здоровье Зилова – видимость. Героя что-то разрушает изнутри. Какая-то сила, взявшая над ним верх. Эта сила – сама жизнь, с которой Зилов не желает бороться. Он не живет – изживает себя. В какой-то момент судьба поглотила Зилова, обыденность и рутинность жизни стали нормой, более того – привычкой, второй натурой. Тема «изживания себя», духовного упадка лейтмотивом проходит через все действие пьесы. Траурная музыка, похоронный венок, фраза «жизнь, в сущности, проиграна» – характерные детали, сопровождающие развитие действия. Самое страшное то, что Зилов давно уже смирился со своим падением. «Брось, старик, – говорит он Саяпину, – ничего из нас уже не будет... Впрочем, я-то еще мог бы чем-нибудь заняться. Но я не хочу. Желания не имею». Эта фраза – «желания не имею» – олицетворение всей внутренней и внешней жизни героя: его отношений с женой, женщинами, друзьями, коллегами, самим собой. Зилов добровольно сдается. Он вступает в порочный круг, где единственным действием оказывается бегство от самого себя. Зилова окружают люди, с которыми он может общаться без какого-либо усилия – сердечного ли, умственного ли. Вероятно, к такому существованию герой пришел после страшного потрясения. Исследователи отмечают, что за плечами Зилова несомненное разочарование, душевный слом, вследствие которого он готов перестать верить в добро, порядочность, призвание, труд, любовь, со-

весть. Он превращается в циника, пережив внутреннюю катастрофу. Страданию противопоставляет равнодушие и отрицание. «Цинизм от страдания?... Думали ли вы когда-нибудь об этом?». Однако именно цинизм позволяет Зиллову сознавать, разуметь, определять. Все-таки он не живет в мире иллюзий. Как отмечал современник Александра Вампилова, писатель Сергей Довлатов, «цинизм предполагает наличие общих идеалов». Безусловно, идеалы у Зилова были. Но они не выдержали грубого прикосновения реальности, когда «бурная жизнь превратилась в скупую прозу».

Сам образ вожденной утиной охоты лишен романтической, идиллической окрашенности. Для Зилова утиная охота – небытие, тишина на охоте – «беззвучие вечного забвения, немота почти потустороннего мира»: «Знаешь, какая это тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет. Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет». Чтобы вырваться из мрачного круга, необходимо действие. Не декорации, не приготовления к действию, но – действие. Однако та самая утиная охота, вынесенная в заголовки пьесы, не более, чем миф. Во время новоселья у Зилова спрашивают, что он любит больше всего на свете, потому что приготовили ему подарок, связанный с охотой. А он даже не вспомнил о том, что, якобы, любит охоту больше всего, потому что это не так. Вся его «любовь к охоте» – игра на публику и не более. Понимая свою абсолютную внутреннюю пустоту, главный герой пытается создать видимость того,

что и у него есть нечто, что для него важнее всего.

В духовном отчаянии Зилов пытается покончить жизнь самоубийством. Но этот его поступок – игра с самим собой, мрачная ирония, издевка: «Уселся на стул, ружье поставил на пол, навалился грудью на стволы. Примерился к курку одной рукой, примерился другой. Поставил стул, уселся, ружье устроил так, что стволами оно уперлось в грудь, прикладом в стол. Отставил ружье, стянул с правой ноги сапог, снял носок, снова устроил ружье между грудью и столом. Большим пальцем ноги нащупал курок. ...». На наш взгляд, проблематику пьесы «Утиная охота» можно определить словами одного из современников Александра Вампилова – писателя Валентина Распутина: «Главный вопрос, который постоянно задает Вампилов: останешься ли ты человеком, человек? Сумеешь ли ты превозмочь все то лживое и недоброе...».

«Утиная охота» – трагическая кульминация основной темы театра Александра Вампилова: «поборет ли живая душа рутину жизни?». И, может быть, для Зилова не все еще потеряно. Может быть, у героя откроется второе дыхание, и он увидит, что «дождь за окном прошел, синее полоска неба, и крыша соседнего дома освещена неярким предвечерним солнцем». Может быть, слова Зилова «Я готов. Да, сейчас выхожу» – настоящее действие, начало новой жизни.

Вне всякого сомнения, Александр Вампилов обладал редким даром – даром драматического писателя. Его

творчество – живое; чувство меры, талант, немалая доля гениальности – отличительные признаки драматургии Вампилова. В пьесе «Утиная охота» нет места неправде. Именно поэтому читается она свободно и в то же время обращает мысль в глубины человеческого бытия. Автору удалось превратить диалогическую речь действующих лиц в «сверкающий, напористый поток». Правдивость и дар человеческой чуткости – вот что обеспечивает творчеству Александра Вампилова ни с чем не сравнимую притягательность.

Пьесы Вампилова с его сложными системами образов являются излюбленным объектом интерпретации режиссеров. С. Д. Черкасский в статье «Утиная охота» выделил роль времени и места. Режиссерские заметки к постановке пьесы А. Вампилова в Королевской академии драматического искусства таковы: «... Пьеса была признана литературоведами и театральной критикой вершиной творчества драматурга и одной из лучших пьес мирового репертуара. Недаром ведь говорят, что русский актер мечтает сыграть Зилова, как английский мечтает сыграть Гамлета. «Утиная охота» вызвала и вызывает так много споров и толкований, что даже родилось понятие – «загадка Вампилова». Одно несомненно – сегодня пьеса по праву занимает место среди шедевров русской классической драматургии».

Взаимодействие литературы и кино в процессе экранизации литературных произведений – одно из ярчайших и важнейших явлений художественного взаимодействия

между литературой и другими видами искусств. Современный кинематограф все чаще уводит фильм, представляющий собой экранизацию литературного произведения, от его классического литературного источника.

Хорошая экранизация эстетически обогащает зрителя, уже знакомого с произведением литературы; у зрителя же, которому еще не довелось читать роман или повесть, она вызывает желание обратиться к первоисточнику, чтобы заново пережить и глубже осмыслить увиденное на экране. Экранизация немало дает для понимания творчества писателя в целом, его мирового значения в развитии литературного процесса.

Пьеса, написанная Вампиловым в 1968 г., впервые была поставлена на сцене лишь в 1976 г., а в 1979 г. была экранизирована режиссером Виталием Мельниковым. До тех пор «Утиная охота» находилась под негласным запретом. Настолько под запретом, что актеров в свой проект Мельников приглашал тайно. На роль «человека без сердца» режиссер позвал Олега Даля, который имел скандальную репутацию. Образ Зилова – шедевр Олега Даля, роль, сыгранная так, будто он угадал мельчайшие нюансы характера своего героя. Экранизация «Утиной охоты» была снята в 1979 г., но пролежала на полке восемь лет – и вышла на экраны только после смерти Олега Даля. Зилов стал одной из лучших ролей Даля, артиста, который, как никто другой, умел создать образ «плохого хорошего человека». Быть

может, именно в этой экранизации знаменитой пьесы Александра Вампилова «Утиная охота» Олег Даль (1941–1981) сыграл свою лучшую роль, вложив в нее не только свою душу, но и свою судьбу.

К сожалению, увидеть фильм на экране Далию не удалось: по причине «мрачности и безысходности» фильм был запрещен к показу, и премьера состоялась уже после смерти талантливого актера...

В свое время «прогрессивная критика» пыталась привязать эту трагикомическую историю аутсайдера к «язвам социализма». Если бы все было так просто! Проблема «лишних людей» была и есть в любом обществе.

Трансформация для экрана литературного оригинала очень сложный творческий акт, и ярким примером такой трансформации может служить фильм Виталия Мельникова «Отпуск в сентябре», в котором прослеживается фрагментарность киноинтерпретации. Но, тем не менее, режиссеру удалось создать впечатление целостности, и даже «чужие» эпизоды, которых нет в книге, очень органично входят в фильм, проявляя суть вампиловских героев. Но даже некоторые отхождения сценария от оригинала (например, во время работы над сценой вечеринки в квартире главного героя Евгений Павлович Леонов импровизировал – все, что вытворяет его персонаж на экране, было придумано артистом после того, как прозвучала команда «Мотор!») не умаляет художественной ценности фильма и не уменьшают его значимости.

Кинокритик Владимир Гордеев объясняет запрет «Отпуска в сентябре» тем, что тогдашнее телевизионное начальство было уверено: «советский человек не должен видеть себя в зеркале. Искусство должно обольщать. ... Совершенно безысходную задачу подкидывает Вампилов для восприятия зрителя. А Вампилову от души вторит Мельников: вот есть живой человек. У человека есть доходная государственная служба, где можно от души халтурить. Ему дали квартиру. У него симпатичная жена. У него масса друзей. У него молодая любовница. У него – утиная охота, наконец, любимое дело всей его жизни! А ему от всего тошно. Фильм отлично снят, прекрасно смонтирован. Совершенно блестяще играет Олег Даль. ... Вы,

в принципе, попробуйте посмотреть этот драматический, напряженный фильм. Просмотр окажется неплохим экспериментом, проверкой на собственную честность. Попробуйте увидеть Зилова в себе!».

Кинокритик Наталья Милосердова полагает, что в «Отпуске в сентябре» «безмерно интересен процесс перерабатывания драматургии Вампилова в драматургию Мельникова. Он спрессовывает и без того плотную ткань, очищая ее от поясняющих диалогов, усложняя отношения героев и заостряя их характеристики, вводит сложные мотивы и более тонкие нюансы».

Зрители XXI в. продолжают оживленно спорить об «Отпуске в сентябре» и о персонаже, сыгранным Олегом Далем.

Сведения об авторах: Жантогулова Гаухар Ураловна, старший преподаватель кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: uralovna0402@mail.ru; Кулуспаева Салима Бекеновна, старший преподаватель кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: uralovna0402@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется творчество А. Вампилова с точки зрения взаимодействия его пьес с позднейшими постановками на сцене и экранизациями. Высказывается мысль о непреходящей актуальности «Утиной охоты» Вампилова в разные периоды существования российского общества.

Ключевые слова: драматургия, Вампилов, постановка, экранизация, актуальность.

Abstract. The article analyzes the work of A. Vampilov from the point of view of the interaction of his plays with later stage productions and screen adaptations. The idea of the continuing relevance of Vampilov's «Duck Hunt» in different periods of Russian society is expressed.

Key words: dramaturgy, Vampilov, staging, adaptation, relevance.

«МУЖСКОЙ» И «ЖЕНСКИЙ» ХРОНОТОП В РОМАНЕ Л.УЛИЦКОЙ «ИСКРЕННЕ ВАШ ШУРИК»

Уайсбаева А. Г.

«MALE» AND «FEMALE» CHRONOTOPE IN L.ULICZKAYA'S NOVEL «SINCERELY YOURS SHURIK»

Uaysbaeva A. G.

Пространственно-временные отношения являются одним из важнейших компонентов литературного произведения. Данный термин иначе именуется хронотопом и был введен в оборот М. М. Бахтиным в его работе «Формы времени и хронотопа в романе»¹.

В аспекте гендерного направления становится очевидным смещение внимания с традиционного хронотопического выражения женского мира (здесь особую значимость приобретают хронотопы дома, земли и т. д.) – стереотипное представление (архетипы)².

Временные отношения, указывающие на:

1. Динамическую трансформацию героев художественного текста (период взросления, становление Шурика, как мужчины): «...обоих отдала краткая по времени, но огромная по событиям жизнь. Шурик, никуда не переместившийся географически, перешел известную черту, которая резко отделила его безответственное существование ребенка в семье от жизни взрослого...»³.

2. Гендерную смену ролей (возвращение матери Шурика – Веры – в детство посредством заботы главного героя о ней): «Иногда вставал, приносил из кухни что-нибудь вкусное – раннюю клубнику с Тишинского рынка, какао, которое Вера снова, как в детстве, стала любить...».

3. Гендерную характеристику, присущую всем женщинам романа Л. Улицкой – женскую верность: «Умер Александр Николаевич скоропостижно, летом семнадцатого года, и на женских весах радостей и горестей стрелка у Елизаветы Ивановны навеки замерла на высшей точке...»; «Роман ее (Веры) длился долго, как она и напороочила себе в юности – «до самой смерти». Также любовные взаимоотношения Шурика и некоторых его женщин заканчивались лишь в связи с их смертью: Валерия Адамовна, Светочка.

Пространственные отношения, характеризующие гендерную принадлежность замкнутого локуса:

1. Фемининные, выраженные посредством различных деталей: «Лена так стремительно выросла, что мишки и обезьянки не успели

скрыться с глаз и рассосаться, как это бывает у девочек старшего возраста»; «Все-таки тряпки – какой мощный терапевтический стимул для женщины!»).

2. Маскулинные: «Чтобы обеспечить достойные мужские развлечения, она заранее обзавелась в «Детском мире» деревянным ружьем, солдатиками и лошадкой на колесиках»; «Пыльные книги в два ряда на открытых полках, картонные папки на грубых завязках, исписанные стопы мятой бумаги. ... Жилье аскета и безумца».

Хронотоп пространства, выражающий смещение гендерных ролей:

1. Библиотека: «Выделялась из всех только начальница – Валерия Адамовна Конецкая. ... Все другие отделы возглавляли более почтенные люди, и даже редкого в библиотеке мужского пола»; «Она одобряла Шурикову работу в библиотеке как культурную, хоть и догадывалась, что работа эта не вполне мужская».

В данном случае наблюдается двойная смена гендерной оппозиции: в качестве начальника библиотечного отделения выступает женщина, что, как подчеркивается автором, не характерно для этого локуса, тогда как в роли подчиненного-библиотекаря выступает мужчина, что также не является свойственным для маскулинного типа.

2. Университет: «Он подал документы на вечернее отделение. Простоял в очереди среди девочек, уже провалившихся на филфак...». Главный герой – Шурик, воспитывавшийся педагогом французского языка и несостоявшейся театраль-

ной актрисой, вобрал в себя любовь к языку и тонким, чувственным материям, в связи с чем выбор его будущей профессии не совсем соответствовал общепринятым гендерным представлениям. Автором создается антитезный контраст, подчеркивающий невозможность Шурика состояться в технической сфере, так как первоначально главный герой пробовал обучаться на химическом факультете Менделеевки, что не привело к успешным результатам.

3. Училище: «После окончания гимназии он определил ее (Елизавету Ивановну) в единственное коммерческое училище, куда брали девиц...». Во времена молодости бабушки Шурика, как можно увидеть из ее биографии, обучение девушек – дело само по себе редкое, а в семье Мукасеевых, откуда Елизавета Ивановна родом – тем более. На данные меры отец Елизаветы пошел по причине отсутствия у нее внешних данных, которые помогли бы ей удачно выйти замуж, а также из-за ее деловых качеств, что делало ее возможной наследницей его дела, так как сыновей в их семье не было. Таким образом нарушается как гендерный, так и семейный канон.

Пространственные отношения, представленные при помощи архетипичных и стереотипных понятий о гендерных ролях и взаимоотношениях:

1. Архетип Матери, как хранительницы домашнего очага: «...дом оказался живым и теплым, и ей было в нем так хорошо, что она решила его не продавать, а устроить загородное жильё»; «Все житейские проблемы,

прежде решаемые неприметным образом Елизаветой Ивановной, легли теперь на Шурика, и он принял это безропотно и кротко» – в данном конкретном примере имеет место быть, как типичное, стереотипное представление, что именно женщина является создательницей тепла и уюта в доме, так и смена гендерной роли, произошедшей после смерти основной хранительницы домашнего очага – бабушки Шурика Елизаветы Ивановны;

2. Стереотип о старых девах и кошках: «...а потом провожал в однокомнатную холостяцкую квартиру, где ожидала ее кошачья семья – три крупные черные кошки, находящиеся в кровосмесительном родстве».

Резюмируя результаты, полученные в ходе настоящего исследования,

Сведения об авторе: Уайсбаева Алина Геннадьевна, докторант филологического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: alina.uaisbayeva@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются пространственно-временные отношения художественного текста романа в контексте гендерного направления. Выявлено, что автором обыгрывается принадлежность определенного локуса к маскулинным или фемининным типам, как с точки зрения стереотипности, так и с изменением гендерных ролей. Временные отношения романа также представляют собой обширное поле для анализа, включая в себя различные функции для выявления характерологических особенностей системы персонажей в соответствии с их гендерной идентичностью.

Ключевые слова: гендер, роман, хронотоп, Л. Улицкая, архетип, стереотип.

Abstract. This article examines the space-time relations of the literary text of the novel in the context of the gender direction. In the course of the scientific research, it was revealed that the author plays up the belonging of a certain locus to masculine or feminine types, both in terms of stereotyping and with a change in gender roles. The temporal relations of the novel also represent a vast field for analysis, including various functions for identifying the characterological characteristics of the character system in accordance with their gender identity.

Key words: gender, novel, chronotope, L. Ulitskaya, archetype, stereotype.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.

2 Афанасьев А. С., Бреева Т. Н. Гендерный аспект изучения литературы: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 96 с.

3 Улицкая Л. Искренне Ваш Шурик. – М.: Эксмо, 2008. – 576 с.

ТИП «БЕЗДОМНОГО УДАЛЬЦА» В РАННЕЙ ПРОЗЕ В.МАКАНИНА

*Канафина М. А., кандидат филологических наук
Акбергенова Д. К.*

THE TYPE OF «HOMELESS DAREDEVIL» IN V.MAKANIN'S EARLY PROSE

Kanafina M. A., Akbergenova D. K.

Творчество В. С. Маканина – одно из ярких явлений современной русской литературы. Об этом свидетельствуют многочисленные научные статьи, диссертации литературоведов, критические дискуссии. Все эти факты разнообразных обращений исследователей к творчеству Маканина свидетельствуют о феноменальности явления этого писателя в современном литературном процессе: «Форма и содержание произведений В. С. Маканина отличаются настолько яркой индивидуальностью, что позволяют без труда опознать его стиль и манеру в многокрасочной палитре современной русской литературы»¹.

Маканину, начавшему писать в конце 1960-х гг., всегда было присуще особое внимание к реалиям и веяниям изменяющегося времени, что делало творчество писателя созвучным изображаемой эпохе.

Литературный дебют Маканина – роман «Прямая линия» (1965), который получил высокую оценку критики, выступает в качестве зарождения художественного мира

писателя. В. С. Маканин продемонстрировал объективизм взгляда на жизнь, публицистичность, однозначность, определенность авторской точки зрения. Пафос его творчества вполне совпадал с приподнято-одноплановой категоричностью 1960-х гг. Эти произведения тесно связаны с традициями романтической, «исповедальной» прозы 1960-х гг.

Особый интерес вызвали произведения Маканина 1970–1980-х гг., которые, по замечанию исследователей, «строили мост от идеализма «исповедальной прозы» 1960-х гг. к «амбивалентности» прозы «сорокалетних» в 1980-е годы». В этих произведениях нет однозначности взглядов писателя, ощущается отсутствие авторской позиции.

Теперь Маканин принципиально антиромантичен. Иллюзии 1960-х гг. рассеялись. Литературный критик Б. И. Роднянская определила творчество Маканина этого периода как «социальное человековедение».

Писатель принципиально отказывается от позы «судии» по отношению к своим героям («не суди-

те» – это генеральная нравственная установка писателя), отказывается и от завершенных «образов героев» и завершенного повествования (живая жизнь и судьба живого человека принципиально незавершимы) – от всего, что традиционно ассоциировалось с понятием «литература»².

В фокусе повествования писателя – новый герой, не слившийся с родным социумом. Как отмечает А. О. Большев, в произведениях указанного периода основным героем маканинской прозы «становится «серединный», «массовый» человек переходной эпохи, когда традиционная крестьянская культура уходит в прошлое, а новые духовные ценности еще не освоены». В такой ситуации «утрата сокровенных начал лишает человека опоры»³.

Маканин предлагает своеобразную идентификацию «типов», как литературных, так и психологических. Характерная черта поэтики Маканина – наделение героев данными самим писателем номинациями. В ряду таких авторских именовании – «Гражданин убегающий», «Антилидер», «Человек свиты», «Предтеча», «Отставший», – одновременно ставшие названиями целых произведений: «Владимир Маканин – создатель галереи типов нашего времени. Отсекает все лишнее, описательное, созерцательное. Из типа вычисляется главный знак его, который нередко переходит прямо в заголовок»⁴.

Критерии, по которым формируются маканинские дефиниции, варьируются от эмоционально-оценочных до социокультурных. Как представляется, приведение всех

этих критериев «к общему знаменателю», равно как их систематизация могут способствовать выделению в творчестве Маканина доминирующего особого типа героя.

Особое место в прозе В. Маканина занимает тип «бездомного удалца» – по определению Ю. Ф. Самарина, «целостный социальный и этнопсихологический тип, обладающий рядом ключевых, знаковых свойств и качеств, но, вместе с тем, своеобразно, оригинально воплощаемого различными художниками слова в зависимости от веяний времени и эпохи, проявляя в этом смысле устойчивое свойство архетипических образов «вновь и вновь воспроизводиться в любом веке и месте»⁵.

Вслед за былинными богатырями в качестве первых представителей типа «бездомного удалца» идут противоположные ряды персонажей, подразумевающие наличие классической формы «оппозиции». Так, среди «бездомных удалцов» оказываются «культурные герои»: «лишние», но ощущающие «потребность» в счастье Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров, Лаврецкий, погруженные в метафизические поиски сакрального и праведного Тарас Бульба и иные герои Н. В. Гоголя, «очарованные» герои Н. С. Лескова, персонажи ранней романтической прозы М. Горького и т. д.

У маканинских персонажей типа «бездомного удалца» присутствуют такие качества, как храбрость, отчаянность, сила духа и воли, сочетающиеся, однако, с душевной дисгармонией, вечной неприкаянностью, потерянностью.

Переход от жесткого «социально-го человековедения» к постановке перед читателем вопросов бытия присутствует в повести «Предтеча» (1982). Герой повести «Предтеча», старик Якушкин, возмнивший себя экстрасенсом, пытается жить сам – и научить других – по законам совести, правды. Якушкин – герой с ярко выраженной положительной программой, действующий во имя физического здоровья и духовного очищения человека. Этот «максималист, жаждавший направить любовь на человека впрямую», пытается исцелить смертельно больных людей через объяснение им «убогости» их повседневного существования, погрязшего в сугубой и жалкой, по его мнению, материальности.

Якушкин – фигура трагикомическая; он не может стать поистине «духовным пастырем». В этой фигуре Маканин гротескно сращивает и порыв к добру, и примитивность мысли, и духовность, и физиологизм. Якушкин не способен вывести к свету – в тяготении к нему аккумуляруется жажда псевдоинтеллигентов «прислониться» и к псевдонародности, и к «чуду», жажда даром получить прозрение.

Точна по рисунку фигура московского журналиста Коляни, организатора псевдоинтеллигентской суеты вокруг Якушкина. Но яростный «порыв» Якушкина к исправлению нравов сам по себе бескорыстен, что становится особенно очевидным после утраты им «дара», когда Якушкин пытается направить свою силу на бродячих собак, «не найдя, куда же пристроить свою великую

любовь к людям». Одновременно и целитель, чуть ли не святой, и фарсовый лжепророк, обретший свой «дар» после удара бревном по голове, Якушкин – точка приложения сил «заблудшей» духовно псевдоинтеллигенции, утратившей свое истинное назначение, свою дорогу в культуре.

Авторская позиция Маканина в «Предтече» состоит не только в возвышении-осмеянии Якушкина, но и в горьком сожалении по поводу духовной несостоятельности и несамостоятельности интеллигенции, выдвинувшей такого лжепророка, готовой слепо верить его примитивным указаниям. Поражение Якушкина – это не только его поражение, это поражение иллюзий получить готовым свет подлинной духовности из рук «другого», «чужого», якобы народного начала.

Автор подвергает жестокому анализу подмену, профанацию духовных поисков, выразившуюся на грани 1970–1980-х гг., именно в болезненном уходе от социальных проблем, в пристрастии к разного рода лжепророчествам, псевдознахарству, «летающим тарелкам», «гуманоидам» и так далее. В этом тяготении сказался острый кризис духовности, переживаемый обществом, вынужденным распрощаться со своими социальными устремлениями 1960-х гг.; сказалось чувство тупика и безнадежности, охватившее сознание общества тех лет.

«Заболоченность» духовной жизни – вот феномен, рождающий, по Маканину, трагифарсового «предтечу» Якушкина. Только Якушкин, в отличие от многих, чист внутренне

сам и не ведает, приложением каких сил является его жизненный «порыв»... Но после Якушкина общество все же должно выйти на дорогу истинного просветления, подлинной, не ложной духовности, обеспеченной ценностями человеческой культуры.

Проблематика повести «Где сходилось небо с холмами» (1984) – это проблема художника, отчетливо осознающего «безобразие жизни» и пытающегося преодолеть его творчеством.

Перед нами главный герой Башилов, несущий в себе мучительный комплекс вины перед родовым целым выделившейся из рода творческой личности. Рационально эта вина практически необъяснима, но именно она составляет главный предмет изображения и исследования в повести.

Маканин создает образ некоего мифологического правремени. Оно практически лишено каких-либо временных примет, по которым можно было бы определить, когда происходит действие, – лишь позже становится ясно, что детство Башилова пришлось, вероятно, на 1950-е гг. В сознании творчески состоятельного, успешного, популярного, совершенно свободного и в своих музыкальных предпочтениях, и экономически композитора живет некая вина перед поселком, воспитавшим его и давшим ему исходный творческий импульс.

Развитие сюжета начинается в тот момент, когда маленький Гриша Башилов после очередного пожара остается сиротой. В поселке

не бывает сирот – дети, оставшиеся без родителей, воспитываются всем миром, всем поселком и почти не ощущают своего сиротства. Однако поняв, что отца с матерью больше нет, Григорий на поминках начинает петь, и голос его столь красив, что случается небывалое: замолкает хор, побежденный красотой одного голоса. Этот момент наполнен глубоким мифологическим смыслом, он знаменует собой начало конца родового целого, выделение индивидуальности – из коллективной общности.

Когда мальчик вырастает, поселок, понимая его исключительные музыкальные способности, собирает деньги на поездку в Москву для поступления в консерваторию. Здесь и экзамены в консерваторию, и бесплатное обучение, которое оказалось полным сюрпризом для аварийщиков.

Музыкальный успех композитору приносят песни поселка, которые он невольно и неосознанно для самого себя обращает в шлягеры. Чем больший успех приходит к Башилову, тем меньше песен в поселке. В конце концов наступает полная немота, хоровое пение заменяют магнитофонные динамики, доносящие растражированные Башиловым мелодии, созданные родовым целым поселка в мифологическое правремя.

Парадокс заключается в том, что Башилов по-прежнему чувствует свое родство со своими земляками, они для него не чужие, они по-прежнему нужны ему, хотя между ними социальная и духовная пропасть. И единственный способ преодоления этого мучительного разрыва

для него – воплощение в музыке драматизма этой коллизии. И Башилов, в конце концов, сочиняет такую музыку. Удивителен финал повести, когда в пении, совсем не гармоничном, все же соединяются Башилов и поселковый безголосый дурачок Васик.

Итак, если герои ранних произведений В. Маканина в социальном плане являются представителями самых различных слоев общества, то в плане экзистенциальном они оказываются весьма схожими. Ни один из них не в состоянии изменить свою судьбу.

Сведения об авторах: Канафина Мира Аблясановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: miraka60@mail.ru; Акбергенова Даяна Куанышевна, магистрант 1 курса, Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: danrbk@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируются повести В. С. Маканина «Предтеча» и «Где сходилась небо с холмами», где выявляются специфические черты и свойства типа «бездомного удальца».

Ключевые слова: В. С. Маканин, повесть «Предтеча», неприкаянность, духовный кризис.

Abstract. The article analyzes the stories of V. S. Makanin's stories «The Forerunner» and «Where the sky met the hills», where specific features and properties of the type «Homeless daredevil».

Key words: V. S. Makanin, the story «The Forerunner», restlessness, spiritual crisis.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Гессен Е. Вокруг Маканина, или Штрихи к портрету // Грани. – 1991. – № 161. – С. 144.
- 2 Роднянская И. Незнакомые знакомцы: К спорам о героях В. Маканина // Новый мир. – 1986. – № 8. – С. 230.
- 3 Лейдерман Н., Липовецкий М. Владимир Маканин // Современная русская литература. Кн.3: Учебное пособие. – М., 2001. – С. 123.
- 4 Там же. – С. 126.
- 5 Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. – М: Юрайт, 2019. – С. 89.

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА А.П.ЧЕХОВА В КАЗАХСТАНЕ

Жумсақбаев А. Т.

THE RECEPTION OF CHEKHOV'S WORK IN KAZAKHSTAN

Zhumsakbaev A. T.

Вторая половина XIX в. для казахской литературы ознаменовывается активным приобщением к мировым художественным традициям и тенденциям. Это было время переводов произведений золотого века русской литературы. М. О. Ауэзов отмечал: «Перевод на казахский язык переводных образцов русской и мировой литературы благоприятно способствовал развитию казахской литературы. Каждый казахский писатель через русскую литературу постигает человеческую природу, его жизненную ношу, характер, сложную диалектику души. Поэтому русскую литературу называют наставником, воспитывающим в человеке благородие и стремление к красоте»¹. Так художественный перевод стал одним из главнейших факторов сближения и взаимодействия двух литератур.

Одним из первых, кто сделал неоценимый вклад в становление казахско-русских литературных связей, был Абай Кунанбаев. В абаеведении признается огромная заслуга великого писателя в приобщении казахской литературы к мировой художественной традиции и русской культуре. В ауэзовской статье «Жизнь и творчество Абая» подчеркивается следу-

ющее: «Переводческая работа Абая имела огромное значение для развития казахской литературы; однако она далеко не исчерпывает его связь с русской литературой. Самое глубокое влияние этой культуры и художественных традиций надо искать в собственном творчестве Абая»².

Абай перевел на казахский язык семь отрывков из романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, более 30 стихотворений М. Ю. Лермонтова, басни И. А. Крылова, а также стихи Байрона, Шиллера, Гете, Мицкевича. Кроме Абая, в сближении казахской и русской литератур внесли свою лепту и другие талантливые деятели культуры. Ибрай Алтынсарин, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Шакарим Кудайбердиев, Магжан Жумабаев, Жусипбек Аймауытов использовали самый сильный инструмент в деле повышения культуры родного народа – художественный перевод.

Произведения Чехова на сегодняшний день переведены более чем на 92 языка. Примечательно, но сам А. П. Чехов относился к переводам своих произведений с определенной долей скепсиса. Русский классик считал, что иноязычная публика не

сможет понять «специфически национальных» кодов, зашифрованных в его творчестве. В своих письмах к О. Л. Книппер он писал: «...Для чего переводить мою пьесу на французский язык? Ведь это дико. Французы ничего не поймут из Ермолая, из продажи имени и только будут скучать...»³; «Вообще к переводам этим я равнодушен, ибо знаю, что в Германии мы не нужны и не станем нужны, как бы нас ни переводили»⁴. В письме к О. Р. Васильевой Чехов выражает полное равнодушие к переводам его произведений на английский язык: «По-английски я не читаю, английских журналов не вижу и не знаю. И мне кажется, для английской публики я представляю так мало интереса, что решительно всё равно, буду ли я напечатан в английском журнале или нет»⁵.

Действительно, произведения А. П. Чехова сложно переводить. Тяжело передать все богатство его языка, всю палитру эмоций и настроений его персонажей. Переводчику необходимо работать крайне аккуратно и осторожно, чтобы сохранить художественную и смысловую целостность и образность, также национальную колоритность чеховского текста. Ш. К. Сатпаева утверждала: «Ждут подробного, вдумчивого рассмотрения и творческие удачи, и некоторые просчеты в переводах произведений Чехова на казахский язык. Родной и близкий всем людям, Чехов войдет в каждую национальную литературу, если переводы его произведений будут равноценны высокохудожественным оригиналам»⁶.

Впервые казахские читатели по-

знакомились с творчеством А. П. Чехова еще в десятые годы XX в. В первом казахском журнале демократического направления «Айкап» был напечатан перевод А. Баржаксина чеховского рассказа «Грач». В 1915 г. был опубликован рассказ «Хамелеон» в переводе А. Бокейханова.

Казахская интеллигенция ставила целью не только развитие национальной литературы путем переводов сочинений великих русских классиков, но и собственное обучение, совершенствование. Перевод произведений других национальных литератур был своеобразным инструментом донесения актуальных мыслей и новых идей, отвечал не только литературным, но и социальным потребностям. Произведения Чехова не были исключением. Ш. К. Сатпаева пишет: «Талантливый писатель и педагог, один из видных представителей критического реализма в казахской литературе начала XX в. И. Кубеев в своей непримиримой борьбе против темноты и невежества отсталого казахского аула использовал произведения Чехова, устно распространяя их»⁷.

После Октябрьской социалистической революции в казахской литературе усилилась тенденция к взаимному сближению и к всестороннему укреплению сотрудничества с другими национальными литературами народов СССР. Многие казахские писатели с интересом изучали и переводили произведения русской классической литературы. Творчество Чехова не могло не привлечь внимание маститых художников

казахской советской литературы – Б. Майлина, С. Сейфуллина, Г. Мусрепова и, конечно же, М. Ауэзова. Один из первых рассказов Чехова «Белолобый» был мастерски переведен им на казахский язык. Великое чеховское наследие стало подлинно всенародным достоянием.

Русско-казахские литературные связи были весьма многообразны. Художественный перевод был не единственным проявлением этих тесных отношений. Так, под непосредственным влиянием прогрессивной русской классики, в казахской литературе формировались новые жанры, расширялись традиционные представления о тематике, рождались новые типы литературных героев.

Творчество А. П. Чехова оказало несомненное воздействие на развитие жанра рассказа в казахской литературе. Художественный опыт Чехова-рассказчика привлек внимание Б. Майлина. Об этом пишет Ш. К. Сагпаева: «Будучи еще учеником медресе в Уфе, Б. Майлин зачитывался замечательными новеллами Чехова. По свидетельству близко знавших прозаика людей, Чехов был его любимым писателем. Один из первых мастеров казахской художественной прозы, Б. Майлин в некоторых своих рассказах и повестях как бы выступает продолжателем традиций Чехова, пронизывая повествование тонкой иронией и мягким юмором, грустной улыбкой»⁸.

Читал и перечитывал произведения А. П. Чехова и другой мастер казахской литературы – Г. Мусрепов. З. С. Кедрина в своей книге пишет:

«Габит Мусрепов – один из самых собранных композиционно и «выработанных» стилистически казахских писателей. Стиль произведений Г. Мусрепова всегда характеризовался изящной законченностью»⁹.

Композиционная стройность, рафинированность, лаконичность стиля, создание сценических миниатюр дают основание говорить о нем как о приверженце строгой школы русской классической литературы. Габит Мусрепов в известной степени развивал традиции Чехова в казахской прозе и литературе, в его произведениях проскальзывает чеховская манера письма. С. А. Ашимханова утверждает: «Одним из серьезных учителей Габита Мусрепова на протяжении всей его творческой деятельности был А. П. Чехов. Чеховский лаконизм, особые функции подтекста, новеллистичность повествования оказали серьезное влияние на структуру и содержание мусреповского художественного текста»¹⁰.

На новую ступень развития поднял жанр рассказа выдающийся писатель М. О. Ауэзов. Он открыл новые темы в казахской литературе, наполнил свои произведения жизненным содержанием, которые требовали других изобразительных средств. Его хорошо известное всем произведение «Серый лютый» («Коксерек») перекликается с повестями Джека Лондона «Белый клык», Л. Н. Толстого «Холстомер» и, конечно же, рассказами А. П. Чехова «Белолобый», «Каштанка». Он не раз повторял: «Повесть-рассказ «Серый лютый» написана в том же ряду, что и рассказы Джека Лондона,

Чехова, Толстого в том смысле, что я тоже пытался показать «психологию» повадки животного»¹¹.

Мастер психологического анализа, Мухтар Ауэзов помещает в рассказ-символ «Серый лютый» общественные и личные проблемы, дает нравственную оценку героям. Не последнюю роль играет совокупность изобразительных средств, которые прекрасно воссоздают фон событий. Под влиянием классиков (в том числе и Чехова) создается новый, неожиданный по форме и содержанию рассказ.

Под воздействием русской классики в казахской литературе также разрабатываются новые, актуальные общечеловеческие нравственные проблемы. Например, одной из таких проблем является судьба «маленького человека».

Чехов был далеко не первым и не единственным, кто в своих произведениях развивал эту тему. Однако в его творчестве «маленький человек» имеет неоднозначное переосмысление. В первую очередь, маленький человек у Чехова очень разный. Чеховский тип может варьироваться: от жалкого и ничтожного (герой Червяков в рассказе «Смерть чиновника») до доброго и честного, но незадачливого «вечного студента» (Петя Трофимов из «Вишневого сада»).

Переосмыслена Чеховым и роль маленького человека в окружающем его мире. Он не оскорблен, не обижен, порой даже проявляет настойчивость и агрессию к окружающим его людям (часто эти попытки неудачны и комичны). Однако каждый

«маленький герой» А. П. Чехова становится заложником собственных мыслей. Он не может совладать с собой и своей жизнью, не может показать свое «Я». Человек не рождается «маленьким». «Маленьким» он становится из-за своего социального статуса и морально-этических шаблонов поведения.

Другими словами, чеховский «маленький человек» имеет свою душу, имеет свои желания и даже способности, которые он так и не смог реализовать. Если раньше маленький человек вызывал жалость и эмпатию, то после чеховской подачи читатель не сочувствует герою из-за отрицательных качеств, которые в нем заложены. Чехов нигде не позволяет себе морализировать – он просто рисует жизнь, но лаконичное повествование прекрасно передает все, что хотел бы сказать автор. Такое новое освещение этого образа делает его более выразительным и заставляет еще раз задуматься над его сущностью.

Известный казахский писатель и драматург Дулат Исабеков продолжает развивать и заново осмыслять проблемы «маленького человека». Бакытжан Канапьянов в «Литературной газете» пишет: «С самых первых своих произведений Дулат Исабеков был и остаётся верен одной теме. Это тема и образ «маленького человека», волею ряда житейских обстоятельств вовлечённого в стихию непредсказуемой жизни. Той самой жизни, которая всегда и везде существует вне принципов логарифмической линейки. А точнее, сам писатель в силу большого

таланта воспрепятствует тому стереотипу мышления, который на корню уничтожает своеобразие, непосредственность и первородность художественного замысла. Это аксиома. И по Антону Чехову, и по Василию Шукшину, и по Фазилу Искандеру. И по Дулату Исабекову. Всех их объединяет действительно маленький человек...»¹².

Влияние А. П. Чехова на казахскую литературу велико. Его произведения сыграли немаловажную роль в межкультурной коммуникации казахского и русского народов. Чеховские традиции будут всегда актуальны, так как им далеко вперед были угаданы наши настроения, мотивы, идеи, нравственные и эстетические искания.

Сведения об авторе: Жумсакбаев Аман Турсунгазыевич, старший преподаватель кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: aman.zhumsakbaev.91@mail.ru.

Аннотация. В статье приводится обзор и анализ российско-казахстанских литературных связей на примере обращения казахских писателей к творчеству А. П. Чехова. Среди прочего отмечается наличие не только многочисленных переводов чеховских текстов, но и их влияние на поэтику и тематику ряда авторов, творивших на казахском языке.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Казахстан, влияние, литературные связи, стиль.

Abstract. The article provides an overview and analysis of Russian-Kazakh literary relations on the example of Kazakh writers' appeal to the works of A. P. Chekhov. Among other things, it notes not only the presence of numerous translations of Chekhov's texts, but also their influence on the poetics and themes of a number of authors who have worked in the Kazakh language.

Key words: A. P. Chekhov, Kazakhstan, influence, literary connections, style.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ауэзов М. О. Статьи, исследования. – Алма-Ата: Жазушы, 1969. – С. 125.
- 2 Ауэзов М. О. Мысли разных лет. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 144.
- 3 Чехов А. П. Чехов и театр: письма, фельетоны, современники о Чехове-драматурге. – М.: Искусство, 1961. – С. 155.
- 4 Чехов А. П. Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: в 3 т. Т. 2. – М.: Мир, 1936. – С. 59.
- 5 Чехов А. П. Сборник документов и материалов. Том 1. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 64.
- 6 Сатпаева Ш. К. Его имя дорого навеки / Веяние времени. Статьи. Т. 4. – Астана: Елорда, 2012. – С. 405.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Кедрина З. С. Из живого источника: Очерки советской казахской литературы. – Алма-Ата: Жазушы, 1966. – С. 23.
- 10 Ашимханова С. А. Чеховские традиции в прозе Габита Мусрепова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2011. – С. 195.
- 11 Ауэзов М. О. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 86.
- 12 Канапьянов Б. М. Звезда над аулом большая // Литературная газета. – 2016. – № 7. – С. 13.

ФРАНЦУЗЫ И ТВОРЧЕСТВО А.П.ЧЕХОВА

Орешникова А. Д.

THE FRENCH AND THE WORK OF ANTON CHEKHOV

Oreshnikova A. D.

Произведения великого русского писателя Антона Павловича Чехова переведены более, чем на 92 языка. Однако известно, что сам писатель не изъявлял большого желания, чтобы его работы переводили на другие языки. Причиной этого было то, что Чехов считал невозможным в полной мере принять и осознать все особенности национальной культуры, которые были в его рассказах и пьесах.

Тем не менее, помимо того, что факт переводов на другие языки существует, творчество А. П. Чехова пользовалось и пользуется до сих пор большой популярностью во многих странах за рубежом.

Французы отличаются неравнодушным отношением к русской культуре, к русскому языку, к русской литературе. Во многих французских школах русский язык изучают как иностранный. Что касается русской литературы, многие французы обладают очень большими познаниями в этой области и искренне интересуются произведениями русских поэтов и писателей. А. П. Чехов не является исключением.

А. П. Чехов является основоположником жанра короткого рассказа

в русской литературе. Короткие рассказы являются достаточно сложными для перевода на иностранные языки. Если говорить о произведениях Чехова, то можно отметить, что сложность заключается в том, что каждое слово несет смысловую окраску, а главная отличительная черта рассказов Чехова – говорящие фамилии. Тем не менее, переводы произведений Чехова на французский язык существуют, его произведения пользовались и пользуются по сей день популярностью у французских читателей.

Критики и переводчики согласны с самим Чеховым в том, что при переводе есть вероятность потери красочности и колорита произведения. Тем не менее, именно французским переводчикам удалось достойно справиться с нелегкой задачей перевода произведений А. П. Чехова. Конечно, для того, чтобы получился успешный перевод, необходимо чувство языка и особое мастерство. Например, для рассказа «Лошадиная фамилия» французские переводчики предложили очень эффектные и интересные варианты, передающие такую говорящую фамилию: Cavalon

(обыгрывание слова Cavale – кобылица); варианты, происходящие от слова cheval (лошадь): Chevaleau; Chevalard; Chevaleret; Chevalet; вариант от слова destrier (боевой конь) – Destriez; Jumendeau – от слова «кобыла» (jument).

Удалось не только перевести лошадиную фамилию, а найти идентичные фамилии во французском языке. Фраза «Гнедов! – говорили ему. – Рысистый! Лошадицкий!» во французском варианте выглядит так: Bay (bai – гнедой; гнедая лошадь), Trott (trot – рысь), Chevalin (cheval – лошадь).

Не удалось избежать и обыгрывания фамилий при переводе. Для французских переводчиков особую трудность составил эпизод, где приказчик переходит с лошадиных фамилий на собачьи. В данном случае пришлось поменять собачью фамилию на куриную! Тем не менее, сделано это не просто так. Переводчикам удалось и поменять фамилию на другой вид животных, и сделать так, чтобы все подходило по звучанию. «Это уже собачья, а не лошадиная [фамилия]» выглядит так: «Mais c'est un nom de poule (курица), pas de cheval».

В чем же заключается основная сложность перевода рассказов Чехова на французский язык? Советский лингвист, доктор филологических наук В. Г. Гак, в трудах которого большое место уделено французскому языку, говорил: «Во французском словарном составе гораздо меньше, чем в русском, слов, в значение которых входит экспрессивно-эмоциональная окраска».

Несмотря на все трудности перевода, существуют и театральные постановки на французском языке. Театры во Франции – тот элемент культурной жизни, который глубоко ценится всеми поколениями. Исходя из мнений французов, можно сказать, что они посещают не только те спектакли, которые поставлены по произведениям французских поэтов и писателей, но и спектакли по зарубежным авторам. Спектакли по А. П. Чехову и сегодня имеют большое значение в культурной жизни Франции.

Например, в Театре-студии в коммуне Альфортвилль, пригороде Парижа, (Théâtre-Studio d'Alfortville) с 5 по 24 марта 2018 г. проходили спектакли Кристиана Бенедетти (Christian Benedetti) по пьесе «Вишневый сад» (La Cerisaie). На французский язык пьеса переведена Брижит Барилье, Кристианом Бенедетти и Лореном Уоном (Brigitte Barilley, Christian Benedetti et Laurent Huon), которые также играли в спектакле.

Если говорить об отношении французов к творчеству Чехова, можно заметить, как уже было сказано ранее, что они с большой теплотой относятся к писателю. Например, один из французских журналистов, который является представителем старшего поколения, часто бывает в России как по работе, так и в туристических целях, очень тепло отзываясь о произведениях А. П. Чехова. Он утверждает, что рассказы Чехова – одни из немногих, в которых мораль выражена через юмор и эмоции (Jean-Pierre Lenôtre, журналист газеты Le Figaro).

Есть также и представители молодого поколения, которые неравнодушны к творчеству Чехова. Как правило, это люди, которые по каким-либо причинам изучают русский язык как иностранный, или журналисты.

Одна студентка, которая изучает русский язык и литературу, Isabelle, говорит, что любит рассказы Чехова за их искренность.

Студент из Франции, Paul, который однажды приехал в Россию по программе обмена, посетил дом-музей А. П. Чехова в Москве и решил прочитать некоторые произведения писателя. Он оценил рассказы Чехова за обязательное присутствие смысла и за то, что мораль рассказов всегда заставляет задуматься.

Сведения об авторе: Орешникова Алина Дмитриевна, учитель, ГБОУ «Школа № 1449 им. Героя Советского Союза М. В. Водопьянова», г. Москва, e-mail: aline.orechnikova@yandex.ru.

Аннотация. В статье приводится обзор особенностей переводов произведений А. П. Чехова на французский язык. Описываются сложности, с которыми встречаются переводчики – прежде всего, связанные с языковой игрой в текстах писателя. Отдельно приводится и мнение некоторых французов о творчестве А. П. Чехова.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Франция, рассказы, театр, переводы, язык.

Abstract. The article gives an overview of the peculiarities of translations of Chekhov's works into French. It describes the difficulties encountered by translators – primarily related to the language play in the writer's texts. Separately, the opinion of some Frenchmen about the work of Anton Chekhov is also given.

Key words: A. P. Chekhov, France, stories, theater, translations, language.

ДИАЛОГ АВТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОСТРАНСТВЕ ДВУХ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ОБРАЗОВ ЛИНГВОАНТРОПОМОРФИЗМА)

Губочкина Л. Ю., кандидат филологических наук

DIALOGUE BETWEEN AUTHOR AND TRANSLATOR IN THE SPACE OF TWO CULTURES (ON THE MATERIAL OF ARTISTIC TRANSLATION OF IMAGES OF LINGVOANTHROPOMORPHISM)

Gubochkina L. Yu.

Лингвокультура как неотъемлемая часть глобального языкового пространства связана с различными видами искусства, в том числе и с искусством перевода художественных произведений. Автор оригинала и переводчик ведут постоянный диалог в художественном пространстве текста. Автор подлинника выступает в роли создателя текста, автор переводного произведения – в роли создателя. Диалог-невидимка между двумя главными лицами художественного произведения определяет значимость произведения для мировой литературы в целом. Благодаря автору первоисточника шедевр становится достоянием культуры одного народа, благодаря переводчику шедевр становится достоянием народов всего мира.

Целью исследования является изучение вопросов перевода лингвистического антропоморфизма в художественном произведении. Рассматривается процесс созда-

ния авторских антропоморфных образов в художественном тексте, и анализируются решения переводчика в отношении использования трансформаций при переводе антропоморфных образов с английского языка на русский. Исследование художественных образов происходит в диалоговом пространстве двух культур. Актуальность исследования определяется необходимостью в изучении способов перевода художественных антропоморфных образов сквозь призму авторского мировоззрения и мировидения переводчика. Методами исследования являются описательный анализ единиц перевода и сравнительно-сопоставительный анализ текста источника и текста перевода. Научная новизна работы заключается в изучении образов антропоморфизма в рамках лингвокультурологического и переводоведческого компонентов. Практическая значимость работы в том, что результаты

могут быть применены в процессе переводческой деятельности или использованы в качестве теоретического материала в области науки о языке и переводе.

Рассмотрим мировоззренческую концепцию автора оригинала и мироощущение автора переводного текста в диалоговом пространстве двух культур. Основой для изучения художественного диалога двух лиц служат примеры перевода образов антропоморфизма.

1. «There's one flower in the garden that can move about like you», said the Rose. «She has the same awkward shape as you, but she's redder – and her petals are shorter, I think»¹. // «Есть тут еще один цветок, который умеет ходить, как ты... – сказала Роза. – Такой же странной формы, как и ты, – сказала Роза. – Немножко темнее, пожалуй, и лепестки покороче...» (перевод Н. М. Демуровой)².

В художественном отрывке авторский образ цветка раскрывается перед читателем в виде женского образа, непохожего на другие цветы. В русскоязычной антропоморфной системе существительное цветок – мужского рода, и только отдельные названия цветов ассоциируются с женскими качествами. Автор создает образ с женским лицом, а переводчик передает женский образ посредством существительного цветок, принадлежность которого в грамматической системе языка перевода определена мужским родом. Различие в представлении образа цветка автором и переводчиком определяется несовпадением грамматических категорий рода

в лингвокультуре англоязычного и русскоязычного читателя.

2. «I have six beautiful daughters, and I am so afraid the Pike may meet them. He is a perfect monster, and would have no hesitation in breakfasting off them»³. // «У меня шесть прелестных дочурок, и я так боюсь, как бы они не попали на зубок Щуке. Это настоящее чудовище, и оно не задумается позавтракать ими» (перевод З. Журавской)⁴.

Рассматривая авторский образ Щуки, определим его соотношение с категорией рода. Существительное the Pike в антропоморфной системе английского языка имеет мужское начало, мужские характеристики, что является прямым несовпадением с образом Щуки в антропоморфной системе русского языка (сущ. щука – ж. р. в рус. яз.). Для преодоления пропасти в пространстве двух лингвокультур, переводчик принимает дипломатическое решение, и в тексте переводного художественного произведения появляется дополнительное слово чудовище, а не монстр, как это обозначено в первоисточнике (a perfect monster). Таким образом, авторский образ Щуки с мужскими чертами приобретает средний род в тексте перевода. Автор оригинального текста и автор переводного текста ведут невидимый диалог, определяющий художественную ценность произведения в пространстве двух культур. Художественный перевод является отражением индивидуальных особенностей автора перевода⁵.

3. «Then you should certainly lecture on Philosophy», said the Dragon-fly, and he spread a pair of lovely gauze

wings and soared away into the sky⁶. // «Значит, вам надо читать лекции по Философии, – сказала Стрекоза и, расправив хорошенькие прозрачные крылышки, взвилась в поднебесье» (перевод З. Журавской)⁷.

Антропоморфный образ Стрекозы в англоязычном художественном мире наделен мужскими чертами. Стрекоза – это Муха-Дракон (the Dragon-fly), унаследовавшая мужской род от первого компонента слова (the Dragon). В русскоязычном переводе происходит смена образов – мужской меняется на женский. Автор первоисточника и автор перевода ведут игру с художественными образами в пространстве двух лингвокультур.

Резюмируя все вышесказанные положения, утверждаем, что перевод образов лингвистического антропо-

морфизма определен рядом причин: индивидуально-авторским решением переводчика, мировоззренческими представлениями англоязычного и русскоязычного народа в отношении образов художественного антропоморфизма, несовпадениями грамматического ряда в системе исходного языка и языка перевода⁸.

Диалог автора и переводчика в отражении двух культур остается незавершенным. Глубина и природа лингвистического антропоморфизма определяет важность высокохудожественного произведения и его перевода. Понимание сущности лингвоантропоморфных образов лежит за гранью мироздания⁹. Интерпретационное пространство художественного перевода образов антропоморфизма открыто для дальнейших исследований.

Сведения об авторе: Губочкина Любовь Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета, e-mail: glubov09@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы художественного перевода на примере антропоморфных понятий. Изучается процесс создания авторских антропоморфных образов в художественном тексте. Комментируются решения переводчика в отношении использования трансформаций при переводе антропоморфных образов с английского языка на русский. Анализируется художественный диалог автора и переводчика в двух лингвокультурах.

Ключевые слова: художественный перевод, лингвистический антропоморфизм, переводческие трансформации, диалог, лингвокультура.

Abstract. The paper deals with some issues of literary translation based on anthropomorphic concepts. The process of creating author's anthropomorphic characters in literary texts is being studied. The interpreter's decisions concerning the transformations used in the translation of anthropomorphic characters from English into Russian are commented on. The literary dialogue between the author and the interpreter in two linguistic cultures is analyzed.

Key words: literary translation, linguistic anthropomorphism, translation transformations, dialogue, linguistic culture.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Carroll L. Through the looking glass. – Collins Classics, 2010. – P. 29.
- 2 Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье. – СПб.: Амфора, 2010. – С. 189.

- 3 Уайлд О. Сказки. На англ. и русск. яз.– М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001.– С. 51.
- 4 Там же.– С. 196.
- 5 Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика.– СПб.: Инъязиздат, 2006.– С. 125.
- 6 Уайлд О. Сказки. На англ. и русск. яз.– М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001.– С. 51.
- 7 Там же.– С. 197.
- 8 Губочкина Л. Ю. Сравнительно-сопоставительный анализ способов перевода антропоморфных понятий (на материале англоязычных художественных текстов) // Современное педагогическое образование.– 2021.– № 4.– С. 276.
- 9 Губочкина Л. Ю. Поэтический антропоморфизм в сказках О. Уайлда // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика.– 2007.– № 1.– С. 242.

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУР И РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Большаков А. Н.

THE INTERPENETRATION OF DIFFERENT LINGUISTIC CULTURES AND THE ROLE OF TRANSLATION IN THIS PROCESS

Bolshakov A. N.

Историю культуры любого народа можно рассматривать с двух точек зрения: с одной стороны, как имманентное развитие, с другой – как результат разнообразных внешних влияний. Оба эти процесса тесно взаимосвязаны, и отделение их возможно только в порядке исследовательской абстракции. Из сказанного вытекает, что любое изолированное рассмотрение как имманентного движения, так и внешних воздействий неизбежно ведет к искажению картины. Но сложность не в этом, а в том, что любое пересечение систем резко увеличивает непредсказуемость дальнейшего движения. Случай, когда внешнее вторжение приводит к победе одной из столкнувшихся систем и подавлению другой, характеризует далеко не все события. Достаточно часто столкновение порождает нечто третье, принципиально новое, которое не является очевидным, логически предсказуемым последствием ни одной из соприкоснувшихся систем. Ситуация усложняется тем, что образовавшееся новое явление

очень часто присваивает себе наименование одной из столкнувшихся структур, на самом деле скрывая под старым слоем нечто принципиально новое.

Так, например, начиная с царствования Елизаветы Петровны русская дворянская культура подвергается исключительно мощному «офранцузиванию». Французский язык становится в конце XVIII – начале XIX вв. в дворянской (особенно столичной) среде неотделимой частью русской культуры. Прежде всего он завоевывает пространство дамского языка. Вопрос этот с достаточной подробностью и с точностью культуролога затронул А. С. Пушкин в третьей главе «Евгения Онегина», столкнувшись с тем, на каком языке ему следует передать письмо Татьяны. Вопрос был решен с подчеркнута откровенной условностью: Татьяна писала, конечно, прозой – поэт переводит прозу на язык поэзии. Одновременно он предупреждает, что письмо написано было по-французски и что оно передается

читателю – весьма условно – средствами русского языка:

*Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своем родном.
Итак, писала по-французски...*

Мы можем проследить пересечение двух проблем из истории языка. Проникновение французского в русский язык и слияние их в своеобразный единый язык, что создает целый функциональный набор.

В то время смешение русского с французским образовывало некий «дамский» язык и собственно «модную» его разновидность.

Французский язык играл для русского высшего общества пушкинской эпохи роль языка научной и философской мысли. Мы не можем не заметить, как повлияло появление в литературе французского Просвещения научных книг, рассчитанных именно на дамскую аудиторию. Процесс вовлечения женщин в научное просвещение в России привел к тому, что общеязыковая научная функция закрепилась теперь за французским языком. Не только дама из «тусовки», но и русская ученая женщина говорила и писала по-французски.

Со стороны Грибоедова наблюдались нападки на помесь языков. И это проявлялось в такой же мере, как Пушкин вставал на их защиту.

А свидетельствовало это о том, что перед нами не прихоть моды и не гримаса невежества общества того времени, а характерная черта лингвистического процесса. Мы видим, что французский язык составляет неотъемлемый элемент русского культурного языкового общения. Можно отметить, что Лев Толстой в «Войне и мире» обильно использует французский язык для воспроизведения характерной речи русских дворян. В тех местах, где передается речь французов, она, как правило, преподносится на русском языке. Французский же в этом случае используется в начале текста как указатель языкового пространства или там, где необходимо воспроизвести характерную черту французского мышления.

Во взаимопроникновении французского и русского языков в ту эпоху встает противоречивая ситуация. Во-первых, смешение языков создает некий единый язык культуры, а во-вторых, использование этого языка подразумевает состояние неорганичности и внутренней противоречивости. Эти процессы проявились в упорной борьбе с указанным смешением, в котором пытались увидеть то отсутствие грамотного стиля, то недостаток патриотизма и даже провинциальность. Здесь напрашивается грибоедовское: «смешенье языков французского с нижегородским».

Можно с уверенностью утверждать, что «представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей

структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость другого (другой личности, другого языка, другой культуры). Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир... Ситуация множественности языков исходна, первична, но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине). Это последнее делается той вторичной реальностью, которая создается культурой»¹, «в своих поисках нового языка искусство не может истощиться, точно так же, как не может истощиться познаваемая им действительность»².

Известно, что в развитии восприятия иностранной культуры в целом, и литературы в частности, наблюдаются два этапа. Обусловлены они как различным уровнем социально-культурных обстоятельств, так и несовпадением этапов развития литератур и национальных традиций.

Для первоначального этапа характерен процесс вовлечения в поле зрения своего миропонимания традиций художественного мышления, образов, идей, эмоций переводимого автора. На этой стадии текст воспринимается как имманентная замкну-

тая структура. Здесь прослеживается неравномерность воспринимаемой информации с точки зрения эстетики и ее объема. Воображение фокусируется на составных частях текста, которые как бы «выплескивают» образы, уже обозначившиеся в творческом воображении и развивающиеся в ходе приобщения к оригиналу. В этот период может проследиваться неравномерная концентрация изобразительно-выразительных средств, которая зачастую приводит к выпячиванию отдельных структур, скорее всего второстепенных.

На втором этапе восприятие и интерпретация находятся в контексте историко-культурного времени. К процессу переводческого творчества, кроме интуиции, подключается аналитическое познание текста. В этот момент раскрываются необычные образные созвучия, расширяются стилистические возможности авторского текста, его речи, происходит повышение культуры художественного слова. И как нигде более понимание иноязычного текста проявляется в стихотворном переводе, который весьма специфичен, поскольку «поэтическая речь представляет собой структуру большой сложности. Она значительно усложнена по отношению к естественному языку»³.

В процессе перевода в связи с различием поэтических культур неизбежно происходит трансформация художественного текста, несущая в данном случае признаки амбивалентности.

Художественный перевод является одной из составляющих куль-

турного диалога между народами. Определение этапов восприятия, начиная от элементарных шагов, когда усваивается лишь эскизный фон подлинника, его отдельные черты или эпизоды сюжета, до высокого уровня, когда восприятие принимает системный, цельный характер, позволяет выйти не только в область выявления типологических признаков психологии переводческого творчества, но также рассматривать художественный перевод как фактор формирования межнациональной поэтики⁴.

Необходимость в лучших представителях русской культуры в области литературы и искусства является неоспоримым свидетельством востребованности диалогов в духовной сфере. В этом процессе видную роль играет конечно же переводчик. Перевод – это своего рода перемычка между двумя иноязычными поэтическими культурами. Перемычка эта может быть надежной лишь при знании и особом чувственном понимании переводчиком эстетических качеств обеих культур. «Переводчик становится соавтором переводимого произведения, подчиняя собственное искусство законам поэтики и стиля этого произведения»⁵.

Однако далеко не всегда при переводе удается преодолеть трудности, связанные с тем обстоятельством, что языки оригинала и перевода принадлежат к различным культурам. Успех переводчика в этом случае зависит не только, а вероятно, не столько от близости его перевода подлиннику, но в значительной сте-

пени – от эстетической силы переведенного произведения и способности воспроизведения духовного мира его героя.

Специфика литературы заключается в ее словесной образности. Поскольку слово – это общедоступный материал общения, то от переводчика требуются усилия с целью формирования чувства удивления перед красотой слова, перед его разнообразием и способностью создавать неповторимые художественные образы.

Таким образом, культура, выйдя посредством перевода за свои пределы, возвращается в ином, измененном состоянии. Неизбежные попытки сблизить различные языковые культуры либо порождает вторичность, либо перевод функционирует как вполне самостоятельное произведение искусства, представляя типологически схожее явление. Различия, которые возникают в процессе перевода, вполне объяснимы конечно же сложившимися литературными традициями, но, в основном, главную роль играет сам переводчик, его талант, его индивидуальные способности. Поэтому мы всегда будем говорить об удачном или неудачном переводе, талантливом воспроизведении подлинника либо переводном тексте, лишенном художественной силы.

Следовательно, выступая инструментом взаимного сближения культур и средством духовного обогащения народов, перевод всегда будет вызывать к себе интерес в современном мире⁶.

Сведения об авторе: Большаков Александр Николаевич, старший преподаватель Казанского института предпринимательства и права, e-mail: alex1967bolshakov@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется влияние французского языка на русский и отражение этого влияния в творчестве А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Л. Н. Толстого. Рассматриваются особенности перевода и необходимые индивидуальные качества переводчика.

Ключевые слова: смешение языков, «дамский» язык, художественный перевод, талант переводчика.

Abstract. The article analyzes the influence of the French language on Russian and the reflection of this influence in the works of A. S. Pushkin, A. S. Griboyedov, L. N. Tolstoy. The features of translation and the necessary individual qualities of a translator are considered.

Key words: mixing of languages, «ladies'» language, literary translation, translator's talent.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Издательство АСТ, 2019. – С. 9.
- 2 Там же. – С. 221.
- 3 Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л., 1984. – С. 17.
- 4 Бахтин Н. М. Разговор о переводах // Бахтин Н. М. Из жизни идей. – М.: Лабиринт, 1995. – С. 174.
- 5 Там же. – С. 218.
- 6 Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ТРАДИЦИЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ РАВИЛЯ БУХАРАЕВА: ПОЭЗИЯ РИФАТА САЛАХОВА

Галимзянов А. И.

ON THE CONTINUATION OF THE TRADITIONS OF THE RAVIL BUKHARAEV SCHOOL OF TRANSLATION: POETRY BY RIFAT SALAKHOV

Galimzyanov A. I.

Рифат Галиевич Салахов – один из самых известных молодых поэтов Республики Татарстан. У Рифата – уверенный уровень владения турецким, азербайджанским и английским языками.

С юношеских пор Рифат – творец на ниве поэзии. В период своей учебы в Казанском государственном университете он, проявив качества лидера, возглавлял литературный кружок «Эллуки», «Эллиуки». Поэт удостоился Гран-при в конкурсе «Иделем акчарлагы – 2006», занял первое место на «Поэтическом сабантуе – 2008». Является лауреатом премии имени Намыка Кемалея от Союза писателей Турции за 2013 г.

Надо упомянуть, что и сам Рифат Салахов является реально функционирующим переводчиком и в Международной ассоциации «Мастера поэтической миниатюры». Одна из известных книг Рифата Салахова, изданных в Казани в 2015 г. с параллельной публикацией оригиналов и переводов, получила назва-

ние «Кызыл юл», «Алый путь» при авторстве переводов Сурайи Гайнуллиной. У Сурайи Гайнуллиной богатый опыт, причем ей довелось переводить даже Хасана Туфана.

Возможно, на переводчика оказывает влияние и окружающая среда, в частности, влияние английского языка. Название стихотворения Рифата Салаха «Мин – чиксез бер дала баласы» переведено как «Я – дитя настоящее поля», однако можно было подобрать и иные, более историчные варианты, например, «Дитя я Дикого Поля», тем более что в произведении идет речь о половцах, кыпчаках, куманах и поэт отождествляет себя с их потомками.

В древности католические монахи собирали половецкий словарь – «Кодекс куманикус», в котором и в современную эпоху можно узнать большинство современных татарских слов, в том числе и из современных диалектов.

В стихотворении «Эндэшмәгез» («Не зовите») Рифат Салахов пишет:

...Кулларымда – дөнъям,
Йөрәгемдә – яшем...¹.

Подстрочник:

*В моих руках – мой мир,
В моем сердце – мои слезы.*

Сурайя Гайнуллина переводит эти строчки так:

*В руках держу мой мир событий,
а сердце все – в моих годах².*

Порой демонстрация переводчиком словарного запаса (и автоматически следующий за этим переизбыток слов) является признаком того, что переводчик не может достичь той лаконичности, что присуща самому автору.

Итоговый перевод Сурайи Гайнуллиной можно заменить на:

*В руках держу
Вселенную событий,
а сердце все – в моих годах.*

В стихотворении «Ышанма» («Не верь») Рифат Салахов пишет:

*Син ышанма, беркөн барысын да
Сиңа булак итмәс, дисәләр³.*

Подстрочник:

*Ты не верь, если в один день все
Тебе (он) не подарит,
если скажут.*

Сурайя Гайнуллина проявляет свое соавторство следующим образом:

*Не верь тому, когда болтают,
Что всех я их не дам тебе⁴.*

Это преподносится переводчиком несколько банально, харизматичность стремится к нулю.

На мой взгляд, следовало бы перевести так:

*Не верь тому, когда болтают,
Что всех я их не подарю тебе.*

«Подарю» – звучит более торжественно.

Обратим наши взоры к стихотворению Рифата Салахова «Дөрөслекне белмим» («Не знаю правды»):

*Дөрөслекне белмим, ләкин сиңа
«Өзелеп сөям» диеп дәшәр идем⁵.*

Подстрочник:

*Правды не знаю, но тебе
«Душа моя, любя, обрывается»,
сказал бы.*

Переводчик первые строчки переводит следующим образом:

*Не зная вовсе правды всей,
Тебе в любви моей клянусь⁶.*

Автор перевода не смог также выделенное автором кавычками словосочетание представить удачным грамматическим феноменом, поэтическим словосочетанием русского языка.

В тот момент, когда Рифат Салахов говорит высшим литературным (даже божественным) языком, переводчик находит свой итоговый продукт в речи средних слоев общества.

*Дөрөслекне белмим: сүзләреңдә
Хаклык бармы, әллә ялган гына?⁷*

Подстрочник:

*Правды не знаю: в твоих словах
Истина есть ли,
или только ложь?*

В сборнике переводов читаем:

*Не знаю правды. Как понять,
Вранье в словах твоих или нет?⁸*

В стихотворении «Сагынасың» («Тоскуешь») Рифат Салахов пишет:

*Сагынасың, беләм, сагынасың,
Моңаясың, әнә, ай күрә.
Синең мэхәббәтең яктысыннан
Бәхетенән шашкан кар көлә⁹.*

Подстрочник:

*Тоскуешь, знаю, тоскуешь,
Печалишься, вот, месяц видит,
От света твоей любви*

*От счастья сошедший
с ума снег смеется.*

Сурайя Гайнуллина переводит:
*Тоскуешь ты, тоскуешь, знаю,
Грустишь, аж месяц подивился.
На свет любви твоей взирая,
Счастливым смехом
снег залился¹⁰.*

Автор оригинала вместо слова «яктысы» мог бы использовать и сходный (аналогичный) по значению термин «балку».

Взглянем на стихотворение «Сагынасын» («Тоскуешь») далее:

*Сәюеңне, энә, яшерәсең,
Күңелеңнең иң-иң түренә.
Гашыйк күзләреңнең карасына
Бөтен дөнья төнгә күмелә¹¹.*

Подстрочник:

*Свою любовь, вот, прячешь,
В самое-самое достойное
(почетное) место своей души,
В зрачки твоих влюбленных глаз
Весь мир погружается в ночь.*

В опубликованном переводе читаем:

*В душе, в местечке потаенном
С любовью своей хочешь
скрыться,*

*Но в черноту очей влюбленных
Весь мир сумел бы погрузиться¹².*

При этом переводчик хочет представить поэта скромным интровертом, однако использованное Рифатом Салаховым слово «түр» – это первоначально по смыслу термин, означающий как бы престольное место, место в юрте, прямо противоположное входу (пологу, двери), место, которое занимают хозяева, почтенные гости, султаны, ханы. Слово употребляется в фольклоре, например, в сказке, и при объясне-

нии правил этикета тюркских народов. Иногда «түр» употребляется даже в значении «фасад», «передний план».

В произведении Рифата Салахова «Үткән белән сөйләшү» («Разговор с прошлым») мы читаем:

*Син – үткәндә.
Офыкларда эреп,
Томаннарга кереп югалдың.
Хәтер тузаннарын кага-кага
Үтәп барам Казан урамын¹³.*

Подстрочник:

*Ты – в прошлом.
Растворившись в горизонтах,
В туманы войдя, ты потерялась.
Из памяти пыль выбивая,
Прохожу улицу Казани.*

Сурайя Гайнуллина:

*Ты – в прошлом.
Иль растворил на горизонте смог
Тебя, или туманы закрывают.
Пыль памяти моей сбивая с ног,
По улицам Казани я шагаю¹⁴.*

Здесь переводчик не совсем удачно использовал экологический термин «смог» в своем стремлении добиться идеальной рифмы.

Рифат Салахов оперирует терминологией, свойственной татарскому, башкирскому, хакасскому и другим тюркским языкам (к примеру, «Жидегән» – «Семиззвездье»), в то время как в русском языке нет удачных лаконичных аналогов:

*Син – үткәндә.
Жиде юл чатында
Жидегән йолдыз кала кул изәп.
Үпкәләмә, еллар-чорлар аша
Без барыбер бергә күренсәк¹⁵.*

Подстрочник:

*Ты – в прошлом.
На перекрестке семи дорог*

*Семь звезд остаются, махая рукой.
Не обижайся, если через много лет
Мы все равно увидимся вместе.*

Переводчик:

*Ты – в прошлом,
Здесь перекресток всех семи дорог,
Семь звезд с небес по озеру поплыли,
Не обижайся. Через долгий срок,
Мы вспомним,
как мы вместе были¹⁶.*

В конце четвертой строчки – излишняя запятая; видимо, данное стихотворение корректоры обошли своим вниманием, так как и в последней строфе заменено на букву «а» должествующее быть «я»:

*Ты – в прошлом,
В градущем одному
придется быть.
Осталось в прошлом все,
что было с нами.
Из прошлого тебя бы
возвратить,
Чтоб в очаге сумел
разжечь я пламя¹⁷.*

Попутно надо отметить, что переводчик сохраняет мусульманские метафоры, привнесенные в авторский оригинал:

*Син – үткәндә.
Алга таба барам
Киләчәгем белән янәшә.
Ак хыяллар, гәлләр, Казан кала,
Язлар кала, Төннәр – пәрәнжә¹⁸.*

Переводчик бережно доносит нюансы:

*Ты – в прошлом.
А мне положено вперед идти,
В грядущее мое гляжу я смело.
Мечтам, цветам –
в Казани всем цвести,
И в паранджу мой город
ночь одела¹⁹.*

В стихотворении «Таш чэчэк» («Окаменевший цветок») Рифат Салахов употребляет весьма интересное словосочетание «күкләр дингезе», однако переводчик не сумел сотворить ему аналог...

В середине стихотворения поэт пишет:

*Кара күзләреңә ләйсән яңгыр
Өзелеп-өзелеп тама башлады²⁰.*

Подстрочник:

*На твои глаза весенний дождь
Прерываясь, начал капать.*

Сурайя Гайнуллина переводит:

*Черные очи твои
Дождь с перерывами моет²¹.*

«Дождь» в татарском языке – «яңгыр». «Весенний дождь» в татарских диалектах – «лэйсэн», «зэйсэн». Некоторые филологи полагают, что термин, обозначающий весенний дождь, проник, несколько изменившись, из турецкого языка, в котором весенний месяц апрель – «нисан». Причем это слово есть и во многих других ближневосточных языках. Переводчик не смог найти абсолютный аналог, оставив читателям банальное «дождь». Использованное Рифатом Салаховым словосочетание – «лэйсэн яңгыр» могло быть переведено переводчиком и как «весенний дождь».

В итоге можно заключить, что предоставленное от переводчика «дождь с перерывами моет» можно было при литературном редактировании превратить в «весенний дождик моет».

Переводческий процесс может быть подобен и проливному грозовому дождю, и весенним каплям на взошедших цветах.

Сведения об авторе: Галимзянов Айрат Ильдусович, поэт, переводчик, тюрколог, критик, e-mail: ayrat.galimzyanoff@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена подробному разбору перевода стихотворений современного татарского поэта Рифата Салахова, выполненному Сурайей Гайнуллиной. Отмечается неточность и недостаточное смысловое соответствие перевода оригиналу в нескольких текстах. В некоторых случаях автор статьи предлагает свое видение перевода.

Ключевые слова: перевод, татарская поэзия, Р. Бухараев, Р. Салахов, С. Гайнуллина.

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the translation of the poems of the contemporary Tatar poet Rifat Salakhov, made by Suraya Gainullina. It notes the inaccuracy and lack of semantic correspondence of the translation to the original in several texts. In some cases, the author of the article offers his own vision of the translation.

Key words: translation, Tatar poetry, R. Bukharaev, R. Salakhov, S. Gainullina.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Салахов Р.Г. Кызыл юл.– Казань: Ак буре, 2015.– С. 88.
- 2 Там же.– С. 89.
- 3 Там же.– С. 86.
- 4 Там же.– С. 87.
- 5 Там же.– С. 84.
- 6 Там же.– С. 85.
- 7 Там же.– С. 84.
- 8 Там же.– С. 85.
- 9 Там же.– С. 80.
- 10 Там же.– С. 81.
- 11 Там же.– С. 80.
- 12 Там же.– С. 81.
- 13 Там же.– С. 83.
- 14 Там же.– С. 82.
- 15 Там же.
- 16 Там же.– С. 83.
- 17 Там же.
- 18 Там же.– С. 82.
- 19 Там же.– С. 83.
- 20 Там же.– С. 78.
- 21 Там же.– С. 79.

ОБРАЗ КАЗАНИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Н.БЕЛЯЕВА И Р.Р.БУХАРАЕВА

Галкин Л. Д.

THE IMAGE OF KAZAN IN THE WORKS OF N.N.BELYAEV AND R.R.BUKHARAEV

Galkin L. D.

Исследование образа Казани в литературе представляется нам интересным и научно-обусловленным, ведь исследований по раскрытию образа Казани в творчестве Н. Н. Беляева, Р. Р. Бухараева практически нет, за исключением статьи о Н. Беляеве А. Ф. Галимуллиной в сборнике «Державинских чтений», статьи С. Хакима о «Казанской тетради»¹ и В. Яранцева о «Казанских снегах»².

В этих работах дается обзор их творчества в целом, а образ Казани практически не упоминается. Да, профессор КФУ А. Ф. Галимуллина в сборнике «Державинских чтений» писала про Н. Н. Беляева, однако, не рассматривала специально вопрос о художественном воплощении образа Казани. Об этом цикле опубликованы предисловие Сибхата Хакима к «Казанской тетради» и рецензия на нее известного поэта XX в. Давида Самойлова³. В предисловии, переведенном Р. Р. Бухараевым, сказано, что в «Казанской тетради» Николая Беляева затрагиваются вопросы, не всегда освещаемые и в татарской поэзии. Автор, по мнению С. Хаки-

ма, осваивает и развивает символическую, свойственную поэзии Востока, накрепко связав себя с землей, на которой живет. Давид Самойлов же в рецензии на «Казанскую тетрадь» обращает внимание на то, что «вся книга поэта проникнута добротой и сочувствием». «В стихотворном вступлении, – пишет Самойлов, – автор сообщает, что «в зеленом скверике Казанского кремля» нашел тетрадку со стихами, автор которой был неизвестен. Потом оказалось, что это была рукопись «Казанская тетрадь» Н. Н. Беляева». Известное стихотворение Н. Н. Беляева «Монолог Дэрдменда. 1905 г.» и ряд стихов о Казани, по мнению С. Хакима, убеждают, что он «знает этот город, зорко подмечает многое, а главное – думает о том, что видит».

Среди статей о Р. Р. Бухараеве можно выделить статью Владимира Яранцева по циклу «Беседы с сыном» сборника «Казанские снега», выпущенного издательством «Магариф» в 2004 г. В этой статье В. Яранцев пишет, что книга «выстроена по «широте-долготе» чувства, вы-

нужденного снисходить до земли». Двадцатилетнее пребывание Р. Р. Бухараева в Европе – это, по мнению В. Яранцева, «интересная попытка коренного небожителя обжить неведомые ему земли». «Попытка становится пыткой, так как поэт ежесекундно жаждет отзвука своему чувству», – пишет Яранцев.

Итак, нарушая хронологию, Р. Р. Бухараев, по мнению Яранцева, начинает «свою книгу стихов разных лет с самых свежих – 2003–2004 годов, где доверяет только чувству, а речь и так знает свой земной и горный путь». Это было актуально, когда в семье поэта случилось несчастье – умер любимый сын Василий. После этого речь ведет поэта с чужбины не куда-нибудь, а в «казанские снега». В «снега» как в белизну и свет, как в холод и ожог боли» – все то, что, как пишет В. Яранцев, сближает земное с высшим, потому что «дома, в житейском смысле, нет, как нет и страны, лежащей «в развалах бурелома»⁴.

Поэт Николай Николаевич Беляев – один из тех, чье творчество забыто наукой, практически не освещается и вспоминается лишь в случаях годовщин смерти и дня рождения. Н. Н. Беляев жил в Казани до 1992 г., в котором вместе с женой Вилорой Чернышевой уехал в деревню Ворша Владимирской области, где прожил почти 20 лет, вернувшись в столицу республики осенью 2012 г. – за четыре года до своей смерти.

В Москве в 2007 г., благодаря помощи друзей-геологов, поэту удалось издать книгу «Казанская

тетрадь», куда вошли как стихи на русском языке, так и лучшие из переводов с татарского. Одно из таких – «Великий Путаник...»⁵ – было написано в 1969–2005 гг. В этом стихотворении лирический герой прибавляет к слову «город» эпитет «неоглядный» с целью показать, что как бы хорошо ты не знал город, то все равно останутся неизвестные, «неоглядные» места. Лирический герой обращает внимание на то, что, находясь в Казани, он, как и многие казанцы, испытывал по холодным «осенним стылым вечерам» тоску. Из дальнейшего рассказа лирического героя мы узнаем, что известное место Казани – Татарская слобода – является для него тем местом, где он узнал «земную цену счастья и беде». На протяжении всего стихотворения поэт использует развернутые метафоры и олицетворения для того, чтобы «одушевить» родную Казань: Казань у лирического героя умеет бить, испытывать, терять, тереть и даже прятать в карман, лукавить, обводить вокруг пальца и заводить новый роман. Также в этом стихотворении есть отголоски вечной темы «поэта и поэзии»: лирический герой хочет одного – возможности говорить с людьми и городами, благодаря своим стихотворениям. В финале стихотворения герой искренне благодарит Казань: «Спасибо! / За то, что я – такой, какой я есть!». Всем этим мы хотим сказать, что лирический герой очень близок автору, если даже не приравнен к нему, а стихотворение имеет двухчастную структуру.

В стихотворении же «нового времени», а именно 2006 года – «Я себя

в бутылку запечатаю» – лирический герой, также во многом приравняемый к автору, указывает на то, что Казань изменилась со времени студенчества героя (и, соответственно, автора), что и запечатлено в строчке «Ты другой, мой город...» из отрывка:

*Побреду – с улыбкой покаянную
в город мой,
где молодость прошла,
промотала утречко туманное,
солнцем сердце глупое сожгла.
Ты другой, мой город,
думать нечего –
все твои кварталы обозреть...*

Это время оказало сильное влияние на поэта, не случайно в этом отрывке используется развернутая метафора, в составе которой есть и олицетворение, и сравнение, и эпитет: «молодость прошла, промотала утречко туманное, солнцем сердце глупое сожгла».

Иной образ Казани, а также вариации на тему «военной лирики» можно проследить в стихотворении «Казань город на костях стоит». В этом стихотворении сразу привлекает наше внимание название, которое является основой для анализа. В названии заключен весь смысл стихотворения, который можно трактовать двояко. С одной стороны, по мнению Н. Н. Беляева, Казань построена на тех местах, где были захоронены люди в далеком прошлом, с другой же стороны, выражение «стоит на костях» можно понимать и в переносном значении, то есть за время создания и эволюции города

на его месте полегло много людей и их смертями пропитан воздух над Казанью. Примечательно, что на протяжении всего стихотворения поэт использует антитезу: с одной стороны, поэт утверждает, что за мостом «беда» и туда ходить нельзя, а с другой стороны – он сам вырос за этим мостом и не жалеет об этом.

Таким образом показывается наличие в одном стихотворении и признаков Казани прошлого, и современной поэту Казани, а также – его впечатления от того, что изменилось в городе за то время, пока он отсутствовал. Об этом говорит все стихотворение, как бы разделенное на две части: историческую и современную. Эта композиция характерна для большинства стихотворений поэта.

Что касается Рауля Раисовича Бухараева, то заметим, что он – поэт, переводчик, много писал о Татарстане и Казани. Одним из самых ранних его сборников были «Казанские снега» (1968–1974)⁶ и «Знак август»⁷ (1975–1982). В этих циклах собраны стихи, написанные в 1960–1980-е гг. в Казани и о Казани. Одним из таких стихотворений является «За рекою Казанкой, где ивняк и луга...»⁸. Здесь поэт описывает зиму и холод, пишет, что город его молодости изменился – стал другим и чужим. Уехав в российскую глубинку, поэт и критикует город, и одновременно показывает свою любовь к нему. «Я его проклиная оттого, что люблю».

В стихотворении «Когда вернусь в казанские снега...»⁹ (цикл «Беседы с сыном») поэт пишет о зимней Казани, о предательстве и неудачах, связанных с этим городом. У лири-

ческого героя холод в душе. Видно, что герой тоскует по городу его молодости, его мучает одиночество и он мечтает об одном – вернуться. Но вернуться не в свой дом, которого нет, как и страны, а в «казанские снега», и постепенно лирический герой успокаивается: «Но грязь и кровь забелены порошей». Эти слова говорят, что все плохое позади.

В другом стихотворении – «Оренбург»¹⁰ – поэт показывает историческую связь двух российских городов – Казани и Оренбурга. Говорит о литературном общем в Оренбурге и Казани (и там, и там он писал стихи, и там, и там жили недооцененные писатели), поэтому в словах:

«Но у судьбы иное есть название. История. Ее забыть нельзя» поэт обращает внимание на то, что нельзя забывать историю.

В стихотворении «Воспоминания о Казани»¹¹ он приводит в пример татарских писателей и поэтов: Державина, Тукая, Джалиля. «Казань воспитывала многих – но не удержала никого», – пишет Бухараев. Когда-то, вынужденно покинув Казань, другой наш поэт – Н. Н. Беляев – написал о том, что Казань продолжает жить своей жизнью и без него, но это его город, и видно, что герой тоскует о нем. Этой мыслью завершим наши рассуждения о двух разных поэтах.

Сведения об авторе: Галкин Лев Дмитриевич, учитель, МБОУ «Гимназия № 7 им. Героя России А. В. Козина» г. Казани, e-mail: G7.kzn@tatar.ru.

Аннотация. В статье анализируется творчество Н. Беляева и Р. Бухараева. Отдельное внимание уделено особенностям упоминания и влияния Казани на творчество обоих поэтов. Постулируется развитие образа города на протяжении творчества писателей, а также приводятся размышления об особенностях этого образа у каждого из писателей при сопоставлении их творчества.

Ключевые слова: Казань, поэзия, Р. Бухараев, Н. Беляев, сравнение.

Abstract. The article analyzes the works of N. Belyaev and R. Bukharaev. Particular attention is paid to the peculiarities of the mention and influence of Kazan on the works of both poets. The development of the image of the city throughout the writers' work is postulated, as well as reflections on the features of this image in each of the writers when comparing their work.

Key words: Kazan, poetry, R. Bukharaev, N. Belyaev, comparison.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Хаким С. Предисловие (из архива автора) к книге стихов «Казанская тетрадь». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newlit.ru/~belyaev/4032-24.html> (дата обращения: 04.10.2021 г.).

2 Яранцев В. Н. Мы разглядим друг друга в свете Бога // Сибирские огни 2019: Литературный журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://сибирскиеогни.рф/content/buharaev-ravil-kazanskije-snega-stihi-kazan-magari-f-2004> (дата обращения: 04.10.2021 г.).

3 Самойлов Д. С. Рецензия 1981 года. [Электронный ресурс] // Литературное обозрение. 1981. № 4. – Режим доступа: <http://newlit.ru/~belyaev/4032-24.html> (дата обращения: 04.10.2021 г.).

4 Яранцев В. Н. Мы разглядим друг друга в свете Бога // Сибирские огни 2019: Литературный журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://сибирскиеогни.рф/content/buharaev-ravil-kazanskije-snega-stihi-kazan-magari-f-2004>

рф/content/buharaev-ravil-kazanskie-snega-stihi-kazan-magari f-2004 (дата обращения: 04.10.2021 г.).

5 Беляев Н. Н. Казанская тетрадь. [Электронный ресурс] // Новая литература: Литературно-художественный журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newlit.ru/~belyaev/4032-24.html> (дата обращения: 04.10.2021 г.).

6 Бухараев Р. Р. Бесконечный поезд: Избранные стихи и поэмы. – Казань: Магариф, 2001. – С. 57–104.

7 Там же. – С. 107–172.

8 Там же. – С. 74.

9 Бухараев Р. Р. Казанские снега: Стихи. – Казань: Магариф, 2004. – С. 7.

10 Бухараев Р. Р. Бесконечный поезд: Избранные стихи и поэмы. – Казань: Магариф, 2001. – С. 83.

11 Там же. – С. 107.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ А.И.ОСТУДИНА В ДИАЛОГЕ С А.С.ПУШКИНЫМ

Зайнуллина Г. И., кандидат искусствоведения

INTERTEXTUAL STRATEGY OF A.I.OSTUDIN IN DIALOGUE WITH A.S.PUSHKIN

Zainullina G. I.

Остудин и Пушкин. Казалось бы, невероятное сопоставление. По мнению Л. М. Мышковой, поэтике А. С. Пушкина свойственны «ясность и доступность, ... логичность и наполненность ее мыслью; точность и последовательность в развитии поэтической темы, строгая мотивированность каждой частности; крепкая спаянность и уравновешенность всех элементов ее, простота и разговорность»¹. А поэзия Остудина, напротив, являет собой «винегрет из сравнений и эпитетов, рассчитанных на работу подсознания», и дает «весьма слабый намек на конкретный смысл/идею»².

Тем не менее рядоположенность «Пушкин – Остудин» имеет основания. Потому что последний, как все современные авторы, интертекстуален, то есть ведет интенсивный, где-то осознанный, где-то не осознанный диалог с классиками XIX в., по преимуществу с Александром Сергеевичем. Тем самым подтверждая закономерность, подмеченную А. Смолиным: «Призрак “бронзового гостя” в виде опекушинского Пушкина, ой, как многих

стихотворцев посещал в сладостных или кошмарных сновидениях...»³. В случае с Остудиным эти «посещения» участились во второй половине творческого пути – когда подошла пора итожить то, что прожил и насочинял.

Так, в сборнике «Бой с тенью» (2004), где представлены ранние стихи Остудина, насчитывается 6 отсылок к А. Пушкину, а в сборнике «Нищенка на торте» (2021), содержащем стихи последних лет, уже 14 – почти в два раза больше.

Разумеется, в рассматриваемых сборниках немало интертекстуальных приветов и другим поэтам всех времен и народов, но в основном все же русским классикам XIX в. и советской эпохи – М. Лермонтову, А. Плещееву, Ф. Тютчеву, Н. Гоголю; Ю. Мориц, В. Маяковскому, Б. Пастернаку, Н. Заболоцкому, О. Берггольц. Не остаются без внимания и поэты-современники – В. Кальпиди, Ф. Чечик, М. Аузиньш, И. Шепета, М. Гофайзен, А. Улзытуев, А. Кабанов, В. Месяц, И. Абдуллин. Каждого из перечисленных Остудин удостаивает не более чем двумя

отсылками, а «солнце русской поэзии» – двадцатью.

Поэтому целесообразно рассмотреть индивидуальную поэтику интертекстуальности А. Остудина на примерах тех текстов, где-либо упоминается А. Пушкин, либо обыгрываются строки из его произведений.

Определимся с термином «интертекстуальность» – это «понятие постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего»⁴. Данное определение связано с «пониманием интертекстуальности в широком смысле». Понятие «интертекстуальность» употребляется и в узком смысле, в случае если «цитирующий без кавычек» автор намеренно ссылается на предшественников, обогащая тем самым план содержания и рассчитывая на пронизательного, активного читателя⁵.

С учетом стратегии интертекстуальности в узком смысле, поэты, по мнению Е. Зинуровой, подразделяются на условно консерваторов – тех, кто смотрят на классиков «снизу-вверх, восторгаясь и ностальгируя», и условно новаторов – которые «не соглашаются, насмешничают и даже в чем-то обвиняют великих»⁶. У первых строка, содержащая заимствование, является точкой опоры, отсчета для стихотворения, и именно она воплощает основной смысл произведения; в таком стихотворении, дешифровав первоисточник, читатель легко определяет авторскую позицию. У вторых интертекстуальность сводится к попытке автора

переосмыслить тему из прошлого, представить прецедентный текст как штамп, общеизвестную истину: автор противопоставляет опорный текст своему, показывая, как устарели сейчас ценности, герои и мысли ушедших времен.

Остудин явно относится ко второй группе «усмехающихся» и «противопоставляющих», взять его стихотворение «Корабль современности», которое начинается со строк: *Не столько нас пугает вед длина, / а то, что мало в ведах проку,* – а завершается следующим образом:

*А может, не такие лоси мы,
и нет уже бананов в ушки нам,
припомним всех,
которых сбросили,
пока вылавливали Пушкина*⁷.

Здесь Остудин деканонизирует «Наше-все» как академический памятник, сотворенный в интересах государственной пропаганды и отбросивший тень забвения на других достойных поэтов.

Однако данная стратегия интертекстуальности вовсе не свидетельствует о принадлежности Остудина к «новаторам». Да, он осознанно выбирает фамильярную, бесцеремонную манеру по отношению к А. Пушкину, пишет или снисходительно, или язвительно. Например, в стихотворении «Диета»:

*заплывая в правильную снедь,
гнутся мельхиоровые ложки,
чтобы от тоски не околеть,
мне – пивка, а Пушкину –
морошки*⁸.

Но при этом «техническая» основа стихосложения Остудина чисто классическая – «размер и ритм че-

канно и стройно встают во фронт, всегда способствуя удобству прочтения и адекватной читательской оценке»⁹.

Таким образом, его новаторство заключается лишь в предельном сгущении интертекстуальных приемов: «Все полотно стиха пестрит отсылками, создающими радужный флер, кружащий голову не вполне внятные, но очень яркими цепями ассоциаций и бурлением бессознательного»¹⁰. В поэтический замес, благодаря культурному кругозору автора, его насмотренности и слышимости, идет все: исторические и мифологические символы, литературная классика, крылатые фразы из советских кинофильмов, народные поговорки и пословицы, интернет-мемы. Таким образом, осознанная гиперинтертекстуальность является основой игровой поэтики Остудина.

Одним из его любимых приемов является выворачивание наизнанку образов прецедентного текста. Например, в стихотворении «Опять насочинял какой-то гой...» пародийно переинтерпретируются образы отрывка из поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила»:

*у Лукоморья дуб ни в зуб ногой,
русалка на ветвях
пропахла килькой!*

*Камыш в пруду
как взвод богатырей,
забывших плавки,
не спешит на сушу.*

*Стоит изба без окон и дверей –
собачья конура на ножках Буша
Нет окончания сказки до сих пор.
Давно смежил глаза
ревнивый гений*

*Но что-то лепо бляшет Черномор!
И змей-горыныч ботает по фене!*¹¹

Комический эффект создается введением просторечия «ни в зуб ногой», жаргонизма «ботает по фене» и современной атрибутики – «плавки», «ножки Буша». Однако стихотворение неожиданно кончается на патриотической ноте с использованием реминисценции с нейтральной стилистической окраской – на «Сказку о рыбаке и рыбке»:

*и я сюда когда-нибудь вернусь,
где брошена детьми
и мужем бита,
на побережье Крыма чахнет Русь
старухой у разбитого корыта!*¹².

Какое приращение смысла происходит за счет резонанса, возникающего у читателя при соотношении текстов: двух прецедентных (А. Пушкина) и нового (А. Остудина)? Получается, неологизм «Крым-наш», возникший весной 2014 г. в контексте общественно-политической дискуссии вокруг присоединения Крыма к Российской Федерации, находится в том же ряду слов, чья наполненность субъективным, личностным смыслом дискредитирована. Да, концепт «Русь» так же смешон, как «конура на ножках Буша» и русалка, пропахшая килькой, потому как образной конкретизацией его наполнил «ревнивый гений», давно смеживший глаза.

Рассмотрим другое, более внятное по смыслу, стихотворение «На стеклах вырос лук порей», которое предваряется эпиграфом «Малыш уж отморозил пальчик...» (в поэме «Евгений Онегин» – «Шалун уж заморозил пальчик»¹³). Как известно,

эпиграф является маркером посвящения и кодом, расширяющим смысловое поле поэтического произведения, позволяя увидеть в новом тексте лексические и ритмико-интонационные цитаты.

Действительно, поначалу Остудин следует за Пушкиным и рисует образ «пацана» XXI в. без игровой перелицовки дворового мальчика пушкинской поры:

*Перевязав шарфом лицо –
В занозах розовых мороза,
Бежит пацан стежками Морзе,
Катая снежное яйцо¹⁴.*

Однако в финале Остудин все же осуществляет смысловую инверсию:

*Вот – вдохновение! Оно
дарует малышу свободу –
ему больше с каждым годом,
и некому грозить в окно...¹⁵*

Остудинский «пацан» представит в потенции своего драматического развития, недаром он катает яйцо; внутри него, в зародыше, живет дерзкий юноша, над которым не властна мать (у Пушкина – «Ему и больно и смешно, / А мать грозит ему в окно...»¹⁶).

Похоже, Остудин в диалоге с классиком хочет показать, насколько он глубже и виртуознее Пушкина. И впрямь, у того незатейливое «Снег выпал только в январе...»¹⁷, а у Остудина в первой строфе рассматриваемого стихотворения каскад ошеломительных метафор: «Как терпят липы без перчаток / озябший уголь снегорей?»¹⁸.

Другой излюбленный прием интертекстуальности Остудина – внедрение в реминисценции омофонного элемента, меняющего смысл

прецедентной строки. Пример из стихотворения «Ностальгия»:

*Великую империю поправ –
в развале поучаствовал невольно –
по полной оторвался, как рукав,
а счастья нет –
но есть покой и «volvo»¹⁹.*

У Пушкина – «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

В финале Остудин опять-таки снижает романтическую приподнятость прецедентного текста – стихотворения «Пора, мой друг, пора...». Если Пушкин мечтает о побеге «В обитель дальнюю трудов и чистых нег»²⁰, то Остудина «отчизны необъятные просторы» притягивают возможностью реализовать мужскую полигамность:

*где столько женских тел с
осками вверх,
что постоянно тянет
в эти горы²¹.*

Внедрение омофонного элемента в хрестоматийную строку «Пока свободою горим» содержится в стихотворении «Иду на выкл»:

*Друзья, пока свободою пылим
по чердакам, есть повод
для насмешки...²²*

В «Иду на выкл» описывается пустое времяпровождение, заппинг – практика быстрого переключения каналов телевизора на дистанционном пульте, без определенной цели. Между тем у Пушкина в стихотворении «К Чаадаеву» речь идет о служении отчизне и прекрасных порывах души²³. Остудин же, используя иронию и низводя отсылку до каламбура, ставит под сомнение гражданский пафос Пушкина. Однако в любом случае реминисценция

углубляет стихотворение «Иду на выкл», его можно воспринять и как приговор бессмысленному зомбоящику.

Иногда реминисценция в стихах Остудина представляет собой урезанную кальку (с сохранением размера) с широко всем известной первой строки, например, пушкинского «Зимнего утра»:

*Мороз и солнце – день опять
произан веселящим газом!*²⁴

Далее, в строках первой строфы, Остудин резко восстает против следования образцу пейзажной лирики и рисует бытовую физиологическую картинку:

*С похмелья хочется летать,
а не торчать над унитазом!*²⁵

Во второй строфе он вновь возвращается к трепетной радости созерцания русской зимы прецедентного текста: «свист, как сосулька изо рта», в воздухе сладость, горечь и «сухая кислота мороза». В третьей завершающей строфе Остудин применяет свой коронный прием – каскад разящих воображение метафор и ярких, почти физически осязаемых сравнений:

*Как шейный остеохондроз,
Стоит тупая боль берез.
И, белоглазы, вдалеке,
дома, как рыбы в кипятке!*²⁶

Тем не менее картина получается статичная и мертвенная – в противовес стремительной динамике жизнеутверждающего «Зимнего утра». Остудин словно желает умерить пыл классика: воспевай зиму, да знай меру – биоклиматическая недостаточность России не укладывается в привычно-банальные формы ро-

мантической поэзии. Наверное, поэтому «Мороз и солнце...» Остудина намного короче «Зимнего утра»: три строфы против пушкинских пяти шестистиший.

Другой распространенный интертекстуальный прием в современной поэзии основывается на использовании имен авторов или названий, написанных ими произведений²⁷. К уже имеющимся примерам упоминания имени Пушкина добавим еще один, из стихотворения «Дым и рым»:

*пока луна не выгнулась дугой,
уснешь в избе,
вдали от глаз недобрых,
не разобрав, чей почерк
над трубой –
шифровка или Пушкина
автограф!*²⁸

А вот названий написанных Пушкиным произведений в стихах Остудина (во всяком случае в двух рассматриваемых сборниках) нет. Разве что счесть таковым стихотворение «Поророка» – о гигантской 4-х метровой приливной волне, берущей начало в нижнем течении Амазонки.

*Пусть в общем потоке,
где око за око,
тебе одиноко,
нет в тине пророка...*²⁹

В «Поророке» нет шестикрылых серафимов, мрачных пустынь, сжигающих сердца глаголов и прочей высокопарной архаики; «просто, не томим духовной жаждой, / вижу свет, и следую за ним»³⁰, – полемизирует с «Пророком» Пушкина Остудин в другом стихотворении – «Мимикрия».

Показательно, что у Остудина нет ни одного стихотворения с посвяще-

нием А. Пушкину. Впрочем, другим классикам тоже. Он не скупится на посвящения лишь поэтам-современникам – В. Месяцу, А. Кабанову, И. Абдуллину, М. Гофайзену, А. Улзытуеву, В. Кальпиди, И. Шепете. Это со стороны Остудина отнюдь не демонстрация причастности к определенной поэтической группе, а манифестация дружеских взаимоотношений с близкими по мироощущению поэтами – благополучными и «счастливыми по умолчанию».

Но даже среди них Остудина выделяет его «божественный эгоизм»³¹ – а это, между прочим, по мнению П. Вайля и А. Гениса, характеристическая черта Пушкина; так же, как Александр Сергеевич, Остудин «совершенно чужд жизнеучительству»³², более интересуюсь своей жизнью, а не чужой. У него в стихах «всегда оптимистичный взгляд на мир. Удивительно жизнеутверждающий везде и всегда позитивный настрой, игривый, радостный, летучий – и ты заражаешься этим жизнелюбием»³³.

Сведения об авторе: Зайнуллина Галина Инисовна, кандидат искусствоведения, литературный консультант секции русскоязычной литературы и художественного перевода Союза писателей Республики Татарстан, e-mail: sara_g@inbox.ru.

Аннотация. В статье анализируется поэтика интертекстуальности российского поэта А. Остудина в контексте творчества и биографии А. Пушкина. В диалоге с классиком литературы XIX в. Остудин использует интертекстуальные приемы для конфронтации – деканонизирует строки хрестоматийных произведений, представляя их как штамп, общеизвестную истину, тем самым обогащая план содержания собственных стихов.

Ключевые слова: А. Остудин, А. Пушкин, интертекстуальность, реминисценция, прецедентный текст.

Abstract. The article analyzes the poetics of intertextuality of the Russian poet A. Ostudin in the context of creativity and biography of A. Pushkin. In a dialogue with a classic of nineteenth century Ostudin uses intertextual techniques for confrontation – decanonizes the lines of textbook works, presenting them as a stamp, a well-known truth, thereby enriching the content plan of his own poems.

Key words: A. Ostudin, A. Pushkin, intertextuality, reminiscence, precedent text.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Мышковская Л. М. О поэтике Пушкина. Изобразительные средства. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Hm6oNYfA7wA%3D&tabid=10358> (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 2 Борисов Р. Укротитель слова. [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.ruspole.info/ruzhi_podshivka/2021 (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 3 Смолин А. Эссе. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://www.rospisatel.ru/smolin-karatajev.htm> (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 4 Постмодернизм. Энциклопедия.– Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001.– С. 333.
- 5 От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.– М.: Прогресс, 1989.– С. 218.
- 6 Зинурова Е. С. Интертекстуальность в российской поэзии рубежа XX–XXI веков // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.– 2017.– Т. 22.– С. 264.
- 7 Остудин А. И. Нищенка на торте.– М.: Русский Гулливер, Центр современной литературы, 2021.– С. 34.
- 8 Там же.
- 9 Борисов Р. Укротитель слова. [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.ruspole.info/ruzhi_podshivka/2021 (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 10 Там же.
- 11 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 60.
- 12 Там же.
- 13 Пушкин А. С. Драматические произведения. Романы. Повести.– М.: Худ. лит-ра, 1977.– С. 106.
- 14 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 49.
- 15 Там же.
- 16 Пушкин А. С. Драматические произведения. Романы. Повести.– М.: Худ. лит-ра, 1977.– С. 106.
- 17 Там же.
- 18 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 49.
- 19 Остудин А. И. Нищенка на торте.– М.: Русский Гулливер, Центр современной литературы, 2021.– С. 16.
- 20 Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Сказки.– М.: Худ. лит-ра, 1977.– С. 349.
- 21 Остудин А. И. Нищенка на торте.– М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2021.– С. 16.
- 22 Там же.– С. 214.
- 23 Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Сказки.– М.: Худ. лит-ра, 1977.– С. 127.
- 24 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 40.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Зинурова Е. С. Интертекстуальность в российской поэзии рубежа XX–XXI веков // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.– 2017.– Т. 22.– С. 259.
- 28 Остудин А. И. Нищенка на торте.– М.: Русский Гулливер, Центр современной литературы, 2021.– С. 94.
- 29 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 69.
- 30 Там же.– С. 68.
- 31 Вайль П., Генис А. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности.– М.: КоЛибри, 2011.– С. 46.
- 32 Там же.
- 33 Борисов Р. Укротитель слова. [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.ruspole.info/ruzhi_podshivka/2021 (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 34 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 79.

ОБРАЗ РЕБЕНКА В ПОВЕСТИ А.БОРИСОВОЙ «ЗАПИСКИ ДЛЯ МОИХ ПОТОМКОВ»

Иванова О. И., кандидат филологических наук

THE IMAGE OF THE CHILD IN A.BORISOVA'S STORY «NOTES FOR MY DESCENDANTS»

Ivanova O. I.

А. В. Борисова – русскоязычная писательница, родившаяся в Якутии, автор таких книг для детей, как «Узелок на память» (Якутск, 1997), «Сказки перед сном» (Якутск, 2002), «Подарок феи Фантазии» (Якутск, 2003), «Воспитательные цели» (М., 2011), «Опасная математика» (М., 2011). Повесть «Записки для моих потомков» была опубликована в 2011 г. Автор определяет жанр произведения как «повесть в рассказах». Исследователь Н. Д. Жукова в статье «Образ детства как литературоведческая проблема» отмечает, что «именно изучение образа детства, воплощенного в художественной литературе, может дать много интересных открытий, добавим, и более глубокое понимание феномена детства, раскрывая многообразные его стороны целостно, в то время как наука бывает ограничена каким-либо одним исследовательским ракурсом»¹.

Повесть «Записки для моих потомков» написана от лица девятилетней Валентинки, которая во время каникул приезжает с мамой к бабуш-

ке в деревню. Записки – это дневниковые записи девочки, которые она начинает вести «для будущих поколений». Т. С. Маслова, Н. И. Бенеш в статье «Сравнительная характеристика сквозных образов-персонажей в рассказах В. В. Драгунского и Н. Н. Носова» подчеркивают, что «в детской литературе довольно часто повествование ведется от первого лица. И для этого существует ряд причин: во-первых, оно становится своеобразным способом характеристики: герой раскрывается непосредственно, выражает свое отношение к происходящему и к другим героям напрямую, а во-вторых, повествование от первого лица – это не только способ характеристики героя, но и способ отображения действительности: читатель видит мир глазами ребенка, переживает вместе с ним все приключения. Поэтому реальность в детской литературе предстает для взрослого читателя совершенно иной, чем он привык ее видеть. Но для юного читателя все на своих местах. Все, что для взрослого кажется странным и нелогичным, для ребенка

вполне естественно. В этом и предназначение детской литературы – возможность показать юному читателю совершенно разные ситуации, подтолкнуть его к размышлениям «что такое хорошо и что такое плохо», не навязывая ему точку зрения взрослого и избавляя от назидательности»². В повести наблюдается оппозиция между взрослыми и детьми. Валентинка осуждает взрослых: они отдают «в хорошие руки» щенков собаки Мальвы, визжат при виде лягушки, делают больно животным. Поэтому Валентинка с друзьями Сарданой (имя девочки в переводе с якутского означает «цветок даурской лилии». – О.И.), Васькой и Павликом собираются сбежать в Синий лес. Согласно Ю. М. Лотману, перемещение «в лес» и возвращение – обычная мифологическая (а затем – сказочная) формула умирания и воскресения³. Но в произведении для детей Синий лес описывается скорее как идиллическое пространство, возникшее в фантазиях девочки: «В том лесу стоят прекрасные вечно голубые ели, растет голубика и летают голуби. Голубые мотыльки пьют там росу из васильков, а синие в белую полоску бурундуки грызут сыроежки-синявки»⁴.

С одной стороны, приключения, которые случаются с детьми, могли произойти где угодно. Например, по дороге в Синий лес Павлик залезает на дерево и спускается при помощи зонтика, что напоминает Валентинке «мультик про Винни-Пуха». Ближе к вечеру дети встречают Сырбырхырчика, которым оказался уснувший Павлик, а также великана,

в качестве которого выступает громко дышащая корова. На другой день дети ищут клад у беседки, расположенной на участке бабушки Валентинки. О том, что действие повести происходит в Якутии, говорят следующие особенности: девочка подчеркивает, что «в начале лета ночи у нас в Якутии белые – «молочные»»⁵. Во время поиска клада «земля делалась все тверже и тверже. Лопаты звенели и капризничали, отказываясь копать.

– Вечная мерзлота, – пояснил Павлик»⁶.

Чтобы земля оттаяла, Сардана предлагает развести костер, что впоследствии приводит к пожару: беседка сгорает. Детей из повести А. Борисовой можно назвать озорными и шаловливыми. Они крадут незрелые арбузы из теплицы большого деревенского огорода, рвут подушку и разбрасывают из нее перья, приговаривая: «Испустила пух. Ни пуха тебе, ни пера, подушка. Ты жила честно и умерла, как настоящий боец»⁷. Павлик разбивает старинную китайскую вазу соседки тети Лиды. При этом дети продолжают возмущаться поведением взрослых. Валентинка пишет: «я всегда подозревала, что взрослые только притворяются образованными людьми, а сами и понятия не имеют о теории вероятности. Все приписали нашим хулиганским проидам, долго ругались и велели сесть и обдумать свое варварское поведение. А тетя Лида успокоилась лишь тогда, когда родители сложились и купили ей другую вазу из Китая за принесенный нами ущерб. Мы ведь тоже понесли ущерб: у нас отобрали новые рогат-

ки, но никто и не думал покупать нам что-нибудь взамен!»⁸.

Девочка способна и на добрые поступки, сострадание по отношению к окружающим людям. Лучшие стороны характера девочки раскрываются в рассказе «Ничейная бабушка». Валентинка любит разглядывать трещинки в потолке, которые ей кажутся похожими то на маленькую птичку, то на крокодила. Но самое главное – портрет старушки. Вглядевшись в линии на потолке, девочка пришла к выводу, что этот портрет очень похож на «ничейную бабушку»: «Эта бабушка живет в домике на самом краю деревни. Это домик-гномик среди других домов... Ничейная бабушка тоже маленькая и старенькая. У нее горбатая спина и смешная косичка на затылке, заколотая гребенкой»⁹. Девочка замечает, что старушка очень одинока, никогда не получает писем, к ней никто не приезжает ни летом, ни зимой. В деревне старушку считают странной, «малахольной». Бабушка каждый день продает рядом с магазином разную мелочь: смешные деревянные птички-свистульки, оловянных солдатиков, тонкие книжки, тряпичные сумки, облупившуюся статуэтку Хозяйки Медной горы. Девочка мечтает когда-нибудь купить в магазине прекрасную «бригантину» стоимостью две тысячи рублей и запустить ее в озеро. При помощи друзей Валентинка собирает почти три тысячи рублей. Прибыв к магазину в воскресенье, девочка опять замечает «ничейную бабушку» и, проникшись к ней жалостью, на все свои деньги покупает мелочи

«ничейной бабушки», думая, что друзья ее поймут.

Кроме постоянных оппонентов-взрослых, у Валентинки появляются временные «враги» – гости ее матери, – Анастасия Павловна и ее племянница Натуся. Вот как автор записок описывает своих «врагов»: «Анастасия Павловна жирная, как гусеница, а Натуся, наоборот, очень тощая. Глаза у нее серенькие, как у мышки, а нос длинный и унылый»¹⁰. «Врагами» для Валентинки они стали по той причине, что Натуся любит «ябедничать», а Анастасия Павловна не нравится также и отцу автора записок, который говорит, что Анастасия Павловна могла бы помогать мыть посуду или хлеба могла бы купить «хоть разок». Когда Валентинка обращается за разъяснениями насчет ненавистных гостей к дяде Сене, тот поясняет: «Все мы – ты, мама, папа и я – родные бабушкины люди. А Анастасия Павловна как бы чужая, сбоку припека. Тут твой папа, безусловно, прав. С другой стороны, настоящие северяне в старину могли жить друг у друга продолжительное время, а к гостю, даже не очень приятному, относились лучше, чем к родне. Так было раньше, и здесь права твоя мама. Но хорошо это или плохо, у цивилизованных людей теперь другие понятия и приличия»¹¹. Таким образом, при помощи отца и дяди Сени девочка начинает понимать и суть оппозиции «свой/чужой». Также в повести мы наблюдаем пространственную оппозицию между городом и деревней. Валентинка пишет: «Я люблю деревню: тут гораздо больше лета,

солнца и травы, чем в городе. Есть речка и озеро, в которых можно купаться. И тут самые лучшие в мире друзья. Да что говорить, в деревне все в сто раз лучше!»¹².

Валентинка, как правило, не ссылается на якутские сказки или легенды, ассоциации у нее возникают либо с Винни-Пухом, либо со сказами П. П. Бажова, либо с историей Робинзона Крузо, знают дети и о методе «дедукции» Шерлока Холмса, любят слушать с поросятами «Лакримозу» В. А. Моцарта, игру по спасению подушек Валентинка с Васькой называют «Последний день Помпеи». Л. Д. Гутрина подчеркивает, что «путешествие Валентинки и ее друзей в Синий лес напоминает «Великих путешественников» М. Зощенко; идея сварить и съесть ботинки (глава «Синий лес»), а также поиски и прятание клада («Операция МИК») уже возникла у героев В. Медведева «Капитан Соври-голова»; сапоги любимого дяди, которые Валентинка утопила в процессе одного из испытаний на героизм, – двойники сапог папы Эмиля из повести А. Линдгрэн «Эмиль из Леннеберги». Каково назначение этих отсылок? То, что дети совершают поступки, подобные

тем, что когда-то совершили литературные герои, говорит о том, что эти книги прочитаны и присвоены ими; в речи детей часто возникают упоминания литературных персонажей. При этом, конечно, речь здесь идет и, собственно, о литературе. Автор повести говорит о знаковых текстах детского чтения, желая встроить в этот ряд и свою повесть»¹³.

Таким образом, детские персонажи у А. Борисовой наделены следующими чертами: они шаловливы, у детей богатая фантазия, сильный интерес к окружающему миру, к людям, они думают, что со взрослыми людьми не всегда можно найти общий язык. Персонаж по имени Павлик отличается любознательностью, он прочитал целую гору книжек и считается самым умным среди детей. Валентинка – автор записок – отличается независимым характером, склонна к непредсказуемым поступкам, всегда высказывает свое мнение, если приходит к выводу, что с ней или с ее друзьями поступили несправедливо, у девочки доброе сердце и отзывчивая душа. Так как повествование ведется от лица Валентинки, то мы видим мир глазами ребенка, образы героя и повествователя объединяются.

Сведения об авторе: Иванова Оксана Иннокентьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Амосова, г. Якутск, e-mail: oi.ivanova@s-vfu.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются образы детей в повести русскоязычной якутской писательницы А. В. Борисовой «Записки для моих потомков». Так как повествование ведется от лица главной героини – девятилетней Валентинки, читатель получает возможность увидеть окружающий ее мир глазами ребенка, автором используется прием «чистого детского зрения». Отмечается, что в повести наблюдается оппозиция между взрослыми и детьми. Дети наделены богатой фантазией, любознательностью, независимы в суждениях, добры и справедливы.

Ключевые слова: А. В. Борисова, «Записки для моих потомков», образ ребенка, детская литература Якутии, русскоязычная литература.

Abstract. The article examines the images of children in the story of the Russian-speaking Yakut writer A. V. Borisova «Notes for my descendants». Since the story is told from the perspective of the main character – nine-year-old Valentine, the reader gets the opportunity to see the world around her through the eyes of a child, the author uses the technique of «pure child’s vision». It is noted that there is opposition between adults and children in the story. Children are endowed with rich imagination, curiosity, independent judgments, kind and fair.

Key words: A. V. Borisova, «Notes for my descendants», the image of a child, children’s literature in Yakutia, Russian-language literature.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Жукова Н. Д. Образ детства как литературоведческая проблема // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Труды научно-практической конференции. – Евпатория, 2015. – С. 99.

2 Маслова Т. С., Бенеш Н. И. Сравнительная характеристика сквозных образов-персонажей в рассказах В. В. Драгунского и Н. Н. Носова // Международный студенческий вестник. – 2020. – № 1. – С. 36.

3 Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010. – С. 280.

4 Борисова А. В. Записки для моих потомков: Повесть в рассказах. – М.: Настя и Никита, 2016. – С. 7.

5 Там же. – С. 16.

6 Там же. – С. 23.

7 Там же. – С. 46.

8 Там же. – С. 60.

9 Там же. – С. 67–68.

10 Там же. – С. 77.

11 Там же. – С. 79.

12 Там же. – С. 77.

13 Гутрина Л. Д. Читать обязательно: повесть Ариадны Борисовой «Записки для моих потомков» // Филологический класс. – 2013. – № 3 (33). – С. 74.

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Б.ГАНАГО
«ВЕСНА В ДУШЕ»)**

Го Сюеяо

**RELIGIOUS VOCABULARY IN MODERN CHILDREN'S
LITERATURE (ON THE MATERIAL OF B.GANAGO'S STORY
«SPRING IN THE SOUL»)**

Guo Xueyao

Особую область современной лексикологии составляет исследование религиозной лексики. Изучение семантических особенностей функционирования церковно-религиозной лексики в современной детской литературе является актуальным направлением современной лингвистики. Данная работа посвящена изучению функционирования лексических единиц религиозной семантики в художественных произведениях – на примере рассказа Б. Ганаго: выявление принципов использования религиозных мотивов в конкретном художественном произведении, раскрывающем специфику писательского мировидения, позволяет представить как своеобразие идиостиля отдельной языковой личности, так и типические черты функционирования религиозных лексем в художественном тексте вообще.

Имеющиеся на данном этапе лингвистические исследования либо обращают внимание на особенности употребления религиозной лексики в иностранных языках (Х. Т. Кур-

банов, Л. К. Хужева, З. Б. Яхьяева, З. Р. Хафизова, А. К. Моросо-Флорес и др.), либо анализируют группы церковных лексем, функционирующие в определенный период истории языка (Е. А. Биржакова, Л. А. Воинова, Е. В. Какорина, В. Г. Костомаров, Л. Л. Кутина и др.). К сожалению, в наши дни религиозная лексика в художественной литературе, особенно в произведениях для детей, остается малоизученной.

В работе К. А. Тимофеева «Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения» дается следующая семантическая классификация религиозной лексики: 1) общерелигиозная лексика (слова, обозначающие понятия, свойственные всем монотеистическим религиям); 2) слова, обозначающие понятия, свойственные основным христианским конфессиям; 3) слова, свойственные отдельным христианским конфессиям¹.

В рассказе Б. Ганаго «Весна в душе» есть ряд слов, относящихся

к первой группе: Бог, душа, молитва, ангел, вера, святой, свеча, служба, святость, праведность, добродетель, благочестие. Ко второй группе относятся выявленные нами в тексте лексемы: Господь, храм, церковь, крестик, ладан, Библия, Воскресная школа, Божественный дар, Царство Небесное. Третья группа также характеризуется разнообразием лексем: придел, Закон Божий, панихида, блаженная Ксения Петербургская, преподобный Сергей Радонежский, икона.

Семантический анализ позволяет распределить религиозные лексемы по следующим подгруппам: 1) номинации Бога: Бог, Господь; 2) номинации бесплотных существ: ангел; 3) религиозные лексемы, обозначающие святых: преподобный Сергей Радонежский, блаженная Ксения Петербургская; 4) наименования храмовых зданий и отдельных элементов храма: храм, церковь, придел; 5) обозначения религиозных действий: перекреститься, молиться; 6) названия религиозных текстов: молитва; 7) наименования нематериальных явлений: душа, вера; 8) религиозные лексемы со значением фундаментальных понятий религий: святость; 9) обозначения моральных качеств человека: праведность, добродетель, благочестие; 10) названия произведений христианской литературы: Библия, Закон Божий; 11) наименования церковных служб: служба, панихида; 12) наименования церковных предметов: свеча, крестик, икона, ладан, Божественный дар; 13) христианские учреждения образования: Воскресная школа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что автор стремится дать разностороннее описание религиозной жизни, включив в текст наиболее важные для православия понятия и аспекты.

В рассказ включен фрагмент, который описывает атмосферу в церкви и упоминает христианское богослужение, совершаемое верующими. Таким образом читатели-дети получают представление о существующих религиозных обрядах. «В храме было тепло, а мягкий свет и запах ладана умиротворяли. Ребята подошли к иконе Сергея Радонежского, перекрестились, поставили свечи и попросили у святого помощи в учебе. В другом приделе церкви хор пел панихиду»².

В тексте используется словосочетание «Божественный дар», которое в данном случае обозначает понятие «слово». Внимательное отношение к речи – один из важных поведенческих моментов для христианина, поскольку слово, способность к речи – дар, позволяющий приближаться к добру. Его использование не по назначению губительно для души. Действие рассказа начинается с упоминания о том, что в один из героев рассказа пользуется в общении с одноклассниками кличками. Оуждая этот поступок, автор раскрывает основную мысль рассказа – надо беречь слова и сокровища языка, ибо язык – это душа народа³. Важно, что здесь используются лексемы, актуальные для христианства. Так автор подчеркивает значимость идеи.

В следующем отрывке автор вводит в текст названия христиан-

ских книг для ознакомления детей с источниками знания о вере. «Вера Захаровна рассказывала о православной вере, дала почитать книгу “Закон Божий” и хотела подарить Библию, но Сергей вспомнил, что Библия у них дома есть»⁴.

Лингвистический анализ текста рассказа «Весна в душе» позволил выявить специфику введения в текст

художественного произведения религиозной лексики, которая вводится автором как в качестве отдельных элементов, создавая религиозный контекст, так и для выражения авторской интенции. Можно утверждать, что в современной детской литературе религиозная лексика занимает важное место и требует всестороннего исследования.

Сведения об авторе: Го Сюеяо, ассистент, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: 734054575@qq.com.

Аннотация. В статье проводится анализ семантических особенностей функционирования церковно-религиозной лексики в современной детской литературе. В частности, в разных аспектах, в том числе с применением семантического анализа, изучается функционирование лексических единиц религиозной семантики в художественных произведениях – на примере рассказа Б. Ганаго.

Ключевые слова: лексика, семантика, религия, детская литература, Ганаго.

Abstract. The article analyzes the semantic features of the functioning of the church-religious vocabulary in modern children’s literature. In particular, in different aspects, including the use of semantic analysis, the functioning of the lexical units of religious semantics in works of fiction is studied – on the example of the story by B. Ganago.

Key words: lexicon, semantics, religion, children’s literature, Ganago.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. – Новосибирск, 2001. – 88 с.

2 Ганаго Б. Весна в душе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skazkibasni.com/vesna-v-dushe-rasskaz-borisa-ganago-iz-knigi-nebesnyj-gost> (дата обращения: 02.10.2021 г.).

3 Там же.

4 Там же.

ТЕМА СЕМЬИ И ДОМА В РАССКАЗАХ ЕВГЕНИЯ СЛАВУТСКОГО

Анисимова Е. В.

THE THEME OF FAMILY AND HOME IN THE STORIES OF EVGENY SLAVUTSKY

Anisimova E. V.

Современная литература откликается на перемены, происходящие в обществе, она не только отражает потребности общества, но и формирует их. Детская литература не стала исключением – в ткани художественного произведения она воплощает приметы взрослой жизни, что приводит к стиранию границ между взрослым и детским миром, а также быстрому взрослению юного читателя.

Достоинством традиционной детской литературы всегда были сострадание и яркая дидактическая направленность.

В последние десятилетия наметился поворот к общечеловеческим ценностям: уютный дом, счастливая семья, гармоничные отношения между людьми и т. д.

На книжном рынке сейчас изобилие книг для детей. Особо радует тот факт, что спросом пользуется не только классическая литература, но и новинки, которых немало. Кроме того, в нашей стране издаются литературные журналы, направленные на детскую аудиторию. Среди них

«Путеводная звезда», «Детская роман-газета», «Костер». В этих журналах публикуются произведения современных авторов.

Евгений Борисович Славутский – один из них. Он филолог, педагог высшей квалификации, ведущий рубрик «Магический кристалл» и «Волшебный источник», посвященных тайнам поэзии и прозы, в журнале «Костер». Эксперт программы «Живое слово» на телеканале «Россия – Культура», руководитель секции «Проза» на фестивале «Начало» для одаренных детей. Автор замечательных живых рассказов для детей, объединенных общим персонажем Бонифацием, который является прообразом самого писателя. Совсем скоро выйдет его книга, в которую будут включены шестнадцать рассказов современного писателя. Совсем недавно Евгений Славутский стал членом Союза детских писателей.

Еще средневековые авторы понимали, что для детей нужно писать иначе, чем для взрослых. Сам Евгений Борисович так говорит об этом:

«Уже тридцать лет я преподаю литературу в школе. Мне всегда было обидно за свой предмет, который довольно скучно преподносят в школе. Я стал разбирать классические произведения, как детективы: где, например, утопили Муму? Или зачем русалка полезла на дерево? Хотелось сделать литературу увлекательной и интересней. Возможно, мне это удалось... Сейчас я пишу рассказы для детей, потому что чувствую, что во мне не испарился ребенок – я, в какой-то степени, брат детей по разуму, а писать уже могу, научился. Поэтому пишу от имени ребенка».

Самое главное в детской литературе – раскрытие проблем, которые существуют в жизни детей. Одни из главных – проблема взаимоотношений родителей и детей, а тема дома и семьи – основополагающая, так как именно в семье закладывается фундамент будущей личности. Взрослые зачастую теряются, не зная, как поступить в той или иной ситуации с детьми, и эту неуверенность чувствуют дети. Отрицательные черты характера и поведение детей формируется в результате отклонений в семейных отношениях и воспитании. Изменения личности родителей, или одного из родителей, приводят к развитию конфликтных ситуаций в семье и создают проблемы в воспитании детей. Часто родители не понимают своего ребенка.

В настоящее время литературоведами и писателями обозначен остро стоящий в литературе вопрос о том, что герои современных произведений чаще всего находятся в формальных отношениях с членами своей

семьи.

Евгений Славутский в своих рассказах раскрывает, в том числе, эту непростую тему. В рассказе «Как я спас живое существо» говорится о мальчике Жене, который задумывается над тем, чему же можно поучиться у природы. Женя присматривается к деревьям в своем саду и видит засохшую яблоню, он решает оживить дерево с помощью папиных таблеток и бабушкиного снадобья. Через диалоги автор показывает манеру общения в доме: «Где мои витамины для мозговой деятельности?! – закричал как-то утром папа. – Где бабушкин чайный гриб? – заволновалась мама... – Боже! – продолжал кричать папа, – Женя, наверное, их Тосе и Шармапутру скормил!...»¹. Используя юмор, Евгений Славутский учит детей относиться с улыбкой к происходящему. Но явно подчеркивает, что папа кричит, а мама волнуется. «Меня еще долго ругали и корили за дремучесть и невежество. Говорили, что я серый, как сибирский валенок. Хотя я вообще-то темно-русый». Здесь поднимается проблема скандалов в семьях и незаслуженных оскорблений, имеющих место быть в современных семьях. После такого отношения ребенок чаще всего замыкается, у него снижается самооценка. В рассказе, к счастью, у ребенка есть наставник-учитель, который его поддерживает. В своем сочинении Женя пишет: «Бонифаций прав: им, деревьям и растениям, нужно участие и сочувствие! И поучиться у них, конечно, тоже есть чему: красоте, а еще терпению!»². Здесь автор

конкретно советует иносказательно родителям, как нужно относиться к детям. Евгений Славутский всегда на стороне ребенка, он старается, прежде всего, его понять.

В рассказе «Людоед Нью» родители девочки, которая пришла в школу в джинсах, показаны через призму взгляда воспитательницы. Писатель показывает проблему взаимоотношений родителей, педагогов и самого ребенка. Воспитательница Фея изолирует девочку в отдельном кабинете до приезда ее мамы. Педагог резко отвечает на возмущения девочки «вы жестокая»: «Не я должна о тебе думать, а твои родители, выпустившие тебя в школу почти голой»³.

В рассказе «Исцеление любовью» все по-другому. Здесь папа – друг

и помощник своему сыну. Мальчик начинает капризничать от того, что ему надоела любовь семьи. Он перестает плохо себя вести благодаря исцелению любовью – он начинает общаться с девочкой из параллельного класса Ангелиной, а папа всегда рядом, направляет сына, учит его ухаживать за противоположным полом: «Не хрусти, не изобретай велосипед, подари розу, – советует отец мальчику, чтобы удивить Ангелину»⁴.

Таким образом, Евгений Славутский – современный автор, чьи рассказы отражают реалии времени⁵, автор, прекрасно отображающий тему семьи и дома в своих произведениях.

Сведения об авторе: Анисимова Елена Владимировна, аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: 240519776@mail.ru.

Аннотация. В статье говорится о творчестве современного детского писателя Евгения Славутского. В статье отражена тема семьи и дома на примере его рассказов. Самое главное в детской литературе – раскрытие проблем, которые существуют в жизни детей. Семейные ценности – наиважнейшие в жизни человека. Евгений Славутский – автор, который раскрывает мысль семейную.

Ключевые слова: тема дома и семьи, семейные ценности, проблемы детей.

Abstract. The article talks about the work of the modern children's writer Evgeny Slavutsky. The article reflects the theme of family and home on the example of his stories. The most important thing in children's literature is the disclosure of problems that exist in children's lives. Family values are the most important in a person's life. Evgeny Slavutsky is an author who reveals family thought in his works.

Key words: the theme of home and family, family values, problems of children.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Славутский Е. Б. Как я спас живое существо // Путеводная звезда. – 2020. – № 3. – С. 42.
- 2 Там же.
- 3 Славутский Е. Б. Людоед Нью // Путеводная звезда. – 2019. – № 4. – С. 47.
- 4 Славутский Е. Б. Исцеление любовью // Путеводная звезда. – 2021. – № 1. – С. 35.
- 5 Тихонова С. В. Основные тенденции развития современной детской литературы // Нижегородское образование. – 2015. – № 4. – С. 122.

ЖАНР СКАЗКИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Артюшкина С. Х., Тарасова С. Н.

THE GENRE OF THE FAIRY TALE IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE FOR CHILDREN AND ADOLESCENTS: TRADITION AND INNOVATION

Artyushkina S. H., Tarasova S. N.

Будущее человечества сидит сейчас за партой, оно еще очень наивно, доверчиво, чистосердечно. Оно целиком в наших взрослых руках. Какими мы сформируем их, наших детей, – такими они и будут. И не только они. Таким будет и общество через 30–40 лет, общество, построенное ими по тем представлениям, которые мы у них создадим.

Очень важно прививать детям эстетические взгляды уже с детства. Каждый учитель общеобразовательной школы стремится, чтобы на его уроке присутствовали истина, справедливость, красота, милосердие, добро и честность, так как именно с урока начинается формирование духовно-нравственного развития личности. В содержании произведений, которые изучают дети в школе на уроках литературы, заложены большие возможности для того, чтобы развивались моральные качества ученика, сформировалась его четкая гражданская позиция, а также коммуникативные способности и эмо-

ционально-ценностное отношение к окружающему миру.

Одним из ведущих компонентов, имеющих большое воспитательное значение, является сказка. Роль сказки в нравственном воспитании ребенка достаточно велика.

Сказка является средством народной педагогики, она зародилась, когда люди еще не имели представления о такой науке, но уже тогда при помощи сказок происходило воспитание и обучение детей нравственным нормам.

Оценочные суждения школьников развиваются в процессе анализа сказки, так как они постоянно сталкиваются с вопросами: «Что больше всего ценится в людях? За какие поступки наказывают, а за какие поощряют? Почему одним героям помогают даже силы природы, а от других отворачиваются?» Большое положительное нравственное значение (в педагогическом смысле этого слова) в себе несут сказки. Их сильной стороной является на-

правленность на торжество правды и на победу.

Сюжет сказки фантастичен, далек от жизни, но завораживает и вовлекает в волшебное царство вместе со сказочными героями, не вызывает обсуждения и критики, а самое главное вывод всегда один: «Сказка – ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок»¹.

Самым ярким автором стихотворных сказок XX в. является К. И. Чуковский. Его сказки составляют целые «сериалы», связанные постоянными героями, дополняющими друг друга событиями, общей географией. Перекликаются ритмы, интонации. Примером может служить «крокодилиада», как ее называл сам автор, – сказочная поэма «Крокодил».

Сюжеты сказок К. И. Чуковского близки к детским играм – в прием гостей, в больницу, в слова и т. п. Для детей сказка «Крокодил» как первый «роман в стихах», раздвигающий горизонты жизни. Действие происходит то на улицах Петрограда, то на берегах Нила, в Африке. Развертываются серьезные события – война и революция, в итоге которых между людьми и зверями меняются отношения. Люди перестают бояться диких зверей, звери в Зоосаде получают свободу, наступает мир и благоденствие. В центре всех событий – ребенок, «доблестный Ваня Васильчиков». Он не только «страшно грозен, страшно лют», как говорит о нем Крокодил, но и справедлив, благороден, сам освобождает зверей, спасает девочку Лялечку и всех петроградцев от «ярого гада».

Неоднозначен и образ Вани: то он мужественный герой, то беспощадный «усмиритель» звериного восстания.

В «Краденое солнце» встречаются образы народной мифологии: Крокодил, пожиратель Солнца, – воплощение Зла; Медведь – богатырь, спасающий целый свет. В «Мухе-Цокотухе» же наблюдается традиционная расстановка образов: добродетельная девица, злодей и кавалер, спасающий всех. Герои не описываются, а показываются, как картинки. И здесь дети сами выбирают, кому отдать свои симпатии.

Итак, К. И. Чуковский в своих сказках легко и весело разнообразил традиционные сказочные мотивы, сохранив при этом главное: нравственный урок, данный читателям ненавязчиво и непринужденно.

В последние десятилетия XX в. эволюция сказочного жанра особенно ощутима. Сказка, которая всегда строилась на основе чуда, чудесных событий, необыкновенных героев, приобретает элементы фантастики.

Ярким примером соединения сказки и фантастики является творчество Кира Булычева. Остановимся на произведении «Подземелье ведьм», экранизированном в 1990-е гг. События, описанные в книге, происходят на недавно открытой планете с биосферой, напоминающей земную. Разумные жители этой планеты ничем не отличаются от землян, только находятся на более низкой ступени развития. Земляне осваивают планету с благородной целью – принести цивилизацию племенам, живущим здесь. Они

сталкиваются со Злом в виде ведьм, живущих в подземелье, с инопланетными роботами. Финал вполне благополучный. В духе сказки. Но его можно рассматривать глубже, с точки зрения современных позиций: эксперимент землян, состоящий в создании идеального общества без страшных исторических потрясений, не удался. Вот то новое, что автор внес в сказочно-фантастический сюжет: не бывает добра без зла, необходимо затратить много усилий, чтобы достигнуть блага. Хотя, если вдуматься, не так уж нова эта мысль. В народных сказках герои проходят через множество испытаний, прежде чем достигают цели. Подобный урок нравственности Кир Булычев дает в каждом произведении².

В настоящее время сказка развивается, в ней используются особенности современного быта, новейшие достижения науки и техники, которые базируются на сказочных принципах «победы добра над злом», взаимовыручке, патриотизме и др. Изучение сказки дает возможность решать развивающие и воспитательные задачи обучения. Вымышленные истории о волшебниках, героях могут дать ответы на многие вопросы. Ребенок начинает понимать, что лучше учиться не на своих ошибках, а на опыте других, и в дальнейшем стараться не допускать их. В этом плане большую роль играют герои сказок, которые учат тому, что каждый поступок приводит к далеко не всегда положительным – тем или иным – последствиям.

На сегодняшний день литературную сказку часто ставят в сравнение

с таким новообразованным жанром, как фэнтези. Современная писательница Елена Крыжановская создала сказочную трилогию для детей младшего и среднего школьного возраста о приключениях десятилетней принцессы Юты и ее тетушки Георгины, которая с интересом читается и взрослыми, и детьми³. Причем читающие дошкольники шестилетнего возраста просто влюбляются в эти книги, более того – стремятся походить на героев трех произведений, часто обыгрывая предложенные писательницей сюжеты. Не читающие дошкольники любят слушать сказки про Юту и также подражать ей и ее друзьям. Писательнице удалось угадать мысли и мечты современных детей от 6 до 13 лет, понять их комплексы и «запросы времени», показать возможные для детей XXI в. пути самосовершенствования и самореализации во взрослом мире, доказать, что этот мир не так страшен, как кажется детям и подросткам, и что жить в этом мире интересно. Сказки Е. Крыжановской созданы в лучших традициях фольклорных и авторских сказок. Они готовят детей к взрослой жизни, учат не бояться жизни и деятельности во имя Добра, обыгрывают сложные психологические ситуации и показывают пути выхода из них.

Три сказочные повести – «Принцесса Юта и суп с каракатицей», «Принцесса Юта и Людоедова бабушка», «Принцесса Юта и дудочка Крысолова» – уводят нас сначала в заколдованное королевство, где власть диктуется суевериями, затем в параллельный мир, очень похо-

жий на миры книг жанра фэнтези, а потом в... современную Европу, в которой еще правят старинные королевские и царские династии и в которой дети обыкновенных немецких бургеров дружат с маленькими принцессами.

Маленькая Юстина, или просто Юта, также старается вести себя благообразно, однако Юта добра и справедлива, у нее сформировалось повышенное чувство долга – чувство ответственности члена королевской фамилии за своих подданных, именно поэтому она не может оставаться в стороне, видя какие-либо беззакония, совсем забывая, что для окружающих она – всего лишь маленькая девочка. Но именно эта «маленькая девочка» спасла целое сказочное государство от власти злой колдуньи – Великой Мары (повесть «Принцесса Юта и суп с каракатицей»), а затем уничтожила ее окончательно в современной Европе, в старинном немецком городе Гаммельне (повесть «Принцесса Юта и дудочка Крысолова»). За это простые люди любят Юту, а мальчишки и девчонки становятся ее друзьями (с ними Юта – обыкновенная девочка).

Каждая повесть трилогии Елены Крыжановской о приключениях принцессы Юты имеет интересный сюжет, который развивается так быстро и неожиданно, что читатель, не замечая, увлекается книгой. При этом все персонажи трех повестей постоянно разрешают те или иные

нравственные проблемы: проблемы жизненного и профессионального выбора, проблемы, связанные с борьбой сил Добра и сил Зла.

При грамотном подходе педагога работа со сказкой может быть привлечена к процессу обучения и воспитания учеников, она несет в себе эмоционально-положительный заряд. Необходимо детям давать дополнительные задания: привлекать их к работе со сказками, загадками, пословицами, уметь оценить тот или иной поступок героя, продолжить сказку и т. д.

Формы работы со сказкой могут быть самыми разнообразными, но прежде всего, должны иметь развивающий и воспитательный характер. Из опыта работы со сказками можно сделать вывод о том, что они имеют большое педагогическое значение. Они формируют устойчивые народные представления о нравственных началах жизни, способствуют развитию литературных способностей, повышают мотивацию к изучению литературы, дают знания о взаимоотношениях людей, о проблемах, которые возникают в жизни, и способах их решения. Сказки способствует развитию речи, мышления учащихся, обогащают их внутренний мир. Сказками не стоит пренебрегать даже в старшем возрасте – все мы родом из детства и воздействуем на душу ребенка, которая тянется к волшебному и доброму миру, который несет в себе сказка.

Сведения об авторах: Тарасова Светлана Николаевна, учитель МБОУ «Новобурдундуковская начальная школа – детский сад» Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан, e-mail: tarasovas_68@mail.ru; Артюшкина Светлана Хабриевна, учитель МБОУ «Гимназия № 93» г. Казани, e-mail: art-lana@list.ru.

Аннотация. В статье приводится описание наиболее интересных для младших школьников сказок, в том числе и относительно современных авторов. Делается вывод об эволюции сказочного жанра в последние десятилетия – сказка приобретает элементы фантастики. Приводится и мысль о том, что работа со сказкой может быть принесена в обучение, она несет в себе эмоционально-положительный заряд.

Ключевые слова: сказка, воспитание, чтение, Чуковский, Булычев, Крыжановская.

Abstract. The article describes the most interesting fairy tales for younger pupils, including those by relatively modern authors. The conclusion is made about the evolution of the fairy tale genre in recent decades – the fairy tale acquires elements of fantasy. The author of the article touches upon the idea that fairy tales may be used in the process of education. The author notes that they give an emotional and positive charge to the educational process.

Key words: fairy tale, education, reading, Chukovsky, Bulychev, Krizhanovskaya.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Аникин В. П. Русская народная сказка. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.
- 2 Булычев К. Заповедник сказок. – М.: Альфа-книга, 2017. – 382 с.
- 3 Крыжановская Е. В. Принцесса Юта и дудочка Крысолова. – М.: Эксмо, 2006. – 224 с.

СОВРЕМЕННАЯ АВТОРСКАЯ СКАЗКА КАК ОСНОВА ДЕТСКОГО МЮЗИКЛА

Лозовская О. В.

A MODERN AUTHOR'S TALE AS THE BASIS FOR A CHILDREN'S MUSICAL

Lozovskaya O. V.

Сказка – это эпический жанр устного народного творчества. Сказка приходит к нам в детстве и часто остается навсегда любимым жанром семейного чтения. Погружаясь в мир мифологических и фантастических образов, ребенок учится творчески переосмысливать действительность. На примере героев сказок у читателя развиваются такие качества личности, как отвага, смелость, вера в победу добра и др.

Для многих русских писателей и поэтов сказка – это источник творчества, выражение любви к своему народу, к красоте русской природы. Литературная или авторская сказка – жанр, в котором обнаруживаются закономерности, свойственные как фольклору, так и литературе: литературная сказка унаследовала ее жанровые признаки, трансформируя и развивая их¹. Как пишет современный исследователь И. Г. Минералова, литературная сказка – авторское, художественное, прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо сугубо оригинальное; произ-

ведение преимущественно фантастическое, волшебное, рисующее чудесные приключения сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора. Вместе с тем, в литературной сказке ярственнее звучит лирический компонент, авторское начало².

Одной из самых специфических черт современной литературной сказки является атмосфера сказочной реальности, то есть растворенности «чуда», его нормативности при полной ирреальности, поддерживаемой художественными приемами, создающими иллюзию достоверности.

По образному выражению В. А. Сухомлинского, сказка – «колыбель мысли». Слушая сказки в детстве, ребенок постепенно познает прекрасный мир родного слова, его эмоциональные оттенки и краски.

Эстетическое развитие ребенка часто включает в себя целый комплекс занятий, которые призваны развивать его творческий потенциал. Музыкальная культура в данном слу-

чае предоставляет богатые возможности развития многих способностей ребенка: развитие музыкального и художественного вкуса, приобщение к музыкальной импровизации, пению и т. д. Музыка очень часто взаимодействует с художественным словом. Чтобы понять музыку, нужна фантазия и воображение. Чтобы понять сказку, нужно тоже уметь воображать и фантазировать. Таким образом, сказка и музыка имеют общие особенности восприятия, поэтому сказка может помочь научиться понимать музыку³.

В современной культуре бытует такой жанр, как «музыкальная сказка» – это яркий сказочный сюжет с музыкальным сопровождением. Современные исследования подтверждают важность музыкальных сказок для формирования мира ребенка раннего возраста. Т. Н. Симонова считает, что музыкальные сказки развивают творческие и музыкальные способности, фантазию и воображение детей⁴. Одной из главных задач дошкольного образования – сделать ребенка активным участником творческой деятельности. Таким средством становятся занятия, интегрирующие художественно-эстетическую деятельность, предполагающие объединение взрослых и детей, увлеченных общими интересами, на основе свободного детского выбора, строящиеся по законам сотрудничества и сотворчества⁵.

Жанр детского мюзикла – «родственник» музыкальной сказки, позволяет построить творческий процесс, в который могут быть вовлечены дети, родители, преподава-

тели. Постановки детского мюзикла позволяют решить целый комплекс творческих и педагогических задач, таких как: развитие творческой самостоятельности в создании художественного образа, развитие умения импровизировать на тему знакомых сказок и т. д. Детский мюзикл, основными участниками которого являются дети, развивает художественный вкус, формирует интерес к театральному искусству как к источнику творческого соучастия. Этот жанр подразумевает большую работу над основами актерского мастерства, дикцией и артикуляцией. Постановка детского мюзикла – это волшебный ключик, который открывает дверь в мир образов, красок и звуков. Это творчество, импровизация, требующие от детей труда и фантазии, а от взрослых – выдумки и изобретательности в костюмах и декорациях.

Основу сюжета детского мюзикла может составить любой источник, взятый как из фольклора, произведений русских и западноевропейских сказочников, так и из произведений известных детских писателей.

Современная авторская сказка, как основа сюжета детского мюзикла, очень интересна в плане «материала»: она несет на себе отпечаток своего времени, а приближение сказки к современности, перенесение действия в наши дни всегда увлекательно для детей. Сегодня бытуют разнообразные формы авторской сказки: предназначенные специально для детей, сказки об обрядовых и фольклорных традициях прошлого, сказки для детей и взрослых и т. д. Современная авторская сказка может

существовать как в форме отдельного произведения, так и встраиваться в структуру текста иного жанра. Авторская сказка – всегда сказка своего времени. Все эти характерные особенности современной авторской сказки могут быть использованы в работе над детским мюзиклом.

Создание детского мюзикла на основе современной авторской сказки – это увлекательное занятие, уносящее участников действия в фантастические, чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев.

Жанровое разнообразие современных авторских сказок обращает на себя внимание заинтересованного читателя. Замечательным автором литературных сказок является Э. Н. Успенский. Им написаны повести-сказки «Вниз по волшебной реке» (1972), «Гарантийные человечки» (1975), «Школа клоунов» (1983), «Колобок идет по следу» (1987), «25 профессий Маши Филиппенко» (1988), «Дядя Федор, пес и кот», «Тетя дяди Федора, или Побег из Простоквашина» (1994) и др. Автор соединяет в сказке фольклорные элементы и современную действительность. Примечательно, что герои Э. Успенского сохраняют «генетическую» память об их функциях в предшествующей литературе: Серый Волк интересуется козленком, девочкой в красной шапочке, Баба-Яга поначалу не знает, что делать с Митей: «Будь ты Иван-царевич, я бы тебя чаем напоила и спать уложила. Будь ты мальчик Иванушка, я бы тебя в котле варить стала».

Новое время потребовало новых жанровых форм, сказку наполнили элементы фантастики, неомифа и т. д. В сказках Марины Аромштам об окружающем нас мире объединяются художественный образ и мифотворчество: «Весенние сказки» повествуют о временах года, о том, как пробуждается жизнь весной. «Как Осень замуж выходила» – прозаическая сказка с поэтическими фрагментами, в которой образ дождливой и холодной осени видится яркой, красочной и счастливой. Сказка «Желуденок» – поэтический разговор о смене времен года, о рождении новой жизни. «Жил-был Шорох...» – философская сказка о поиске собственного места в мире.

Сборник Ирины Зартайской «Куда идет снег» составляют очень необычные сказки. Их герои – бытовые предметы. Сказки «Очки», «Шапочка», «Сеньор Чемодан», продолжая андерсеновскую сказочную традицию, помогают по-новому взглянуть на окружающие предметы, пробудить фантазию. Сказки «Мистер Улыбкин», «Сегодня», «Мечтатели», «Быстрее – медленнее» – дают возможность образно почувствовать разные состояния и чувства.

Интересен современный жанр авторской сказки – сказки-игры, формирующей умение чувствовать интонационные и стилистические нюансы, такие, как ирония, юмор, словесная игра. Сказки Сергея Седова: «Сказки про мам», «Сказки «Детского мира», «Сказки про мальчика Лешу», «Сказки про королей» – непривычные, ироничные, смешные, иногда провокационные. Их волшеб-

ство не сказочное, а скорее фантастическое. Здесь есть темы, о которых взрослым необходимо говорить с детьми. По стилю сказки больше похожи на маленькие рассказы о повседневной жизни – так называемые современные были. В «Сказках про мам» каждая история – это коротенькая зарисовка о том, что «мамы разные...». Их персонажи – рассеянная, забывчивая – могут показаться странными для детской книжки. Но реальная жизнь детей показывает, что мамы не всегда похожи на привычных мам из сказок, и они – самая важная и драгоценная часть жизни ребенка! Сказки Седова помогают нам с уважением, пониманием отнестись к человеческим слабостям и неудачам.

Выбирая сюжетную основу для детского мюзикла, необходимо учитывать знания и интересы детей. Не-

обходимо, чтобы каждый ребенок был заинтересован сказкой, выразил желание играть ту или иную роль. Обращение к современной авторской сказке поможет приблизить сказку к современности, по-новому увидеть привычные вещи.

Создавая вместе с детьми и взрослыми детский мюзикл на основе современной авторской сказки, важно не ограничиваться только сценарной, режиссерской и постановочной работой с детьми. Важен сам процесс совместного творчества. Детский мюзикл на основе литературной (авторской) сказки – это увлекательное путешествие вместе с музыкой в мир сказки, где можно быть и зрителем, и исполнителем, и сочинителем. Это праздник встречи с любимыми героями хорошо знакомых сказок.

Сведения об авторе: Лозовская Ольга Васильевна, методист МБУДО «Детская школа искусств им. М. А. Балакирева», г. Казань, e-mail: lozol@list.ru.

Аннотация. В статье анализируется роль традиционной и современной литературной сказки в образовательном процессе. Отдельно приводится обзор актуальных текстов современных авторов и возможность мюзикла как нового формата приобщения учащихся к этическому и эстетическому миру сказок.

Ключевые слова: сказка, литература, мюзикл, образование, актуальность.

Abstract. The article analyzes the role of traditional and modern literary fairy tales in the educational process. Separately, an overview of current texts by contemporary authors and the possibility of the musical as a new format for introducing students to the ethical and aesthetic world of fairy tales is given.

Key words: fairy tale, literature, musical, education, relevance.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Абрамюк С. Ф. Фольклорные истоки композиции современной литературной сказки // Проблемы детской литературы. – Петрозаводск, 1971. – С. 169.
- 2 Минералова И. Г. Детская литература: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – С. 52.
- 3 Тристенъ К. С. Формирование нравственного здоровья детей средствами литературно-музыкальных мероприятий: практ. пособие для студентов пед. специальностей. – Барановичи: РИО БарГУ, 2012. – С. 52.

4 Симонова Т. В. Музыкальная сказка как средство развития творческого потенциала дошкольника // Педагогический опыт: теория, методика, практика.– 2015.– № 2.– С. 232.

5 Зырянова С. М. Педагогическая технология формирования представлений о художественном образе у детей 6–7 лет // Научно-методический электронный журнал Концепт.– 2015.– № 17.– С. 15.

**РОЛЬ ЛИТО (ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ)
В ФОРМИРОВАНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
ПИСАТЕЛЯ (80-ЛЕТИЮ ЛИТО ИМ. МАРКА ЗАРЕЦКОГО
И 25-ЛЕТИЮ ЛИТО ИМ. ГАРИФА АХУНОВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ...)**

Ахунова Н. Г.

**THE ROLE OF LITO (LITERARY ASSOCIATIONS) IN THE
FORMATION OF THE WRITER'S CREATIVE PERSONALITY
(DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE
LITO NAMED AFTER MARK ZARETSKY AND THE 25TH
ANNIVERSARY OF THE LITO NAMED AFTER GARIF
AKHUNOV...)**

Akhunova N. G.

Одним из основных, очень важным направлением деятельности известных казанских литобъединений – ЛитО им. Марка Зарецкого (рук. Борис Вайнер) и ЛитО им. Гарифа Ахунова (рук. Наиля Ахунова) – является работа с авторами с ограниченными физическими возможностями.

ЛитО им. Марка Зарецкого (руководитель Б. Г. Вайнер) при музее М. Горького и Ф. Шаляпина и ЛитО им. Гарифа Ахунова всегда уделяли особенное внимание авторам с ограниченными физическими возможностями, но, как говорится, с неограниченными творческими... На занятиях ЛитО проводятся анализ текстов участников, даются общелитературные знания, касающиеся различных жанров и, разумеется, конкретные профессиональные со-

веты. У многих из наших авторов есть сейчас публикации в СМИ, альманахах и коллективных сборниках, и даже свои изданные книги, они ведут себя активно и в общественной жизни, активно ратуют за безбарьерную среду на всех уровнях.

В их числе, например, молодая талантливая поэтесса и переводчица Ольга Овчинникова (ДЦП), которая пишет, в основном, для детей – веселые стихи и сказки. Мы с ней побывали на Форуме писателей в Липках (Подмосковье) в 2003 г., на семинаре классика детской литературы Эдуарда Успенского, где она стала лучшей по его итогам и год получала стипендию Министерства культуры Российской Федерации. Отметим, что известный писатель высоко оценил тогда творчество для детей наставника Ольги Овчинниковой –

поэта Бориса Вайнера и предложил ему публиковаться в журнале «Простоквашино».

Наше с Борисом Гиршевичем творческое совместное шефство над Ольгой длится уже около 20 лет. За это время она издала несколько книг, стала лауреатом фестивалей и творческих конкурсов. Про О. Овчинникову снят документальный фильм по моему сценарию «Ласточка цвета жизни» (режиссер Борис Максимов, Москва), который стал лауреатом инклюзивного регионального конкурса «Кино без барьеров» в 2007 г. у нас и затем был показан в Москве, а также в Казани на Международном кинофестивале «Минбар».

Один из наших авторов-единомышленников, Галиябану Бахтиярова, сняла фильм о наших двух литобъединениях, которые дружат и помогают друг другу во всем, а через год стала лауреатом очередного Международного фестиваля мусульманского кино (2021) в Казани за лучшую игровую короткометражку «Айрат значит удивительный» – это такая романтическая, добрая и милая история. Другой наш молодой автор с ограниченными физическими возможностями (ДЦП), разносторонне одаренная поэтесса Екатерина Аничкина из Альметьевска, тоже вступила в Союз писателей Татарстана с нашими рекомендациями и стала лауреатом премии им. Сажида Сулеймановой, а также руководителем филиала ЛитО им. Гарифа Ахунова в Альметьевске с 2010 г. Креативный поэт Андрей Малов (ДЦП) с 12 лет посещал ЛитО им. Гарифа Ахунова, а после окончания КГУ уехал в Ялту,

сейчас снимается в кино, играет в спектаклях. Но и о нас не забывает. Мы очень рады за него и желаем новых успехов.

Известный казанский композитор, педагог Дмитрий Бикчентаев с группой талантливых незрячих музыкантов «НеЗаМи» и режиссер Евгений Аладинский поставили по пьесе-сказке Бориса Вайнера «Сон Шарманщика» музыкальный спектакль, который они с успехом играют на самых различных площадках для инклюзивной аудитории.

Можно еще вспомнить участников с особенностями здоровья ЛитО им. М. Зарецкого и ЛитО им. Гарифа Ахунова: это Ирина Маврина, Рашид Нурутдинов, Михаил Тузов, Саша Кашина, Дина Садыкова, Елена Михалева, Светлана Грунис, Сергей Карпеев, Владимир Гаранин, Елена Хабибуллина, Дамир Хайруллин, Гульнара Миранова, Венера Новичкова, Лилия Загретдинова, Илья Чирков, Ильдар Сафин, Татьяна Нужина и др. Иных уже нет с нами, но мы всегда будем помнить о них.

Наши литобъединения помогали многим начинающим литераторам сделать первые шаги на литературном поприще, в той или иной степени реализовать творческий потенциал, социально адаптироваться, поверить в свои неограниченные возможности, публиковаться. В итоге А. Кашина, М. Тузов, Д. Садыкова, О. Овчинникова, Е. Аничкина и С. Грунис стали полноправными членами Союза писателей Татарстана, а С. Карпеев и Г. Миранова – членами Российского союза писателей.

Часть авторов вместе с осталь-

ными самыми одаренными и трудолюбивыми членами ЛитО разных лет – Альбина Абсалямова, Анна Русс, Айгель Гайсина, Михаил Урецкий, Наталья Гусева, Леонид Хотинков, Галина Булатова, Эдуард Учаров, Инесса Фа, Юлия Сандлер, Николай Тутышкин, Валентина Орлова – активно себя реализуют в литературном и культурном пространстве нашей республики. Они стали членами творческих союзов, призерами и дипломантами различных конкурсов, что, несомненно, очень радует.

За 25 лет существования ЛитО им. Гарифа Ахунова (до 2017 г. оно называлось «ЛитО «Белая ворона») вышло 11 сборников, составителем которых была заслуженный работник культуры РТ, член СП РТ Наиля Ахунова, а литературным редактором – заслуженный деятель искусств РТ, лауреат премий Г. Державина, М. Горького и С. Сулеймановой, член Союза писателей Татарстана Борис Вайнер¹. Также с нашей помощью выходили совместные издания с ТРО ВОИ и при поддержке правительства нашей республики, например, сборник произведений авторов-инвалидов Татарстана «Сердце сердцу радо» (2013)².

Отзывы наших авторов о ЛитО, в том числе в соцсетях:

Екатерина Аничкина (Альметьевск), член Союза писателей РТ: «Что такое ЛитО. У каждого свой ответ. Это и литературная мастерская, и место встреч единомышленников. А еще это большая семья, которая тебя любит, воспитывает, закаляет. А главное – верит и вдохновляет!

Спасибо огромное за возможность раскрыть свои способности! И за то, что видите личность, а не диагноз!

Елена Михалева (Казань): «Спасибо Наиле Гарифзяновне и Борису Григорьевичу за новый литературный всплеск в моей жизни, который помогает пережить нелегкие сегодняшние времена и всем коллегам по ЛИТО»

Гульнара Тагирова (Казань): «Спасибо нашим Учителям и мудрым наставникам за то, что они вкладывают в каждого из нас частичку себя. И поэтому мы раскрываемся и находим силы для дальнейших творческих подвигов! Спасибо вам большое!»

Полина Осипова-Шевалье (Москва), поэт, переводчик, музыкант: «Вы отдаете себя, дарите свою энергию людям, в том числе и с ограниченными физическими возможностями, которые нуждаются не в жалости, а в том, чтобы окружающие признали, что и у них есть замечательные белые крылья!»

Сергей Карпеев (Казань), член Союза Российских писателей: «Удачи вам и долгих творческих лет! Хорошо кем-то сказано: Да разве сердце позабудет того, кто хочет нам добра, того, кто нас выводит в люди, кто нас выводит в мастера!»

«Литературная Казань»: «Литературный процесс Татарстана в общем и русскоязычный его сегмент в частности сконцентрирован, как и, наверное, в большинстве регионов, в столице нашей республики – Казани.

В городе действуют три крупных литературных объединения. Наи-

более социально значимое из них – ЛитО «Белая Ворона» – функционирует при Казанском медицинском университете (Примечание: ЛитО «Белая ворона» Наиля Ахуновой с 2015 г. – «в свободном полете» после выхода его руководителя на пенсию, ведет она его сейчас на общественных началах).

С 2017 г. переименовано в ЛитО им. Гарифа Ахунова. Сюда приходят начинающие авторы, люди с ограниченными физическими возможностями и все те, кто чувствует в себе творческое начало. У руководителя студии – Наиля Ахуновой – казанской поэтессы, дочери классика татарской литературы Гарифа Ахунова – все без исключения находят теплый прием, а многие приобретают свою вторую большую и дружную семью. Наиля Ахунова – большая подвижница творчества нашей землячки – поэтессы Вероники Тушновой. Ежегодно в память о ней для одаренной молодежи Наиля Гарифзяновна проводит фестиваль «Галактика любви». Консультирует «Белую Ворону» детский поэт, переводчик и драматург Борис Вайнер. А сама руководительница ЛитО серьезно развивает в Казани восточные формы – хайку и хайбуны».

15 лет назад в Татарском книжном издательстве вышла антология казанской поэзии с 1940 по 2005 г. под названием «Как время катится в Казани золотое...», куда вошло более ста поэтов, среди них многие авторы прошли через наши литературные объединения³. Сейчас это уже библиографическая редкость. Многие наши авторы из литобъеди-

нения публиковались в «Казанском альманахе» (главный редактор Ахат Мушинский), в журналах «Идель», «Казань», «Сююмбике», «Татарстан», а также в московских альманахах «Полевые цветы» и «Росинки». Недавно увидел свет сборник женской поэзии Татарстана в переводах на татарский язык Индуса Сирматова «Илһамлы кызлар жыры» в рамках Программы «Рухият» ПАО «Татнефть», куда вошли стихи 12 поэтесс, в том числе и имеющих отношение к нашим ЛитО: Лидии Григорьевой, Розы Кожевниковой, Наиля Ахуновой, Альбины Абсалямовой, Саши Кашиной... А в 2021 г. вышел юбилейный сборник ЛитО им. М. Зарецкого и ЛитО им. Гарифа Ахунова «Из Казани с любовью» (редактор-составитель Н. Г. Ахунова, лит. консультант Б. Г. Вайнер), куда вошли 45 авторов наших литобъединений, в их числе и авторы-инвалиды⁴. В настоящее время, в Год народного единства народов РТ, в Татарском книжном издательстве готовится к изданию книга стихов и сказок для детей Ленара Шаеха «Мин алдамыйм!» («Я не лгу!») на двух языках Татарстана в переводах Бориса Вайнера (основной редактор-переводчик), а также наших студийцев под его редакцией: Н. Тутьшкина, Е. Аничкиной, Инессы Фа (Фахрутдиновой), М. Черемисовой.

Мы с Борисом Вайнером проводим различные конкурсы и фестивали, например, конкурсы хайку, литературно-краеведческий фестиваль им. Гарифа Ахунова, конкурсы переводчиков, инклюзивный фестиваль поэзии «Галактика

любви» имени Вероники Тушновой с 1998 г. ежегодно – силами ЛитО им. Гарифа Ахунова при поддержке единомышленников. И каждый год этот фестиваль открывал нам новых лауреатов и дипломантов: Альбину Абсалямову, Тимура Алдошина, Алену Каримову, Галину Булатову, Айгель Гайсину, Владимира Гаранина,

Сашу Кашину, Инессу Фа, Людмилу Пельгасову, Невену Летаеву и многих-многих других.

ЛитО им. Гарифа Ахунова добились, чтобы на карте города появились улицы Г. Державина, Е. Боратынского, Н. Заболоцкого и В. Тушновой. Нам есть чем гордиться и что вспомнить к нашим юбилеям.

Сведения об авторе: Ахунова Наиля Гарифзяновна, руководитель ЛитО им. Гарифа Ахунова, e-mail: bgorin@mail.ru.

Аннотация. Одним из основных, очень важным направлением деятельности известных казанских литобъединений – ЛитО им. Марка Зарецкого (руководитель Борис Вайнер) и ЛитО им. Гарифа Ахунова (руководитель Наиля Ахунова) – является работа с авторами с ограниченными физическими возможностями.

Ключевые слова: литературные объединения г. Казани, ЛитО им. Марка Зарецкого, ЛитО им. Гарифа Ахунова.

Abstract. One of the main, very important activities of the well-known Kazan literary associations is the LitO named after Mark Zaretsky (headed by Boris Weiner) and LitO named after Garifa Akhunov (headed by Naila Akhunova) is working with authors with disabilities.

Key words: literary associations of Kazan, LitO named after Mark Zaretsky, LitO named after Garifa Akhunov.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Ковчег: Альманах ЛитО «Белая ворона». Вып. № 9.– Казань: Отечество, 2009; С высоты птичьего полета: Альманах ЛитО «Белая ворона». Вып. № 10.– Казань: Плутон, 2015.

2 Сердце сердцу радо / Сост. Н. Ахунова.– Казань: Плутон, 2013.

3 «Как время катится в Казани золотое...» / Сост. Л. Газизова.– Казань: Татарское книжное издательство, 2005.

4 Из Казани с любовью.– Казань: Плутон, 2021.

ИЗУЧЕНИЕ ПОЭЗИИ Р.Р.БУХАРАЕВА В МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ

Курбанова Н. К.

STUDY OF R.R.BUKHARAEV'S POETRY IN A MOSCOW SCHOOL

Kurbanova N. K.

Равиль Бухараев... Чем он может быть близок нам, учителям, нашим учащимся, особенно старшеклассникам? Широтой своих дарований, умением видеть мир в самых разных его проявлениях. Возникает желание посмотреть на «яблоко, привязанное к ветке», увидеть «редкий дождь», полюбоваться «временем цветов», приглядеться к «звездочке ромашки», ознакомиться «с комментариями к любви», побывать вместе с поэтом на территории мира Тукая, пройти «по улице Каюма Насыри», поразмышлять об исламском богослужении.

Разве не удивителен венок сонетов, написанный Р. Р. Бухараевым на венгерском языке? А ведь этот сборник сонетов стал первым в истории венгерской литературы.

Да, Равиль Раисович Бухараев, действительно, крупнейший поэт века и гражданин мира. «Отпусти мою душу на волю»... Душа и воля... Как тут не вспомнить пушкинские слова: «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Нам, чувствующим и в какой-то степени

формирующим души детей, хочется, подобно лирическому герою Бухараева, воскликнуть: «Господи,пусти меня в мою же собственную душу», ведь она «родня лишь деревьям и рекам в просторах Сада».

М. Валеев называет Р. Бухараева мыслителем ренессансного типа, ведь поэт пропускает через себя каждое незначительное явление, чтобы вернуть его миру преображенным. Настоящему учителю должно быть присуще это умение – пропускать через себя то, чем живет его ученик.

Да, нам нужен Равиль Раисович Бухараев. По словам Луизы Бухараевой, «Равиль сложен и прост одновременно. Он близок каждому внимательному читателю, которому сообщает что-то настолько важное, что не может оставить того безразличным. Он пробуждает мысль и чувство».

Каждый год на первом уроке русского языка в любом классе мы говорим о роли языка в жизни человека. И тут очень кстати знакомство со стихотворением нашего поэта «У пролива», где есть удивительные

строки: «А знать родной язык – не ремесло, он не прощает и полузабвенья». Равиль Бухараев, подобно Пушкину, Тукаю, понимал, что язык был создан людьми и для людей. Он мощный инструмент в деле взаимодействия людей разных национальностей. Не случайно упомянутое произведение «У пролива» посвящено Алмазу Пачкория, татарину и грузину.

Уровень межнационального общения выше, когда литературная и разговорная речь взаимосвязаны. Это, как известно, впервые в русской литературе продемонстрировал А. С. Пушкин, поэт мира, чей образ мы видим в стихотворении Равиля Раисовича «Пушкин в Грузии»:

Итак, еще чуть-чуть, любезная удача!

В неомраченный день хочу, смеясь и плача,

любить и сгоряча благодарить судьбу...

Р. Бухараев, кажется, благодарил судьбу за то, что у нас есть Пушкин, который, по словам Г. Тукая, «себе равных не имел, поэт вольнолюбивый».

В произведении «Ночь Тукая» лирический герой, Тукай, подобно Пушкину, умеет и хочет любить все чудесное, саму жизнь. Как пронзительны, искренни, понятны каждому,

Колыбель мою качая, тихо-тихо пела мать.

Подрастая, сказки бабушки я начал понимать.

*О язык мой, мы навечно неразлучные друзья,
с детства стала мне понятна радость и печаль твоя.*

О язык мой, как сердечно я молился в первый раз:

«Боже, – я шептал, – помилуй мать, отца, помилуй нас».

Московская школа – это поликультурные классы, где так важно

любящему столицу Татарстана, слова:

*Люблю Казань: мечети и бараки,
люблю я на Булаке тополя,*

*Люблю поля в закатном полумраке
под розовыми стенами кремля.*

Каждый мой старшеклассник, прочитав это произведение, проникнется особой любовью к своей малой родине и захочет увидеть Казань, про красоту которой так много говорят сейчас в Москве и за ее пределами.

Часто на уроках приходится говорить о небрежном отношении наших современников к языку, о необходимости бережного к нему отношения. Так хочется, чтобы мои ученики, подобно лирическому герою произведения Равиля Раисовича «Ночь Тукая», умели просить прощения перед родным своим языком:

*Прости меня, татарский мой язык,
Язык родной,*

единственный мой, белый...

Любя все родное, татарское, ценя наследие великого татарина Тукая, Р. Бухараев, занимаясь переводами творений нашего гения, сделал их достоянием миллионов людей. С какой гордостью я смотрю на страницы учебника по литературе для 6 класса, где есть материалы о творчестве Г. Тукая, и с какой радостью читаю его стихотворение «Родной язык» в переводе Равиля Раисовича:

сохранить чувство родства друг с другом, где каждый ощутит свой

немеркнущий след на русской земле. При обращении к теме «Образ народа в поэзии Серебряного века» с огромным чувством гордости читаю замечательное творение Г. Тукая в переводе Р. Бухараева:

*Наш след не померкнет на русской земле.
Мы – образ России в зеркальном стекле.
В лад жили и пели мы с русскими встарь:
свидетельством – нравы, привычки, словарь.
Мы с русским народом сроднились давно.
Во всех испытаньях стоим заодно.
Такого родства временам не избыть!
Нас крепко связала истории нить.
Как львы, мы отважны в тревогах войны.
Как лошади, трудимся в мирные дни.
На счастье – с народом любим наравне –
имеем мы право в родимой стране!*

Для героя этого стихотворения важны духовные ценности: умение дружить и ценить друг друга, любовь к труду, к родной земле, готовность ее защищать, душевность.

Знакомясь с циклом стихотворений Р. Бухараева «Отпусти мою душу на волю», вместе с героем задумываешься над тем, зачем ты пришел в этот мир, прислушиваясь к душе, задаешься вопросом: «Душа, о чем ты снова стонешь?». Мои старшеклассники чувствуют героя этого цикла, слава Богу, у них есть душа.

Они нуждаются в душевном тепле, тянутся к нему.

Слова Р. Бухараева: «Когда вернусь в казанские снега, мы разглядим друг друга в свете Бога» – словно обращены к каждому из нас. Он, боготворивший Пушкина, Тукая, заявлявший про себя: «Я гражданин Казани», здесь, на казанской земле. Многие из нас, в том числе мои воспитанники, могли бы ему сказать, как близкому человеку: «...душе моей близки твоей души порывы».

Сведения об авторе: Курбанова Надия Касымовна, преподаватель русского языка и литературы ГБОУ «Школа № 508», г. Москва, e-mail: nadia1564@yandex.ru.

Аннотация. Тематика поэзии Рафиля Бухараева такова, что при рассмотрении творчества великих поэтов XIX–XX вв. возникает потребность в обращении ко множеству произведений этого мастера художественного слова. Возникает необходимость изучения творений большого поэта. Лирический герой его стихотворений, безусловно, близок современным старшеклассникам желанием понять самого себя, умением видеть красоту жизни.

Ключевые слова: Р. Бухараев, поэзия, душа, духовность.

Abstract. The theme of Ravil Bukharaev's poetry is such that when considering the work of the great poets of the 19th and 20th centuries, there is a need to refer to the many works of this master of the artistic word. There is a need to study the works of our great poet. The lyrical hero of his poems, of course, is close to modern high school students with the desire to understand himself, the ability to see the beauty of life.

Key words: R. Bukharaev, poetry, soul, spirituality.

ДУХОВНО Я НАЗЫВАЮ СЕБЯ ГРАЖДАНИНОМ КАЗАНИ

Салимова Ф. Б., Фазлиев Р. М.

SPIRITUALLY I CALL MYSELF A CITIZEN OF KAZAN

Salimova F. B., Fazliev R. M.

Вступление в третье тысячелетие ознаменовалось для татарской культуры долгожданным событием – появлением на англоязычных книжных рынках мира исторической «Антологии татарской поэзии», вышедшей в Лондоне, которая включает в себя в переводе на английский язык свыше ста произведений более 40 татарских поэтов разных эпох от Кул Гали (XII в.) до Фаннура Сафина (конец XX в.).

В 2014 г. вышла в свет замечательная книга – антология русской прозы Татарстана «Когда вернусь в казанские снега...» в Татарском книжном издательстве (составители Р. Сабиров и М. Небольсина). Презентация этой книги состоялась в Союзе писателей РТ. Среди авторов знакомые имена: Василий Аксенов, Равиль Бухараев, Диас Валеев, Лидия Григорьева, Рустем Кутуй, Рафаэль Мустафин, Татьяна Пашагина, Наиля Ахунова и др. Со многими из них я встречалась в коридорах Дома печати, на юбилейных вечерах в театрах и музеях Казани. Книга стала библиографической редкостью. Название ее взято из стихотворения Р. Бухараева «Когда вернусь

в казанские снега...».

С творчеством Равиля Раисовича Бухараева я подробно познакомилась, читая и перечитывая книгу «Зачарованная столица», которая издана в 1995 г. в Великобритании на русском, татарском и английском языках. В этом же году был открыт музей детской литературы Дома детского и юношеского туризма «Простор», где мы встречаемся с писателями и деятелями культуры, проводим конкурсы юных экскурсоводов на русском, татарском, английском и турецком языках. А призами для победителей конкурса и была книга Р. Р. Бухараева «Зачарованная Казань», которая помогает нам увидеть, «как загадочен и прекрасен город, где выпала нам доля жить и трудиться». Ведь эта красочная и живописная книга увидена и запечатлена зарубежным фотографом Драголюбом Замуровичем, им созданы иллюстрации к альбомам по многим городам и странам.

Книга написана с любовью и ностальгией по старинным зданиям и башням древней Казани, она напоминает нам строку Г. Р. Державина, ставшую пословицей и пережившую

уже больше двух веков: «Отечества и дым нам сладок и приятен...». Вот как поэт пишет о «Сенном базаре в Казани»:

*Как по лоткам, по лавкам
да по мясным рядам
Отчаянная давка –
«Купи, я все продам».*

*Уценены корзины,
картофель и Коран.*

*Кричали муэдзины.
Сопя, дышал Кабан.*

*Как на Сенном базаре
звенело серебро,*

*Когда Гаврил Романыч
к штыку равнял перо!*

Злодея наказали.

Все тихо наконец.

– Что слышно на Казани?

– Торгуют, экселенц.

Незадолго до поездки в Великобританию мне в министерстве культуры подарили состоящую из 10 песен книгу «Сказ о Казани», которая вышла к 1000-летию Казани.

Каждая песня книги начинается со слов: «Все доброе совершается в Единстве». Ведь история нашего древнего города – это гимн созиданию, добрососедству и взаимному обогащению культур. В этой книге я искала строчки, посвященные Старотатарской слободе, так как я родилась там, и наша семья проживала на ул. Парижской коммуны, 21. Сейчас этого дома нет. К сожалению, его снесли, как и многие другие дома, в том числе и дом на углу улиц Татарстана и Московской, где последние годы проживали Г. Тукай, Ф. Амирхан и др.

Вот что пишет Р. Бухараев в «Поэме о Тукае»:

*– Край сказок – 3
аказанье – наяву!*

Как прежде,

грудью падаю в траву.

И затихаю... Золотой кузнечик

Скакнет с ладони,

овод прожужжит,

*и трепеща, качнется звездный
венчик...*

Малиново гвоздичка зацвела...

Каждый раз, возвращаясь в Казань, Равиль Бухараев возвращается в свое детство, которое прошло в Плетенях, недалеко от ул. Тукаевской, где он в возрасте 5–6 лет начал писать стихи.

«Вся Старотатарская слобода, от левого берега вдоль набережной озера Кабан, представляет собой единую архитектурно-культурную зону, воистину достойную стать заповедной. Каждый сохранившийся от прошлых веков дом слободы имеет своеобразием и свою родословную: дом Апанаева, дом Шамсутдинова, дом Шакир-солдата... Богатые особняки, скромные дома ремесленников и торговцев, старинные мечети и торговые склады. Широкие и узкие улочки, набережная Кабана – все они сияют собственным цветом в пестром историческом калейдоскопе», – пишет Р. Бухараев.

Его сказка – пьеса «Волшебные сны Апуша» о детстве Тукая – не сходит со сцены театров многие годы. Глазами человека XXI в. он осмысливает образ великого поэта в общекультурном пространстве – не только в Татарстане, но и в российском и общемировом пространстве. Его уникальная поэма «Поэзия Золотой орды» – первый шаг к новой

оценке золотоордынского ханства в культуру многоязычной России, но важно, что он сделан Р. Бухараевым – не случайно он издал в Лондоне антологию татарской поэзии на английском языке.

Равиль Бухараев относится к тем людям, которые живя на стыке культур и традиций, не стараются ломать мосты, а пытаются создавать гармонию единств.

Заинтересовавшись жизнью и творчеством замечательного писателя и поэта, стала изучать публикации о нем и, конечно, его книги-размышления. К сожалению, его книг в магазинах Казани нет, изредка находила их в библиотеках.

Совокупность литературно-общественной деятельности Рауиля Бухараева так масштабна и значительна, что сегодня татарскую культуру трудно представить без его творческой фигуры. Правда и то, что за годы целенаправленного труда этот известный и талантливый поэт, прозаик, драматург, переводчик, историк и публицист вышел далеко за пределы одного лишь татарского культурного пространства. Его книги, которые он писал на русском, татарском, английском и венгерских языках, известны не только в Татарстане, России, они уже стали частью общемировой культурной картины. Собственные стихи Рауиля Бухараева в авторском исполнении хранятся в аудиоархиве Британской библиотеки в Лондоне, куда он был приглашен в числе 10 самых значительных иноязычных поэтов.

К сожалению, об этом я узнала уже после поездки в Англию. А ведь

я посещала Британский музей и библиотеку...

В Лондоне я встретила с вдовой писателя Лидией Григорьевой в гостинице, где за чашкой чая мы беседовали о жизни и творчестве Рауиля Бухараева, а также о литературной жизни Казани. Я передала ей книги о Татарстане и «Зачарованную Казань» на английском языке. Лидия Николаевна подарила мне книгу «Войди в другую комнату» с надписью: «На память о моем великом муже – Рауиле Бухараеве, 17 августа 2014 г., Лондон» и «Коран» в переводе с арабского. Она рассказывала о том, что каждый зов в Казань для него был священен, он стремился всегда в Казань. Его стихи математически точны. Ведь он был математиком, как и его родители.

Я поблагодарила Лидию Григорьеву, затем проводила ее, мы сфотографировались в холле гостиницы. Встреча оказала на меня незабываемое впечатление. Я долго размышляла о нашей беседе. Наверное, для писателя была важнее оценка признаний его трудов в России, на его духовной родине – в Татарстане.

Р. Р. Бухараев – лауреат республиканских премий имени Г. Тукая и М. Джалиля, заслуженный деятель искусств РТ, лауреат кинофестиваля «Золотой минбар» и премии «Новая татарская пьеса». Литературно-общественная деятельность Рауиля Бухараева значительна. Сегодня татарскую культуру трудно представить без его творческой фигуры. В 2009 г. он стал лауреатом российского конкурса в номинации «Поэзия года» за сборник стихов «Отпусти

мою душу на волю». Он был частым участником делегаций на зарубежных книжных ярмарках в Китае, Индии, Франции, Швейцарии, Египте, Великобритании... «Где бы ни жил Равиль Бухараев, где бы ни трудился, весь его труд, все его помыслы, вся его литературная деятельность связаны с Татарстаном, с татарской культурой», – пишет Чингиз Гусейнов, писатель, профессор МГУ.

Он неумоимо помогал татарстанской культуре, был организатором и инициатором создания татарского отделения писателей международного ПЕН-клуба, гастролей Татарского академического театра имени Г. Камала в Лондоне, международного детского турнира по хоккею на траве.

Сведения об авторах: Салимова Фарида Бакеевна, руководитель музея детской литературы Дома детского и юношеского туризма и экскурсий «Простор», г. Казань, e-mail: cduktprostor@mail.ru; Фазлиев Рафаэль Маннапович, директор Дома детского и юношеского туризма и экскурсий «Простор», г. Казань, e-mail: cduktprostor@mail.ru.

Аннотация. В статье один из авторов рассказывает об опыте прикосновения к личности и творческому наследию поэта Равиля Бухараева. Отдельно описывается поездка автора в Лондон и встреча с вдовой писателя.

Ключевые слова: Р. Бухараев, поэзия, Казань, родина, воспоминания.

Abstract. In the article the author tells about the experience of touching the personality and creative legacy of the poet Ravil Bukharaev. Separately, the author describes a trip to London and a meeting with the writer's widow.

Key words: R. Bukharaev, poetry, Kazan, homeland, memories.

Находясь в Лондоне, Бухараеву удалось вывести татарскую поэзию на мировую арену, издав на английском языке антологию татарской поэзии, куда вошли произведения более 50 поэтов – от Кул Гали до Фаннура Сафина.

«Все что я ни делал, я делаю для Казани, для Татарстана и хочу, чтобы это понималось. Что значит быть татаринном? Ведь необязательно безвылазно сидеть в Казани или в татарской деревне. Чтобы я ни делал, все я посвящал Татарстану, это смысл моего существования. Духовно я бы не называл себя гражданином мира, духовно я назвал бы себя гражданином Казани», – говорит о себе Равиль Бухараев в одном из своих последних интервью на телевидении.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ РАВИЛЯ БУХАРАЕВА (ЕСЛИ ВИДЕТЬ СЕРДЦЕМ)

Черняева Е. В.

ON RAVIL BUKHARAEV'S POETIC PROSE (IF YOU SEE WITH YOUR HEART)

Chernyaeva E. V.

Равиль Бухараев – поэт, а у поэта настоящего и проза удивительно поэтична, красочна, потому что все в ней от вдохновения, от Бога.

Есть у Равиля Бухараева строки: «Все доброе совершается в единстве. И если видеть сердцем – в капле росы отразится Вселенная».

Равиль Бухараев все видел «сердцем», начиная с самых своих ранних лет и до конца жизни. В «Дневниках существований» он пишет, что «всякого человека создают не только поступки, но и окружающие его люди. И еще: «История города – это история людей, передавших ему толику собственной души». Равиль Бухараев считал, что миром управляет добрая сила, и что в «Логике мироздания нет случайностей», а Казань существует, потому что «все доброе совершается в единстве». Отзвуки любящего сердца Равиля Бухараева – во всех его произведениях, будь то стихи, проза, драматургия, путевые дневники или воспоминания о детстве.

Человек всемирного, он смотрел на мир сквозь призму своего сердца.

Весь мир для него – это одно пространство добра и света.

Вот Равиль Бухараев в Америке, в Чикаго – в «архитектурной столице» Америки. Вокруг колоссальные, прямоугольные, круглые, конусовидные небоскребы – «небес касающиеся призмы», и тут же вспоминается ему родной город его детства – Казань. Маленький домик, охапка принесенных с мороза березовых сокровенно-сочных поленьев, которыми они с отцом топят печь. А в доме синее окно подернуто изморозью и полоска света под дверью комнаты отца, где он разучивает «Лунную сонату», уже в зрелом возрасте решив освоить игру на фортепиано, отец всегда мечтал о музыке, но в его детстве не было возможности обучаться музыке, однако он ее чувствовал, он жил ею и он научил сына Равиля слышать музыку, находить ее во всем окружающем мире. И вот еще: чикагская панорама на озере Мичиган, маленькие птички Милуоки, порхающие по ветвям облетающего осеннего сада, напоминают ему родные места на татарской реке Меше

и старый сад и шалаш, который для мальчика Равиля был центром мира. Озеро Мичиган – чистое как родственная любовь, а здание планетария похоже на мечеть. И хайвей – дорога похожа на среднерусский ландшафт с ивами и дубами и сосны! Эти великолепные сосны! Простое открытие наблюдательного очевидца: все, что требуется для новых ожиданий будущего: смиренное мужество духа. Леса Заказанья возвращаются к поэту-философу в разных обличьях, в разных частях мира в круговороте любви и жизни. Он смотрит на маленькие озера в штате Висконсин и ему вспоминаются продолговатые лужицы ранней весной в Заказанье. Лужицы, в которых пробуждается жизнь в прозрачно-льדיстых заберегах после весенних заморозков, многократные малые миры – жемчужная лягушечья икра, а еще отражаются перистые облака, застывшие в заглобевшем небе. Все, что обещалось, имело сбыться. Душа, умудренная знанием, перестает совершенствоваться, появляется боязнь грядущего, которой не бывает в детстве, но живое останется живым. Все прекрасное происходит в движении надежд. Все создается, чтобы не исчезнуть, а продолжиться новым обещанием и возобновиться по-новому. Заросли ивняка и затесавшаяся среди верб ольха с черными, как шишки, сережками и яблони в мотыльковых бело-розовых цветках – все остается в памяти Равиля, все потом выльется в стихи. Детство с его немислимимым счастьем чистых и свежих чаяний – все это в произведениях зрелого мастера. И вот об этом

«Дневники существований» Здесь – веющий детством запах закатной воды, морозящий заволаживающий дождь, рыбалка в Богемии с любимой женщиной Лидией и ее золотые волосы на закате, и серебристые карпы, которых они ловили вместе. Символы счастья, символы любви. Все вокруг красиво, когда человек видит мир сердцем, а поэт Равиль Бухараев иначе и не мог. Он сам был сплошное сердце – пульсирующее сердце любви в прекрасном мире, напоенном светом, в мире, который сотворился вокруг его добрейшего сердца, все воспринимающего, на все откликающегося сердца.

И снова воспоминания детства – вечная игра в рыбалку, как оправдание желаемого одиночества. Удочка – волшебная палочка, преображающая мир, восстанавливающая утраченную связь с природой. Озеро, сплошь усеянное мелкими повторяющимися, сливающимися в пузырьчатую рябь дождевыми окружьями. Дикая утка – большая синекрылая кряква, гуси, кричащие в сером, осеннем небе по-татарски – Кыйгак! Кыйгак! И еще Казанский зоопарк, куда впервые Равиль попал с отцом. Маленькие птицы, изображающие движение листвы на голом дереве в Америке, напомнили птичек в Казанском зоопарке, что когда-то увидел, придя туда с отцом. Важно то, с чего все начинается, что и отличает тебя от других созданий. Воробьиная вольера, Ближний, Средний и Дальний Кабан. Когда-то здесь плавали пароходы с Андреевским флагом – от центра Казани до сада «Аркадия» и «Архиерейской дачи».

А дальше – холмы и старицы, волжские заливы, леса, где собирал подберезовики и красноголовые подосиновики, синеющие на срезе. В лесах нет американских кленов, они только в городе, в лесах дубы, ели, рябина, черемуха и татарская жимолость. А в садах зацветает мелкозвездчатыми гроздьями смородина, юные клейкие ее листики умонепостижимо пахнущие, и крыжовник, и яблонька-китайка, и праздник первоцветов в розово-фиолетовых колокольчиках. И дальше Равиль завершает один

из рассказов «Дневника»: «Хочется повторить за Экзюпери: «я не совсем уверен, что жил после того, как кончилось детство».

Но у настоящего поэта детство не кончается никогда, та светлая открытость миру, то зрение сердца остается с ним всегда, и даже после того, как поэта не стало, свет его сердца лучится сквозь все преграды времени и пространства, и он снова с нами, снова радуется великой симфонии жизни, ведь сердце поэта не умирает никогда.

Сведения об авторе: Черняева Елена Владимировна, журналист, газета «Звезда Поволжья», г. Казань, e-mail: olena_che@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется философская проза поэта, переводчика Равиля Бухараева «Дневники существования» и другие его произведения, в которых раскрывается картина мира поэта, поиски единства мира между людьми различных национальностей и вероисповеданий, стремление найти общее в мире.

Ключевые слова: Р. Бухараев, образ родины, детство поэта, связь культур мира через детство.

Abstract. The article analyzes the philosophical prose of the poet, translator Ravil Bukharaev «Dianies of Existence» and his other Works, Which reveals the picture of the poet's World, his Search for the unity of the World and people of different nationalities and Religions, about the desire to find common in the World.

Key words: R. Bukharaev, image of Homeland, poet's Childhood, the connection of Cultures of the World through Childhood.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РАВИЛЕ БУХАРАЕВЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Мухеева Н. В.

FROM MEMORIES OF RAVIL BUKHARAEV: LITERARY MEETINGS

Mikheeva N. V.

Впервые я увидела Равиля Бухараева в марте 1973 г., когда пришла в литературное объединение к Марку Зарецкому. Обсуждали новое стихотворение, которое прочел Р. Бухараев, студент КГУ, молодой, розовощекий, энергичный юноша:

*... Женщина.
Темно и зыбко,
в полужимнем облаченьи
словно траурная рыбка
проплывает сквозь свеченье...
Вот глаза ее живые
и зрачок, как синий глобус,
вот неслышно звонкий голос
и мелодии немые...
... Мех. Сапожки. Снег и лужи,
голубые, словно сливы...
Март уже. Свеченье стужи.
Март веселый и тоскливый¹.*

Это стихотворение меня поразило, понравилась мелодия стиха, красивые, хрупкие слова. Разбирали его тщательно.

Марк Давидович Зарецкий сделал ему замечание-вопрос: «Как это – зрачок, как глобус? У нее всего

один глаз получается? Нужно до-работать!». Несколько раз стихотворение прочитал и сам Зарецкий, с потрясающей дикцией, похвалил, сказал, что метафора – это главное в стихотворении. Оно почти сразу запомнилось мне.

На этом занятии читали свои стихи Эльмира Блинова, Николай Беляев, Анатолий Васин и другие...

Так случилось, что следующая встреча произошла только в 2001 г., осенью – в университете отмечали 50-летие Равиля Бухараева. Мы пришли на вечер с Нелли Земляниченко. В перерыве подошли поздравить его, и я напомнила, что мы уже встречались в далекой юности в ЛитО у Марка Зарецкого... Он изменился, возмужал, отпустил бороду и усы, появилась седина, стал носить очки... Когда он читал стихи во втором отделении, а мы сидели в первом ряду, я видела, что он пристально смотрел, пытаюсь вспомнить, и не мог...

25 апреля 2004 г. в музее Горького состоялась творческая встреча Равиля Бухараева с членами ЛитО.

Он рассказывал о себе. Первое стихотворение его было напечатано в газете «Комсомолец Татарии» в 1968 г. Затем учеба на мехмате КГУ. Потом Москва... «Поэзия и жизнь – одно и то же. Спустя 20 лет я понимаю, что можно было сделать гораздо больше. Это некий дар божий, который от тебя не зависит, и ты как инструмент, в каком ты находишься состоянии: расстроенный или нет...»

Вопрос из зала: «Что такое литература для Вас?». Ответ: «В 90-х хотел бросить это занятие, но у меня не получилось. Большую аудиторию собрать невозможно, а поэты ждут ответную реакцию, переживают. Поэзия – это дело души, на этом денег не заработаешь. Литература – ее рассчитать нельзя, она, как родник, ее нельзя затоптать. Я оптимистически смотрю, как все происходит, люди пишут... Не нами это завелось и не нами кончится. Модно стало не делить на графоманов и поэтов. Поэт – это прежде всего судьба, это предопределенность, это невозможность не писать. В городе Саянске, где издали 50 брошюрок поэтов, это не стихи, а засорение литературного пространства. Казани это не грозит. Чтобы издать книгу, нужно пройти жесткий отбор. Принятие в Союз писателей давало стимул что-то делать. Даже великий японский поэт Басе входил в литературное объединение. Да здравствует литературное объединение! В заключение скажу, что я хотел бы быть настоящим поэтом. Для меня выше этого признания нет. Кто кем хотел стать – тем и стал».

14 ноября 2005 г. в музее Горького прошла презентация книги Равиля

Бухараева «Дневники существования», изданная в Санкт-Петербурге. Книга очень внушительная, объемная. Проза – воспоминания ностальгического характера о детстве, о Казани. Он рассказал предысторию написания новой книги и прочитал 3 отрывка из нее. В начале история о том, как много лет назад, когда ему было всего 20 лет, он уехал поработать, писать в Боровое Матюшино, на берег Волги. Но тогда не писалось, а только через 20 лет это вспомнилось и создано. Бытие не имеет конца. Жизнь каждого из нас единственна и неповторима...

Следующий отрывок о том, как ходил с дедом осенью в зоопарк в детстве. Так описал, буквально каждую веточку, как будто все, что читал, мы видели на экране, как фильм какой-то... Здорово! Удивительно!

«Мы пришли в этот мир и нас не отторгают... О Боге – высоко, он в него верит. Он считает, если он нас создал и все, что происходит вокруг нас, значит, это для чего-то было нужно. У каждого есть смысл и цель существования... Все это не просто... Человек не должен унывать, «списывать» себя, нужно жить, постоянно что-то делать. Важно трудолюбие, а все остальное от Бога.

Вопрос из зала: пишете вы сейчас стихи или перешли на прозу?

«Стихи требуют досуга, много свободного времени, а его постоянно не хватает, так как очень много работаю. А стихи пишутся в особом состоянии...» Хотя дня 3 назад написал 4 стихотворения, посвященные сыну. «Боже, пошли мне радости» и другие, прочел их нам.

Сказал, что Лидия Григорьева написала статью «О поэзии». Что очень много развелось не поэтов, а людей, хорошо владеющих словом, техникой стихосложения. Они как фокусники, но не волшебники. Сказал, что не нужно бояться писать стихотворения без рифмы, лишь бы суть была и смысл. Стихотворение должно иметь структуру. А рифмовать научились многие, но у них далеко не стихи...

Весна 2006 г. Творческая встреча с Равилем Бухараевым в Книжном дворе Казани. Равиль Раисович прилетел из Лондона, чтобы встретиться с почитателями его творчества. Зал был полон. Он рассказывал о себе, читал новые стихи, отвечал на вопросы слушателей. Встреча прошла в теплой, дружеской обстановке. В заключении мы с Людмилой Уфимцевой подошли к нему фотографироваться, взять автограф и подарить свои книги стихов. Я принесла его книгу «Белый минарет» и попросила подписать. Он с удивлением и интересом стал рассматривать эту книгу и произнес: «А у меня такой книги нет». Я ему подарила и рассказала историю ее приобретения. У меня была книга его стихов «Бесконечный поезд». И я решила пойти в это издательство «Магариф», где должна была выйти его книга прозы. На мое счастье мне встретилась добрая женщина, которая, выслушав мою восторженную речь о Бухараеве, провела меня на склад, заставленный книгами «Белый минарет» Р. Бухараева. Я выпросила один экземпляр и была счастлива.

30 августа 2006 г. День Республики. Традиционный поэтический митинг у памятника Г. Тукаю. Вручение Равилю Бухараеву Государственной премии РТ имени Г. Тукая. Этой высокой награды он ждал много лет... Свою премию он передал Лаишевской школе-интернату для слепых и слабовидящих детей. Об этом в газете «Казанские ведомости» (05.09.2006 г.) был напечатан мой очерк «Лауреат-меценат»². Я беседовала с директором интерната Т. Камбаровою, и она рассказала, что «еще в молодости много лет назад Равиль Раисович посетил наш интернат, выступил перед детьми и педагогами. Его поразило, как дети-инвалиды любят поэзию, умеют слушать стихи, радоваться жизни. За это лето он дважды побывал у нас в Лаишево. С его помощью интернат приобрел рабочее место для программиста со слабым зрением стоимостью 198 тысяч рублей, изготовленное в Германии, оплатил обучение двух наших педагогов работе на этом компьютере, проезд и проживание в Москве».

В журнале «Идель» в 2006 г. поместили общую фотографию, где мы стоим с Равилем Бухараевым около памятника Г. Тукаю на церемонии вручения премии.

Как быстротечно время... Почти каждый год Равиль Раисович с Лидией Григорьевой прилетали из Лондона в Казань. Я ходила на все литературные встречи, презентации новых книг... Сохранилось огромное количество фотографий, записей... В последний приезд в 2011 г. он говорил в ЛитО в музее Горького: «Мне бы еще лет 20, чтоб все

успеть дописать, доделать...». Он много работал, можно сказать, сгорел на работе. А ведь ему было всего 60 лет, когда его сердце остановилось в Лондоне 24 января 2012 г. в 9 часов утра... Ежегодные перелеты из Англии в Казань – это чрезмерные нагрузки на его больное сердце... Но он не мог жить без Казани, его

всегда тянуло в родной город. Он то-сковал на чужбине, писал о Казани, о казанских снегах.

Лидия Григорьева почти 10 дней везла его в родную Казань, в его любимые казанские снега... 3 февраля 2012 г. состоялась панихида в театре Г. Камала.

Сведения об авторе: Михеева Наталия Васильевна, член Союза российских писателей, г. Казань, e-mail: miheeva.55@bk.ru.

Аннотация: В статье повествуется о поэте, переводчике, историке Р. Р. Бухараеве. Автор делится воспоминаниями о литературных встречах с поэтом на протяжении многих лет.

Ключевые слова: Р. Р. Бухараев, поэт, переводчик, литературные встречи.

Abstract. The essay tells about the poet, interpreter, historian R. R. Bukharaev. The author shares his memories of literary meetings with the poet over the years.

Key words: R. Bukharaev, poet, interpreter, literary meetings.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бухараев Р. Р. «Бесконечный поезд». – Казань: «Магариф», 2001. – С. 97.
- 2 Михеева Н. В. Лауреат-меценат // «Казанские ведомости». – 2006. – № 197. – С. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 5.6 (исторические науки), 5.9 (филология), 5.4 (социология). При подаче материала в редакцию вы должны учесть следующие требования:

1. Наличие сопроводительного письма автора на имя главного редактора (отдельным файлом), которое должно содержать просьбу автора о публикации, информацию о том, что текст предлагаемой статьи не направлялся в другие издания и проверен им лично на соблюдение этики научных публикаций.

2. Требования к оформлению публикации. Текст должен быть набран в Microsoft Office Word (редактор Microsoft Office Word 1995 – 2003, не использовать Word 2007, Word 2008, Word 2010) без каких-либо элементов форматирования, переносов, рамок, линеек и др. Шрифт «Times New Roman»; основной текст - кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля - 2,5 см; левое поле - 3 см; правое поле - 1,5 см; отступ (абзац) - 1,5 см; параметры абзацев устанавливать только автоматически с помощью опций меню «абзац»; не вводить нумерацию страниц текста; не пользоваться колонтитулами, линейками, рамками, ручными переносами и отступами; исключить лишние пробелы, обязательна проверка орфографии. Ссылки на источники и литературу должны быть концевыми, иметь автоматическую нумерацию арабскими цифрами. Они должны содержать ФИО автора работы, название, год и место издания, ссылку на страницы. В том случае, если ссылка на архивный источник, она должна содержать полное наименование архива (без сокращений), номер фонда, описи и листы дела. Текст статьи должен содержать УДК, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Объем аннотации не менее 7-8 и не более 20 предложений. Ключевые слова должны включать 5-8 понятий. Перевод на английский язык с использованием автоматических интернет-переводчиков недопустим.

Общий объем материалов (включая текст статьи, примечания, аннотации и ключевые слова) - от 8 000 знаков с пробелами до 30 000 знаков с пробелами (до 0,8 авторского листа).

Аспиранты и докторанты, при желании, могут в комплекте со статьей присылать в редакцию электронные копии документов (в формате ПДФ или jpg), подтверждающие закрепление темы, сведения о научном руководителе (консультанте).

Статьи направлять на эл. адрес:

info-ite@mail.ru с пометкой «Научный Татарстан».